

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1978

ПРЕКРАСНЫЙ
И СЛОЖНЫЙ ВОЗРАСТ—
ОТРОЧЕСТВО

Наша обложка:
картина художника
Александра ШИЛОВА
«Портрет Оленьки».

Блок, посвященный
подросткам,
с.м.
на страницах 4—8.

1 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Иван САВЕЛЬЕВ. «ОТЕЦ».

2 «БЫЛЬ СОВЕТСКОГО СЕЛА».

4 РЕШЕНИЯ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ—В ЖИЗНЬ!
ТОВАРИЩ ПОДРОСТОК.
«В НАЧАЛЕ СУДЬБЫ». Письма и стихи подростков.

5 Леонид ПЛЕШАКОВ. «ОДНАЖДЫ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ».

7 Юрий ФЕОФАНОВ. «ИСПЫТАНИЕ ДОВЕРИЕМ».

9 ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ.
Юрий ДАВЫДОВ. «СМЕЛЫЙ, ДО БЕЗУМИЯ СМЕЛЫЙ...».

12 НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Юрия СТАРОСТИНА «БАЛЛАСТ».

14 Юрий КОМОВ. «МОЛОДЕЖЬ В СЕТЯХ МАФИИ»

15 ИЗ ПОЧТЫ «СМЕНЫ».

16 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«И СОН И ЯВЬ—ПЕТРОВДВОРЕЦ».
Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Василия МИШИНА.

18 ЭКСКЛИБРИС «СМЕНЫ».

22 АВТОБИОГРАФИИ.
Аркадий РАЙКИН, народный артист СССР.
«ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАММА».

24 Валерий БОРЗОВ, заслуженный мастер спорта СССР.
«ПОРА ОЦЕНОК».

28 Стихи Александра БОГУЧАРОВА.

29 Повесть Артура ХЕЙЛИ и Джона КАСТЛА
«ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор И. А. Кузьмина.

Иван САВЕЛЬЕВ

ОТЕЦ

Мучительные, медленные версты...
Уже у мамы не хватает сил.
Могила деревенского погоста.
Тебе лежать среди дедовских могил.
«Прощай, отец!»—последний ком в могилу.
«Прощай, отец!»—положены венки.
С тобой при жизни ближе быть могли мы.
Теперь уже бессрочно далеки...

1

Бумаги твои старые листаю.
И вдруг слова по сердцу—как ожог,—
Написанные почерком усталым:
«Ты это должен прочитать, сынок...»

ПИСЬМО ОТЦА

«В тот день, сынок, домой
Пришел ты сам не свой.
Ты у двери стоял.
Минуты две молчал.
И резко наконец
Сказал, как отрубил:
— Ты сдался в плен, отец.
Позором нас покрыл!..
Ты мог бы фразой той
Меня, сынок, убить:
— Ты трус!
И нам не жить
Под крышею одной!
...Уехал ты, сынок,
Не на день—на года.
Вернешься ли когда?
А мой уж близок срок.
Узнай судьбу отца.
Я ничего не скрывал.
Начну писать с конца.
С начала—нету сил.
...Синеют горы вдалеке.
И кирпичи—тут и там.
Нас шестьдесят
В грузовике.
Охрана—по бортам.
Любой из нас готов
Принять последний час:
Сегодня бросят в ров—
Как тысячи до нас...»

2

Отец, отец! Я помню эти дни:
Разбой и смерть.
Земля и небо—в дыме...
Не покидают памяти они.
Я умирать, как видно, буду с ними.
А в поле не закончилась страда.
Шли большаком, кресты вздымая, танки.
И бабушка сказала: «Акапаны...
Неужто акапаны навсегда?»
Идет народ в смоленские леса,
В угрюмые смоленские леса,
В те самые смоленские леса,
Где месть неотвратима, как гроза!
И на земле, истерзанной, сожженной.
Где смерть и смерть—куда ни бросишь взор,
Уже бросают с рельсов эшелоны
Кардымово, Починок, Вышегор...

3

ПИСЬМО ОТЦА

«...Уложен чемодан.
Сынок, мне отпуск дан!
Еще один «отбой»,
«Подъем»—и к вам, домой!

Мне снился ранний луг,
Где в детстве стадо пас...
Но словно небо вдруг
Обрушилось на нас.
— Товарищ старшина!—
Я услышал.— Война!..
Война.
И все слышной
Плач женщин и детей
За нашу спину.
И ротный встал:
— За мной!..—
Но, вскинув автомат,
Он вдруг упал в дыму...
И я подполз к нему:
— Ты ранен, лейтенант?
Он был, сынок, убит,
Весь пулями прошит.
А немцы шли и шли,
Все ближе,
Ближе к нам...
И я сказал бойцам:
— Не отдадим земли!
Сжимая с двух сторон,
Враг нас к реке теснил...
А я как будто был
От пуль заговорен.
...Уже дымил закат,
Огнем к земле прижат.
— Семенов!—тишина.
— Петренко!—тишина.
— Васильев!
— Водяной!
Ни звука...
Я, сынок,
Подумал, что оглох.
Когда ж в глазах туман
Рассеялся,
В тот миг
Дошел до слуха крик:
— Сдавайся, рус Иван!..
И я нажал курок:
— Что ж, принимай, земля..
Но не было, сынок,
Патрона для меня...»

4

Вижу бой кровавый тот,
Чем помочь, не знаю...
А в глазах опять встает
Сорок первый черный год,
Сторона родная.
Враг стоит у нас в дому,
Свет затмил крестами...
Но к письму,
опять к письму
Руки рвутся сами.

5

ПИСЬМО ОТЦА

«...Сидим к врагу лицом,
Все—как одна семья.
А где-то за леском
Последняя земля.
А время, как назло,
Все медленней течет.
«Скорее бы в расход,
Иван, Василь, Резо...»
Так в этот крайний срок
С глазами всех друзей
Прощался я, сынок,
Как с Родиной своей.

Нас к месту привезли,
Я это понял вдруг
По стонам — из земли
И по сцепленью рук.
Как штабеля — тела...
— Герр унтер! Не тани!
Но хрустнули ремни,
И свастика сползла.
Сорвав поганы вбег,
Смотрел — глаза в глаза:
— Я не фашист, я друг.
Я коммунист! — сказал.
И в памяти моей,
Как бы в немо кино,
Вставало все ясней
Событие одно...
В бараке тусклый свет.
Как ток — по сердцу весть:
Подпольный комитет
Узнал, что Тельман здесь!
И тут многоязыко,
Поднявшись с голых нар,
Мы затаили тихо
Интернационал...
Я вспомнил и не мог
Уже молчать, сынок.
И вышел я вперед:
— Товарищи!
Рот фронт!..»

6

Сентябрь россою серебрил жнивьё.
Смоленщина вывешивала флаги.
И в день освобождения ее
Нам Клим принес казенную бумагу.
Прижав к столу, конверт он разорвал.
Молчание. И...
— Без вести пропал.—
Он был еще с гражданской инвалид:
Рука как плеть, одна нога короче.
— А ты не плачь,—
сказал он маме,— дочка:
Не похоронка — значит, не убит...

7

«Родная речь»!
Веди детей счастливых —
Детей войны — в богатый знаньем день!
Терпеньем надели нетерпеливых:
Один учебник — на пять деревень.
«Родная речь»! — шепчу я на ходу...
Вечернею тропинкою у речки
На воскресенье за «Родною речью»
В соседнюю деревню я иду.
«Родная речь»! — трава шуршит у ног.
«Родная речь»! — у сердца ветерок.
И в поднебесье с тополиных плеч
Уносится скворцов родная речь.
А предо мной лежал весенний мир,
Дыханием земли очеловечен.
И вся, как есть, одной «Родною речью»
Мне, Родина, была ты в этот миг.
И что бы мне ни выпало в судьбе —
Жизнь непроста.

нелегко путь познания,—
Я с той поры твою не несу в себе
Спокойное и ровное дыханье.
Когда же срок настанет в землю лечь,
Не попрошу у смерти снисхождения,—
Как, Родина, твоё благословенье.
Пусть надо мной звучит Родная речь...

8

Худы, большеглазы, как птицы, вольны,
Росли на крапиве мы, дети войны.
Мы с торбами шли по весенним полям
И снился и снился нам хлеб по ночам.
Остался в деревне из всех мужиков
Мужчина единственный — Клим Рудаков.
Спасибо, Отчизна, за то, что учила:
Тетрадь — из газеты.

из клюквы — чернила!
Льняная холстина была нам обновой.
И книги носили мы в сумке холщовой.
Спасибо, что первыми нас обувала.
Что лучшее лыко на лапти давала!
Что дожили мы и до лучших времен:
Услышали сдобное слово «батон».
...Сегодня покой и достаток в квартире.
Но тех мне из сердца не вытравить лет —
Люблю до сих пор я

картошку в мундире
И крупную солью посыпанный хлеб.

9

ПИСЬМО ОТЦА

«...Шли только по ночам.
Все было как во сне.
По толям,

по лесам —
К словацкой стороне.
Мы двигались с трудом
Вдоль рек и по горам.
И Томас-унтер
Нам
Все повторял:

«Дойдем...»
Он, партии связной,
В подполье много лет...
Шли по его земле
И — не его страной.
На берегу реки
Фашисты засекли.
Вновь жизнь на волоске —
Мы бросились к реке.
Нас с ног сбивал поток
Осенне-ледяной...
Для большинства, сынок,
Стал тот последний бой.
Уже виднелся лес
На берегу крутом...
Но Томас вдруг исчез
В потоке ледяном.
Не видя ничего,
Я бросился назад
И вытащил его:
— Живой?

Держись, камрад!
Я из последних сил
Шел...
И его тащил.
И пологом седым
Нас прикрывал туман.
Я шел и был
Связным
Двух партий
И двух стран!
И вдруг в тиши ночной
Славянской речи строй!
Горели пики гор.
С них падал шум реки.
И освещал костер
Штыки.
Штыки.
Штыки...
И рядом проходя,
Мне кто-то руку сжал
И: «Свобода» — сказал.
Свобода!
Понял я...»

10

Я вновь и вновь письмо читал.
Все — до строки — запоминаю...
Но не узнаю никогда я
Того, что ты не дописал.
Отец!
Поспешный суд прости...
Мне никуда уже не деться
От горькой памяти.
И в сердце — всем сердцем —
Боль твою нести.

...Был август солнечно-погож,
И васильки во ржи смеялись,
И тихо вздрагивала рожь.
Когда серпы ее касались.
И, перехваченный жгутом,
Как запеленутый ребенок,
Дивясь на солнышко спросонок,
Сноп поднимался за снопом.
И вслед по колхозу жнивьё —
Среди ребят был признан старшим —
Я вел компанию свою.
Чтоб колосок найти упавший.
И, колос в торбу положив,
Я вдруг мужской услышал голос:
— А ну, парнишка, покажи.
Давненько я не трогал колос... —
Был колос теплый, как живой,
В ладони зерна рассыпались...
Тут кто-то крикнул:
— Боже мой!
Мария, это ж Кузя твой!..
И голос матери:
— Дождались!..

11

Тебе пришлось с уборки начинать.
В колхозе «Колос» ты хозяин новый.
И гербовую круглую печать
Ты получил от Клим Рудакова.
Хвалили бабы:
— Новый с головой!
— Не вижу дома, — мама повторяла.
А та печать колхозная лежала
В кармане, в твоём кителе лежала,
В платок завернутая носовой.
Был худ тогда колхозный трудодень...
И столько дел — ты с ног валился к ночи.
И тихо говорил, очки надев:
— Пиши, сынок,

мой — никудышный почерк.

12

Я с высоты прошедших лет смотрю
На все, отец, что сделано тобою.
И с болью и сыновнею любовью
Я позднее спасибо говорю
За то, отец, что смог ты поворотить
Жестокую обиду недоверья:
Ведь ты-то знал,
когда я хлопнул дверью,
Что я теперь — отрезанный ломоть.
...И я тот день, отец мой, не забыл.
Мне бросили ребята, обступая:
«Ты труса сын! Фашистам он служил,
Как власовец, он хуже полиция!
Никто теперь вам не подаст руки...»
Меня душила за тебя обида.

И я один остался у реки
И ничего вокруг себя не видел.
Хочу связать оборванную нить.
И по твоим бумагам и запискам
И по рассказам матери и близких
Все, чем ты жил, отец, восстановить.
Теперь я знаю, как меня ты ждал!
И если кто-то подъезжал к крыльцу,
Ты свой старшинский китель надевал
И торопливо выходил навстречу:
«А может быть, сынок уже в пути?..
Глядел на дом под крышей черепичной.
Прикуривал — не зажигались спички.
«Мне надо, мать, хозяйство обойти...»

13

Живем в разлуке,
— словно в вечность верим

Своих отцов, не ведая о том,
Что только близких тяжкие потери
Нам открывают тайный смысл во всем:
Теперь он мне, прозревшему, открыт
В случайном жесте
И в случайном слове,
В том давнем разговоре
О здоровье:
«Как голова?..» —
«Ты знаешь, мать, болит...» —
Ты говоришь: «Война... она — война...»
Всю жизнь твою я вижу по-иному.
Трудна была твоя дорога к дому,
К душе моей — не менее трудна.
Не отвожу от истины лица,
Приняв ее, как должно, молчаливо:
Да, заживают раны от свинца.
Всю жизнь болят — от слов

несправедливых!

Как дальше жить — прочел в твоей судьбе.
Я знаю, чем судьбу мою заполнить:
Жить с вечной беспощадностью к себе,
Свою забыть, но боль чужую помнить!
И до конца — среди первых, впереди.
Работать так, как ты, отец, работал:
«Ты завтра, мать, пораньше разбуди —
Не погубили б клевер у болота...»
(За нашу деревню в тот год
Рабочие вели газопровод.)
«Да-да, отец» — сказала мать в ответ, —
Я разбужу...» — и выключила свет.
А утром, как обычно, позвала,
Будила — добудиться не могла...

Наряды незакрытые лежат
На столике.
А рядом — сигареты.
Как будто ты ушел давать наряд
В разгар страды. И задержался где-то...

Рисунок Владимира Делбы.

НА НАШЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ ГЕРБЕ
ЗОЛОТЫЕ КОЛОСЬЯ ПШЕНИЦЫ.
И ЭТО НЕ СЛУЧАЙНО.
НАШ ХЛЕБ—ЭТО РЕЗУЛЬТАТ
ОБЪЕДИНЕННОГО ТРУДА
КРЕСТЬЯНИНА,
РАБОЧЕГО И ИНТЕЛЛИГЕНТА.
ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА—
НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ
ВСЕСТОРОННЕГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОГРЕССА
ВСЕЙ СТРАНЫ.

Из доклада Генерального
секретаря ЦК КПСС
товарища Л. И. БРЕЖНЕВА
«О дальнейшем развитии
сельского хозяйства СССР»
на июльском (1978 года)
Пленуме ЦК КПСС

БЫЛ СОВЕТСКОГО СЕЛА

ЗЕРНО И ХЛЕБ

Какие-либо непредвиденные факторы не поставят под вопрос реальность выполнения десятого пятилетнего плана развития СССР—таков, в сущности, вывод группы «советологов», опубликовавших результат своих исследований в очередном выпуске сборника «Советская экономика в новом свете», издаваемого объединенной экономической комиссией конгресса США. По их подсчетам, доход на душу населения СССР к 1980 году при плохих погодных условиях возрастет на 17,6 процента, при нормальных—на 18,3 процента, а при хороших—на 19,4 процента.

Я думаю, что за абсолютную точность этих цифр вряд ли поручатся даже сами исследователи, хотя, как говорят, анализ был проведен с помощью очень сложной «эконометрической системы». Но дело не в цифрах, а в тенденции, точно подмеченной американскими специалистами, которых нельзя упрекнуть в симпатиях к социализму.

Но теперь зададимся вопросом: в чем все-таки дело? Почему «непредвиденные факторы», прежде всего климатические затруднения, засухи и т. п., не в силах нарушить стабильность роста советской экономики? Это, в сущности, вопрос о гарантиях роста, которые и были заложены в плане.

Социалистическая система планирования позволяет сконцентрировать необходимые силы и средства на решении самых актуальных проблем, осуществить широкий маневр ресурсами в масштабе всего государства. В настоящее время, опираясь на достигнутый промышленный потенциал, осуществляется именно такой маневр материально-техническими и финансовыми ресурсами в пользу ускоренного развития сельского хозяйства СССР. Почему именно этой отрасли? Потому что от успехов в аграрном секторе экономики прямо и непосредственно зависит дальнейший подъем жизненного уровня в стране—главная стратегическая цель Советского государства.

В нынешнем пятилетнем цикле развития народного хозяйства СССР инвестиции в сельское хозяйство составляют без малого треть всех капитальных вложений. Сумма огромная—170 миллиардов рублей. Для наглядности: она почти в десять раз больше годового расхода СССР на оборону.

Располагая такими средствами, страна имеет реальную возможность одновременно осуществить несколько крупных комплексных программ, нацеленных на интенсификацию сельского хозяйства.

Прежде всего зерновая программа. Надо непременно заметить, что зерно и хлеб—вовсе не одно и то же. Советский Союз наращивает производство зерна вовсе не потому, что его население ощущает недостаток в хлебе или каких-либо других изделиях из муки. Парадоксально, но факт—чем больше зерна производит страна, тем меньше хлеба потребляют ее жители. До революции 1917 года в России в среднем на душу населения потреблялось в год 200 килограммов хлебных продуктов, а мяса—только 29 килограммов. Сейчас потребление хлеба снизилось до 140 килограммов, а потребление мясных продуктов поднялось до 57.

В связи с этим понятие о том, что значит «хороший» урожай, и что значит «плохой», за последнюю четверть века существенно изменилось. Сравнительно недавно, в 1955 году, зерновой сбор впервые превзошел 100-миллионный рубеж. Через семь лет, в 1962 году, страна получила уже 142,2 миллиона тонн, и на фоне такого успеха 107,3 миллиона тонн, собранные в следующем, засушливом году, выглядели как неудача. Результат 1975 года, принесшего самую острую за последнее столетие засуху,—140,1 миллиона тонн—прямо-таки обескураживал, хотя всего лишь 13 лет назад такой урожай считался рекордным. Нынешний ориентир (1980 год)—уровень 235 миллионов тонн. В 1981—1985 годах, как отмечалось на июльском Пленуме ЦК КПСС, производство зерна должно возрасти до уровня 238—243 миллионов тонн, а к 1990 году достигнуть оптимального уровня: тонна на человека в среднем по стране. Но пока зерна не хватает, поэтому часть фуражного фонда приходится пополнять за счет импорта.

Чтобы решить зерновую проблему, Советский Союз прилагает большие усилия: производство зерна практически полностью механизировано, внедряются новейшие достижения агрохимии и селекции, впервые в истории страны создаются зоны гарантированного производства зерновых культур на орошаемых землях—в Поволжье, на юге Украины и Российской Федерации.

Надо сказать, что мелиорация земель—основное звено интенсификации сельского хозяйства СССР. По масштабу водохозяйственного строительства Советский Союз занимает лидирующее место в мире. Мелиоративными работами охвачены практически все сельскохозяйственные районы страны. На их проведение в нынешнем пятилетнем цикле развития СССР выделено 40 миллиардов рублей. Другими словами, каждый четвертый рубль, инвестируемый в аграрный сектор экономики, затрачивается на «капитальный ремонт» земли: освоение пустынь, полупустынь, безводных степей, болот, малоценных лесов и кустарников.

Мы коснулись комплекса сельскохозяйственных программ, осуществляемых сейчас в Советском Союзе, с разных сторон: решение зерновой проблемы—целевая долгосрочная программа; мелиоративная программа повышает уровень использования достижений и возможностей научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, его эффективность в целом. Однако картина будет неполной, если не рассказать хотя бы в двух словах об одной из крупнейших социально-экономических программ, начатых за годы десятой пятилетки: коренном преобразовании условий труда и быта крестьян Нечерноземной зоны Российской Федерации. Завершить ее планируется в 1990 году.

Нечерноземье—центр и север европейской части России. Площадь региона—около 3 миллионов квадратных километров: в пять раз обширнее Франции.

В этой части страны размещено около половины промышленных предприятий Российской Федерации и расположены крупнейшие города страны—Москва, Ленинград, Горький, Свердловск... Здесь проживает 60 миллионов человек, то есть около четверти населения Советского Союза.

На интенсификацию сельского хозяйства Нечерноземной зоны только в десятой пятилетке намечено израсходовать 35 миллиардов рублей. Этот регион должен давать гораздо больше, чем сейчас, мясо-молочной продукции и овощей, а также льна, который называют «русским шелком». Предполагается, что к концу пятилетия производство продуктов земледелия и животноводства возрастет по сравнению с 1975 годом примерно на одну треть, а к моменту завершения программы, то есть к 1990 году,—в два—два с половиной раза.

Важно и другое: будет перестроена значительная часть сельских населенных пунктов, созданы новые, благоустроенные по городскому стандарту поселки колхозов и совхозов, проложены асфальтированные дороги, а в целом резко улучшатся условия труда и быта 17-миллионного сельского населения Российской Нечерноземья.

Как видно из всего вышесказанного, концентрация средств, осуществляемая на плановой основе, гарантирует устойчивый рост экономики, выполнение стратегической цели: постоянное повышение уровня жизни народа.

Лев ВОСКРЕСЕНСКИЙ

КОРНИ

Недавно мне довелось побывать в подмосковном колхозе «Борец». Это весьма характерное хозяйство для Нечерноземной зоны РСФСР, которой, как известно, уделяется сейчас огромное внимание: 35 миллиардов рублей капитальных вложений выделило государство на ее развитие в десятой пятилетке.

В коллективном хозяйстве, о котором идет речь, три основных направления: элитно-семеноводческое, выращивание знаменитой холмогорской породы крупного рогатого скота, производство для города ранних сортов картофеля.

Я познакомилась с председателем колхоза Алексеем Филипповым. Это красивый, уверенный в себе человек. Должно быть, оттого и неторопливый, на редкость спокойный и благожелательный. По профессии инженер-механик. Задаю ему интересный меня вопрос: покидает ли молодежь село?

— Текучесть кадров у нас небольшая, — говорит он, — примерно два-три процента. Молодежь, как правило, остается в колхозе. И даже тогда, когда юноши и девушки уезжают учиться в техникумы и институты (школа-десятилетка у нас, разумеется, своя), обычно они возвращаются в родные края.

Вы спросите: почему? Мы стремимся создать такие условия, которые были бы не хуже городских. Они, сочетаясь с преимуществами сельской жизни, накрепко привлекают молодежь к родным местам, держат моих земляков, как магнит. Ну, а пожилых, сами понимаете, их уже никакая сила не сдвинет с насиженных мест...

Сегодня в колхозе средняя зарплата составляет 190 рублей в месяц. Это значительно больше, чем в городе. По профессии зарплата выглядит так: механизатор получает в месяц примерно 270, доярка — 250, шофер — 220 рублей. Как и в промышленности, в хозяйстве установлен 8-часовой рабочий день с двумя выходными в неделю.

Техника не только облегчила сельскохозяйственный труд, но и сделала его значительно интереснее, прежде всего для молодежи, оканчивающей среднюю школу. В свою очередь, техника потребовала и от людей соответствующей профессиональной подготовки. Не случайно в колхозе трудятся 47 человек с высшим образованием и 25 — со средним специальным.

А как изменился быт колхозников?

Филиппов показал мне новые дома, в которые сейчас переселяются люди. Они двух типов: трехэтажные здания с трех- и четырехкомнатными квартирами и просторные индивидуальные коттеджи. И там и тут жилье ничем не отличается от московского: канализация, водопровод, газ, горячая вода... В колхозе идут споры, какому типу домов отдать предпочтение. Думается, будущее за коттеджами — крестьянину удобнее жить ближе к земле, хотя многие молодые супружеские пары предпочитают квартиры. На строительство жилья колхоз ассигновал два миллиона рублей.

Сорок процентов стоимости дома колхоз «Борец» берет на себя, остальное колхозники выплачивают на льготных условиях в течение 8—10 лет. У каждой семьи небольшой земельный участок (четверть гектара), где выращиваются овощи, ягоды...

Мое искреннее восхищение вызвала поликлиника: ее оборудованием мог бы похвастаться любой город. За здоровьем сельских жителей следят врачи шести специальностей: терапевт, хирург, невропатолог, гинеколог, стоматолог, рентгенолог. К услугам населения физиотерапевтический кабинет, процедурная, водолечебница.

— А как колхозники проводят свое свободное время? — спрашиваю я у председателя.

— Этой проблеме уделяем много внимания, — рассказывает Филиппов. — Ведь один материальный достаток не может сделать жизнь по-настоящему полной. Люди тянутся к искусству, к творчеству... Приходится нам думать и об этом. Построили Дом культуры и четыре клуба в отделениях колхоза. Там работают различные кружки художественной самодеятельности: хоры, драматические, оркестр духовых инструментов. Колхозники смотрят за месяц примерно 13 фильмов, пользуются двумя библиотеками с 20-тысячным книжным фондом, который постоянно пополняется. Кроме того, библиотеки имеют постоянный абонемент в московском областном книгохранилище. Каждая семья в среднем выписывает три периодических издания.

— Может быть, «Борец» — явление исключительное? — делюсь я своими сомнениями с председателем колхоза.

— Нисколько. По ряду показателей, признаюсь вам, например, по производству молока, мы отстаем от других хозяйств области. А в целом, думаю, «Борец» — типичное хозяйство для нынешнего Нечерноземья.

...Колхоз «Борец» живет, работает, идет вперед в полном соответствии с генеральным планом реконструкции Нечерноземья. Такие его составляющие, как мелиорация, комплексная механизация, специализация сельскохозяйственного производства, способствуют тому, что прибыль колхоза растет год от года. Достигнуто главное — люди стали жить богаче, легче, интереснее, культурнее. «Расстояние» между городом и деревней ощутимо уменьшилось.

Виктория ЛАВРЕЦКАЯ

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ — БУДУЩЕЕ КОЛХОЗОВ?

В результате осуществления ленинского кооперативного плана (конец 20-х — начало 30-х годов) в советской деревне произошли глубокие социально-экономические преобразования: вместо 25 миллионов мелких единоличных хозяйств были созданы крупные механизированные высокопроизводительные производства. В настоящее время аграрный сектор страны включает около 27 тысяч колхозов (коллективных хозяйств) и 20 тысяч совхозов (государственных хозяйств).

Особенно глубокие изменения в аграрном секторе советской экономики произошли в последние тринадцать лет. Аграрная стратегия, разработанная в 1965 году, направлена на дальнейшую интенсификацию сельскохозяйственного производства. Суть ее — комплексная механизация, мелиорация, агрохимия и внедрение новейших достижений науки.

За это время энергетическая мощность сельского хозяйства увеличилась более чем вдвое. Сейчас в распоряжении хозяйств 2,5 миллиона тракторов, 692 тысячи зерноуборочных комбайнов и другая техника. Село стало получать почти втрое больше минеральных удобрений. В итоге производительность труда возросла в 1,6 раза, а производство сельскохозяйственной продукции на одного жителя СССР увеличилось почти на четверть (при этом население страны возросло на 28 миллионов человек). Значительно возросли реальные доходы крестьян, улучшились условия их жизни.

Однако достигнутый уровень развития сельскохозяйственного производства не полностью удовлетворяет возрастающие потребности населения в продуктах, а промышленности — в сырье. Специалисты считают, что наше сельское хозяйство может дать больше.

Те же специалисты утверждают, что на данном этапе наибольший эффект даст изменение организационно-хозяйственной структуры на селе. Поиски наилучшей модели колхоза или совхоза продолжаются. В качестве примера назову появление таких организационных форм, как межколхозные (или межхозяйственные — в тех случаях, когда складываются силы колхозов и совхозов) объединения.

В 1965 году в стране существовало 3400 объединений, сегодня их почти восемь тысяч. Что же послужило причиной их создания?

Для большинства колхозов и совхозов СССР характерна многоотраслевая структура. Это приводит к распылению денежных средств и материальных ресурсов, затрудняет внедрение комплексной механизации, новых прогрессивных технологий. В то же время зачастую даже большие государственные инвестиции хозяйство не может использовать эффективно, окупить в запланированный срок вложенный капитал.

Где же выход? Хозяйства одного административного района объединяют свои средства и создают так называемые «дочерние» предприятия. Например, 15 колхозов создают на принципах долевого участия новое, шестнадцатое хозяйство — строительную организацию, которая получает фронт работ в каждом из пятнадцати хозяйств-учредителей. Или те же 15 хозяйств строят межколхозный комплекс по откорму молодняка. Сложившиеся самые разнообразные формы межколхозных объединений: строительные, по производству строительных материалов, комбикормов, по переработке сельскохозяйственной продукции, животноводческие комплексы, птицефабрики... Имеются межхозяйственные предприятия по семеноводству, агрохимическому обслуживанию хозяйств, по механизации и электрификации, по мелиорации и другие. Накопленный опыт работы восьми тысяч объединений свидетельствует, что в целом затраты труда на производство единицы продукции снижаются в два с половиной — три раза, а себестоимость — в полтора-два.

Это вполне понятно. Труд в специализированных агропромышленных объединениях поставлен на индустриальную основу. Условия производства позволяют механизировать наиболее трудоемкие процессы, а масштабы — использовать дорогостоящие машины и механизмы круглые сутки, круглый год, что сказывается и на окупаемости капиталовложений и на себестоимости продукции. В Литве, например, три года назад разработана программа развития сельского хозяйства на основе межхозяйственной кооперации. Сегодня в республике 229 различных объединений: в полеводстве практикуется специализация на выращивании сахарной свеклы, льна, картофеля, овощей; в животноводстве — создание крупных комплексов по откорму скота и молочных ферм. В итоге на производство центнера свинины в одном из таких комплексов, Ширвинтском, затрачивается в пять раз меньше труда, чем на колхозных фермах.

Иными словами, межколхозная и межхозяйственная кооперация оправдала себя полностью. Поэтому-то количество объединений быстро растет. Есть колхозы, которые являются одновременно пайщиками десяти и даже больше объединений. Например, строительной организации, комплексов по откорму свиней и крупного рогатого скота, комбикормового завода, мелиоративного объединения, агрохимического центра, племенного телочного хозяйства, объединения по производству кормов и т. д.

Что же остается в самом хозяйстве? Обычно две-три «профильные» отрасли, дающие наибольший экономический эффект. Сосредоточив все ресурсы, технику, кадры на этих «узких» участках, хозяйство имеет возможность обновить или расширить машинный парк, улучшить селекционную работу, приобрести молодняк более продуктивных пород скота, построить современные животноводческие помещения, мастерские, наконец, создать на месте перерабатывающие предприятия.

Таким образом, и межхозяйственные объединения и отдельные колхозы идут по одному пути: создания высокопроизводительных агропромышленных предприятий, все «цехи» которых — поля и фермы, сады и перерабатывающие заводы — будут давать наибольший экономический эффект, полностью обеспечивая растущие потребности страны в сельскохозяйственных продуктах.

Николай АНИСИМОВ, профессор

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ АННЕ ЛААСТ

Ведет эту тетрадь Анна Лааст, 35-летняя хозяйка дома. Ее муж, 37-летний Айн Лааст, не особенно вникает в хозяйственные мелочи, а для девочек — 13-летней Леа и 11-летней Ульви — синяя тетрадь служит неплохим пособием к учебнику домоводства.

Итак, эстонская деревенская семья, живущая в центральном поселке колхоза «Рахва Выйт», и тетрадь, где записаны ее доходы и расходы.

СКОЛЬКО ДЕНЕГ В ДОМЕ ЛААСТОВ?

Айн Лааст работает механиком в колхозных мастерских. Его постоянный оклад — 180 рублей в месяц. Поскольку заработок колхозников в СССР никакими налогами не облагается, то и получает он 20-го числа каждого месяца именно эту сумму. Анна — сапьянка. Ее заработок колеблется от 190 до 210 рублей в месяц.

Раз в год колхозники получают «тринадцатую зарплату» — премию, размер которой зависит от качества работы и от стажа в колхозе. Лаасты — исконные деревенские жители, работают они по-крестьянски добросовестно, упорно. Их «тринадцатая зарплата» превышает два, а то и три месячных заработка.

Приносит доход и приусадебный участок в 0,45 гектара, где Лаасты выращивают картофель, капусту, огурцы. Семья Лаастов содержит также корову, овец и кур.

Сколько же денег в доме Лаастов? Месячный доход семьи в апреле 1978 года составил 464 рубля. Мы выбрали этот месяц не случайно: искали со «средним» доходом. Февраль не годится, поскольку на этот месяц пришла «тринадцатая зарплата», в марте Лаасты продали теленка...

Итак, 464 рубля.

АННЕ ЗАПИСЫВАЕТ РАСХОДЫ

Как же распределились эти 464 рубля? Лаасты живут в многоквартирном доме, который построил колхоз. Квартира отличается от городской большим числом подсобных помещений (чуланы, подвал), в ней есть центральное отопление, ванна, горячая вода. За квартиру и коммунальные услуги Лаасты платят 15 рублей 37 копеек в месяц. За электроэнергию — 6 рублей 80 копеек в апреле (в кухне электрическая плита, 200-литровый холодильник, есть пылесос, телевизор, магнитофон, радиолы и т. д.). Эти расходы в синей тетради всегда совпадают с запланированной записью — «квартира — 23 рубля». Колесания не превышают 1—2 рубля.

Труднее, по словам Анне Лааст, прогнозировать расходы на питание. Так, в апреле израсходовали 164 рубля (планировали 170). Однако хозяйка тратит каждый месяц разные суммы. В летние и осенние месяцы расходы снижаются: поспевают урожай на своем участке, ягоды, яблоки и груши в саду Лейды Лааст. Зимой и весной расходы больше. Но колесания эти не превышают 15 рублей: мясо, колбаса, хлеб, сахар, масло и крупы и все остальное продается в магазине, где цены не меняются круглый год.

Кстати, удельный вес расходов на питание в семейном бюджете колхозника постоянно снижается. Это видно не только из семейной бухгалтерии Лаастов, но и по данным государственной статистики: в 1940 году в среднем по стране питание поглощало 67,3 процента семейного дохода колхозника, а в 70-х — около 36.

Еще одна графа — «покупки». В апреле Анне приобрели купальники и джинсы девочкам, летние туфли мужу (вот она — предусмотрительность хозяйки!), выходные платье, ткань для простыней и наволочек, 6 книг, разные мелочи. Итого: 109 рублей 40 копеек.

35 рублей истрачено на трехдневную экскурсию родителей в Тбилиси. Еще 40 рублей за эту поездку было уплачено раньше. Разумеется, билеты на самолет и гостиница стоят дороже, но разницу оплатил колхоз.

От 464 рублей осталось 60. Так называемые «свободные» деньги. Что же это такое и зачем они? Конечно же, это не на «черный день» — разве могут быть «черные дни» у матери Айна Лейды Лааст, получающей колхозную пенсию, имеющей дом и сад, свободной от всяких налогов и к тому же опекаемой любящими детьми и внуками? Болезнь тоже не «черный день»: врачебная помощь и больница бесплатны, более того — за время болезни колхоз продолжает платить зарплату.

Вот и получается, что можно потратить эти деньги на исполнение желаний. Семья Лаастов может без затруднений делать довольно крупные покупки — такие, как украшения. Анна Лааст или телевизор новой марки, купленный три месяца назад. На эти деньги можно путешествовать: Айн Лааст дважды бывал за границей, всей семьей не раз отдыхали у Черного моря.

СКОЛЬКО БУДУТ ЗАРАБАТЫВАТЬ ЛААСТЫ ЗАВТРА?

Почти десять лет ведет домашнюю бухгалтерию семья Лаастов. И если доходы семьи выросли за это время на 46 процентов — богата страна, богател колхоз, более квалифицированным (а следовательно, и вышеоплачиваемым) становился труд старших Лаастов, то семейное благосостояние, по словам хозяйки, возросло по меньшей мере в два раза.

Заглянем в завтрашний день. В семье Лаастов учатся не только дети. Мама нынче окончила сразу два класса вечерней школы. («А то как бы дети не перегнали!») Еще это важно потому, что колхозная технология на месте не стоит, а Анна Лааст явно не лишена честолюбия.

Айн Лааст раньше был трактористом. В зрелые годы поступил в совхоз-техникум Тихеметса. Вечерами занимался в колхозной библиотеке, два раза в год ездил сдавать экзамены (колхоз в эти недели выплачивал 50 процентов среднего заработка). Теперь он механик, зарплата увеличилась немаломо, но труд больше нравится.

Расходы, связанные с учебой обоих взрослых, — на поездки, потеря в зарплате (за два года около 150 рублей), время, отнятое у своего приусадебного участка и домашнего хозяйства, — уже оправдались. Как это всегда бывает, если человек планирует не только завтрашний день, но и видит дальше.

Лео ВАЙНО

(По материалам АПН)

Шесть журнальных страниц этого номера мы посвящаем тем, кому сегодня от тринадцати до семнадцати... И их родителям, воспитателям, комсомольским вожакам...

Подростающий человек. О нем много пишут, говорят, думают. Принимают законы, окружают заботами и льготами. Кто-то однажды заметил: «У нас есть один привилегированный класс — дети». В равной степени это можно отнести и к подросткам.

И все же споры вокруг проблем этого возраста не утихают. И это понятно.

Письма наших читателей... Они многолики. Из редакционной почты мы выбрали письма авторов, которые только вступают в жизнь. Их мир разнообразен. Штрихи к портрету, набросанные самими ребятами, мы предлагаем нашему читателю.

Часто я задаю себе вопрос: «Так ли я живу, как надо?» Именно в мои годы человек становится своего рода первооткрывателем. И потому я считаю, что задача моих сверстников — это поиск самого себя. Думаю: «Смогла бы я, как ревкомовцы? Вся, без остатка? Для дела, для Родины?» Считаю, что необходимо иметь твердые нравственные принципы со школьных лет.

Марина ИВАНОВА,
Лаврентьевская средняя школа-интернат,
Чукотский район, Магаданская область

Я твердо верю, что человек в нашей стране обретает полное счастье с того момента, когда он сделает общественно полезное дело...

Зураб ХАРАБАДЗЕ,
учащийся ГПТУ № 4, Кутаиси

Человек готовится стать коммунистом и тогда, когда познается ему алый галстук, вручается комсомольский билет. Каждый дурной поступок отдаляет его от партии, каждый благородный — приближает. Человек входит в партию не одним днем, а всей жизнью.

Валентина АПАЛЬКОВА, 15 лет,
Черемисиновский район, Курская область

Я выросла в семье, где нет рабочих, и слышала с детства разговоры только о школе и о школе, да и сама мечтала стать педагогом. Но в тот момент, когда увидела Игоря Ивановича Евстигнеева за работой у

молота, я по-настоящему поняла, что значит быть рабочим человеком. Я смотрела на него и по-новому осознала понятия: долг, подвиг, Родина.

Я видела, как поистине красив этот человек в труде: когда он надевает грубые брезентовые рукавицы и берет в руки клещи, молот, для него уже не существует окружающего мира. Он весь в работе. Помощник и машинист молота по едва уловимым жестам своего бригадира, по его взгляду, повороту головы мгновенно определяют очередной прием в работе кузнеца и тут же совершенно точно отвечают действием. Какая умная у них работа!

Труд — всему голова, сказал как-то Игорь Иванович.

Галина ЛАПЕНИНА, 16 лет,
Калуга

Мой отец дает жизнь полю, дарит людям самое дорогое — хлеб. Он любит землю, с которой связал свою судьбу... Вот уже несколько лет подряд он держит первенство в колхозе, на его груди орден Ленина, но он беспокойный человек, и ему все кажется, что сделано мало. Я понял, что моя судьба неразрывно связана с судьбой отца, с землей моих дедов, с березкой, которая растет у нашего дома, с голубоглазой речушкой с красивым именем Алешня, с первыми горластыми петухами, которые будут поднимать меня по утрам.

Александр ЖУЛИКОВ,
Алешинская средняя школа,
Сасовский район, Рязанская область

Иногда я чувствую себя перенасыщенным раствором, о котором недавно рассказывала нам учительница на уроке химии. В раствор все больше и больше добавляется вещество, и в какой-то момент образуются кристаллы. Вот так и я: кажется, что я сам в себя вливаю знания — и на уроках, конечно, тоже вливаю будь здоров сколько, — а я чувствую, что мне

этого мало, чувствую, что жадничаю, хочу большего, чем рассказали в школе. Дома открываю журналы «Знание — сила» и «Техника — молодежи», лезу в папины учебники. И вот я думаю: когда же образуется из меня кристалл, или у человека этот процесс бесконечный?

Витя ШАЛМАЕВ, 7-й класс,
Казань

Иногда я задумываюсь: а какого цвета земля? На это нельзя ответить одним словом «черная». Каждый раз она особенная: радостная, задумчивая, спокойная и тревожная, нарядная и скупая на краски. Невесомой дымкой занимается она над солнечным маем, встревожив шумом поля и рощи. Голубым туманом наплывает она на деревни вечером, золотым разливом хлебов обжигает осенние поля.

Я буду работать на этой земле, буду делать ее еще красивее.

Анна ВОЛЮШКО,
Пинск, Белорусская ССР

...Держась за штурвал комбайна, я думал, что сам управляю этой сложной, красивой, умной машиной. И дышалось легко. Пахло хлебным духом, горячим и знойным, березкой и медуницей.

Дрожание стального тела, мощное и упругое, через штурвал передалось в руки, и ощущение силы машины наполняло мое сердце непередаваемым блаженством.

Александр БУШМАНОВ,
Вологодская область

На каникулах после восьмого класса мы с мамой поехали к знакомым в деревушку под Ярославлем. Теперь, мне кажется, на всю жизнь вошла в меня эта красотища.

Волга огромная, и особенно в темноте ночью чувствуешь, какой гигант ворочается рядом с тобой.

В НАЧАЛЕ СУ

Первые стихи... В каком возрасте они рождаются? Судя по нашей почте, их пишут люди разных возрастов. Но особенно непосредственны они у юных, у которых чувства и мысли сливаются с окружающим, со словом, — и тогда рождаются поэтические образы, первые строки...

Сегодня мы знакомим наших читателей с первой пробой пера юных авторов «Смены».

Елена ЛЫСЕНКО,
15 лет

Остров детства

Ветер растрепал седые облака,
Словно прядь волос отбросил.
Солнце, оглянув речные берега,
Брызгами скатилось с мокрых весел.

Лодка ткнулась в ласковый песок,
Ветром детства опалило плечи,
В чаще леса звонкий родничок
Радовался нашей новой встрече.

Нелли АПРАСОВА,
15 лет

Наташе

Кружится в вальсе Наташа Ростова,
Взмахи ресниц, глаз веселых сиянье,
Это признание графа Толстого.
Жизнь его, нежное счастье, страданье...
Жизнь — это тоже большая премьера.
Я до конца поверю Толстому,
Верю — найдутся сердца, как у Пьера,
Счастливы будут Наташи Ростовы...

Руслан ВАРФОЛОМЕЕВ,
16 лет

Облака, как желтые цыплята,
Греются у солнца под крылом.
Мы идем веселые, идем,
Ничего нам большего не надо.
Сад цветет, как в первый раз цветет!
Танец жизни затевают пчелы,
И ручьи — земные новоселы
Празднуют весны великий ход.

Елена КОВАЛЕВА,
17 лет

Утро

Алой ленточкой зари,
Небо подвизалось.
Солнцу окна отвори —
Утра я заждалась.

Выбегу навстречу утру,
Утою в траве росистой,
Растворюсь я в небе синем,
Звонкой птицей голосистой.

Расплещусь речною пеной,
К звездам, к солнцу путь найду.
Потеряюсь во Вселенной...
...В восемь завтракать пойду.

Алексей ШАФОРОСТОВ,
17 лет

В лесу

Идешь в полумраке, кусты огибаешь,
Стремишься ступить, где просохла роса,
А ноги уж мокры, и с веток сбиваешь
Холодные капли ночного дождя.

Вдруг солнышка луч через крону пробился,
Уперся в ствол ели, и капли дождя
В коре золотистой огнем засверкали,
Как будто кора состоит из огня.

Башни и церкви, украшенные изразцами, белокаменные и красные, смотрят в воду. В деревню приехали — опять красота: по червонному и белому песку льется речка, кристальная, родничковая. Ключи прозрачные, ели вековые за речкой стоят, березы огромные. Былинная Русь. В лес ходили, а там сухо, все болота повысохли, и мхи звездчатые, пуховые, шелковые лежат, и нога в них утопает по щиколотку. Так тихо, что говорить полным голосом невозможно, а только петь хочешь от полноты души старинные песни, протяжные русские, с мелодией, плетеной, как вологодские кружева.

Ольга Б., 9-й класс,
Москва

Свой жизненный путь я выбирала сама. Поступила в текстильное училище, чтобы получить профессию ткачихи. Работу свою я очень люблю, люблю смотреть, как рождается под моими руками ткань.

Татьяна Гудова,
Брянская область

Окончена школа. Мы идем на смену старшим. Но как больно мне расставаться с вами, дорогие учителя, родная школа, детство мое.

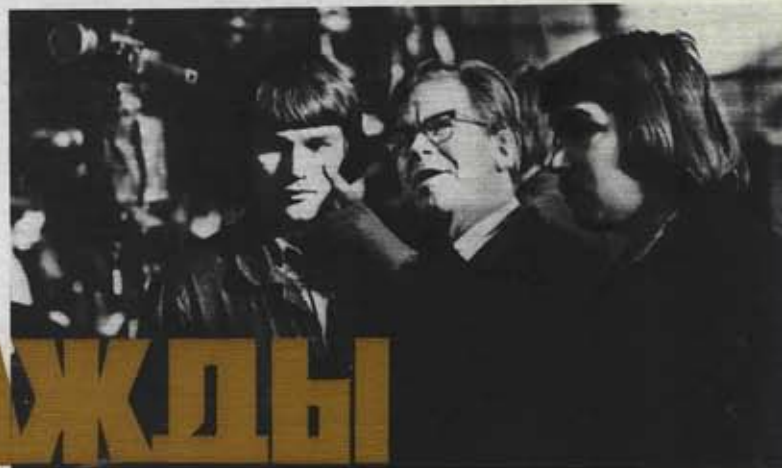
Здесь я стал гражданином. Вы научили меня быть непримиримым к злу, к любому его проявлению, научили ценить сердечность и справедливость. Спасибо тем, кто учил нас быть людьми сильными, добрыми и справедливыми.

Амиран ТКЕБУЧАВА, 17 лет,
Очамчира, Грузинская ССР

Меня могут спросить: какое отношение имеешь ты, одна из многих миллионов, долька девятизначной цифры, к биографии своей страны? И я отвечаю: да, я имею право называть судьбу моей страны своей судьбой. Бабушка моя все трудные фронтовые годы проработала на заводе, дед мой пал на войне, мама моя учит и воспитывает будущих специалистов народного хозяйства страны, а мой отец честно и преданно служит Родине в Советской Армии. И, наконец, сама я всей душой принадлежу к Ленинскому Союзу Молодежи и надеюсь вписать свою строку в биографию моей страны. Для меня нет выше счастья, чем осознание своей причастности к общему делу!

Елена ВОЛКОВА, 16 лет, Чита

Леонид ПЛЕШАКОВ,
специальный
корреспондент
«Смены».

ОДНАЖДЫ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ТРУДНЫЙ» С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

Собирая в Ленинграде материал для этой статьи, я, помимо всех прочих, задавал своим собеседникам один стандартный вопрос:

— «Трудный» подросток — кто, по вашему мнению, это такой?

Как ни странно, спектр ответов получился довольно широким: от «обычная шпана» до «никаких «трудных» на самом деле вообще нет». Если даже оставить в стороне полярные определения, все равно разброс в формулировке, казалось бы, простого понятия давал пищу для размышлений.

Виктор Захаров, начальник подросткового клуба «Спартак», что в Смольненском районе, сказал под конец нашей долгой беседы:

— Не могу ответить, кто такой «трудный»... Все ребята трудные. Если доверить их воспитание стихии, плохо будет.

Я с пониманием отнесся к его словам, так как говорил с человеком, который знал «толк» в этом деле не понаслышке: мальчишкой он шесть раз бегал из дома, стоял на учете в районной детской комнате милиции. В компании подростков своего квартала, которыми он верховодил, носил кличку «Наполеон».

Василий Петров, тоже из бывших «трудных», высказал свою точку зрения предельно кратко:

— Трудных детей нет — есть трудные родители. От них все зло...

Сергей Алексеев, начальник подросткового клуба «Прометей», созданного им и вот уже тринадцать лет возглавляемого, признался:

— «Трудные»? Точно сформулировать не могу. Наверное, правильно будет сказать, что это те, кто не готов к жизни...

Во Дворце культуры имени Дзержинского, где создан своеобразный методический центр по организации работы с несовершеннолетними, возглавляемый Галиной Александровной Флит, ответ был более развернутым:

— С юридической точки зрения «трудный» — это педагогически запущенный подросток, не обеспеченный должным воспитанием в семье, поведение которого подчас носит вызывающий характер и может привести в конечном счете к правонарушениям.

Старший лейтенант Татьяна Яковлевна Фокина, участковый инспектор по делам несовершеннолетних Фрунзенского районного управления внутренних дел, со вздохом посетовала:

— Не люблю я весну: чуть солнце пригреет — так и побежали наши «трудные»...

Отделение милиции, где она работает, находится недалеко от одного из двух городских автовокзалов. Московский, железнодорожный, тоже рядом. Тут начинаются пути тех подростков, кто решил пуститься «в бега» из Ленинграда, тут же заканчиваются путешествия их сверстников, которые, наоборот, прикатили в город на Неве. Некоторых беглецов удается перехватить сразу, другие исхитряются отмахаться не одну сотню километров. Будучи задержанными, в ожидании близкой и не совсем приятной встречи с родителями, они не особенно склонны к откровениям.

И тогда я обращаюсь за разъяснениями к Виктору Захарову, которого цитировал выше. Оказалось, что сейчас, тринадцать лет спустя, после его шести

неудачных путешествий, Виктору самому интересно вспомнить и проанализировать причины, которые направляли его в «бега». Как-никак он теперь воспитатель, и личный опыт помогает уберечь от необдуманных поступков нынешних «трудных».

Так вот что вспомнил Виктор Захаров:

— Я никогда не собирался заранее. Все происходило как-то сразу. Вдруг появляется желание куда-то ехать, и распирает тебя ощущение радости, неодолимой и очень приятной силы только оттого, что ты едешь, движешься. Почему? Затрудняюсь сказать. Наверное, леса не хватало, поля, реки. Ведь из города бежал. И только весной. А летом нет: ездил в пионерский лагерь, там было интересно. Жил бы с нами отец, конечно, все было бы по-другому: он бы на рыбалку взял, на охоту, у костра посидели бы, в палатке поочевали, чего еще надо?...

Статистика, с которой меня познакомили во Фрунзенском райотделе милиции, сухим языком цифр иллюстрировала рассказ Виктора Захарова. Около половины трудных подростков, оказалось, не имеет одного родителя, чаще всего отца. Семьдесят процентов детей, растущих в неблагополучных семьях, — и тех, что остались без главы, и тех, где один или оба родителя пьют, — рано или поздно попадают в разряд «трудных». Удивительно в этом, собственно говоря, ничего нет. Школа, на которую мы уповаем как на главную воспитующую силу, не всемогуща. Она может дать многое, но не все. Большую часть времени ребенок все-таки находится в семье, и от духовного климата в этой первичной ячейке общества зависит, насколько прочными оказались морально-этические концепции, усвоенные в школе.

Как уже говорилось, основную часть своего времени подросток проводит вне стен школы. И нередко случается, что многие часы он предоставлен самому себе. Хорошо, если он умеет ценить свое время, умеет им распорядиться, найти интересное, полезное дело. А если он этому не обучен, если он еще толком не знает, что ему нужно и куда его тянет? Тогда вакуум свободного времени может заполнить и неверно понятая романтика, и выпивоха из соседнего двора, и просто уголовник. Увести компанию подростков из подворотни может только интересное для них дело.

В Ленинграде давно поняли, что педагогика не кончается за порогом школы. Двор, квартал, микрорайон — вот «географические» точки, где продолжается воспитательный процесс.

Если говорить о самой сильной стороне ленинградского опыта, то она — в комплексном подходе к решению проблемы «трудных». Понятие «комплексность» в данном случае имеет очень широкий аспект. Во-первых, организационный. В настоящее время в городе при жилищно-эксплуатационных конторах функционируют более 330 детских и подростковых клубов, в которых работают различные кружки и спортивные секции. В них занимается более ста тысяч несовершеннолетних. С 1967 года в штаты жэков введена должность педагога-организатора, в обязанности которого входит организация досуга детей и подростков по месту жительства.

В каждом административном районе города действует свой подростковый клуб, на базе которого во время летних каникул за городом организуется военно-патриотический лагерь. Летом часть «трудных» включается в студенческие строительные

Екатерина РУМЯНЦЕВА,
15 лет

Звезды

Под звездным дождем пробежаться
Любой, наверно, не прочь,
Но в том-то и дело, что звезды
Не каждую падают ночь.
Они у луны ютятся
И смотрят на нас свысока.
До звезд нелегко добраться,
Дорога до них нелегка.
Их прикололи лучами
К желтому краю луны,
И вечно всем детям ночами
Они освещают сны.

Валентин ПОЗДНЯК,
17 лет

Я хочу упасть,
слушать шум земли...
Пусть летят над ней журавли,
Пусть бегут ручьи, пусть звенит капель,
Пусть всегда цветет
на земле апрель.

отряды или в комсомольско-молодежные трудовые лагеря, выезжающие на работу в сельские районы области.

Широта «охвата» — только одна сторона дела. Все эти многочисленные клубы с громкими и обязывающими именами: «Фрунзенец», «Прометей», «РВС», «Каравелла», «Оптимист», «Мужество» — не имели бы такой популярности, если бы они не предлагали подросткам того, что те ищут.

Разговаривая с начальником одного из них, я спросил, почему есть секция самбо, а нет, допустим, баскетбольной.

— Так решили ребята: когда было организационное собрание секции, большинство проголосовало за самбо. И мы пригласили тренера-самбиста, кстати, мастера спорта.

Позже я поинтересовался у тренера, много ли в секции перспективных ребят.

— Задатки борцов есть у одного-двух. Остальные никогда не станут хорошими спортсменами.

И, упреждая мой вопрос, продолжал:

— Но нас и не особенно волнует, станут ли наши воспитанники чемпионами, призерами, разрядниками или нет. Мы не спортивное общество, где ставку делают на подготовку классных спортсменов, а потому принимают в секции одаренных. Наш критерий: хочешь заниматься самбо — приходи и занимайся, научим приемам, поможем «накачать» силу. Главное, чтобы мальчишка знал, что у нас он может с интересом и пользой провести свое свободное время.

И еще два слова о комплексном подходе. В Ленинграде проблема «трудных» решается совместными усилиями многих организаций. Достаточно сказать, что постановления об усилении воспитательной и профилактической работы с детьми и подростками принимаются совместно комиссией по делам несовершеннолетних Ленгорисполкома, бюро горкома ВЛКСМ, секретариатом Облсовпрофа, коллегией Главного управления внутренних дел.

Было бы большой смелостью утверждать, что уже найдены все средства, которые помогут в ближайшее время окончательно разрешить проблему «трудных». Воспитание — это процесс, и процесс сложный. Перевоспитание — тем более. Планировать точный срок, когда проблема будет «закрыта», сдана в архив и так далее, крайне рискованно и неоправданно оптимистично. Но положительный сдвиг ощутим, а накопленный опыт дает интересные примеры. Об одном хотелось бы рассказать.

О Сергее Алексееве пишу много. Я понимаю своих коллег: приятнее всего писать, когда есть материал.

Я встретился с Алексеевым у него дома. Письменный стол в одной из комнат завален книгами, анкетами, брошюрами: Алексеев заканчивал диссертацию, которую условно назвал так: «Способы комплектования групп «трудных» подростков с целью перевоспитания в условиях временного коллектива».

— Окончательно переквалифицировались в педагоги? — спрашиваю я.

— За последние годы собрал такой материал, — говорит Сергей, — что он сам просится в диссертацию...

Идея создания летнего подросткового лагеря возникла в 1964 году. Сергей заканчивал тогда Ленинградский механический институт и был секретарем комитета комсомола.

— Шефство над «трудными» подростками Ленинского района города, — вспоминает он, — было одним из наших поручений. Свои обязанности мы выполняли добросовестно, но, честно говоря, практических результатов работа почти не давала. Мы организовывали при жилищных конторах секции бокса, кружки «Умелые руки» и тому подобные «беспроигрышные» вещи, но видели, что сплотить ребят, полностью отбить их от улицы, у подворотни не можем. И вот однажды секретарь парткома института Константин Максимович Раков говорит мне:

— Все, что вы делаете, хорошо. Но попробуйте-ка выйти за привычные рамки и сделайте что-то более интересное для ребят...

Стали обдумывать это самое «что-то», и постепенно выкристаллизовалась идея летнего лагеря для трудных подростков. Почему лагерь? Во время учебного года «трудные» находятся хоть под каким-то контролем школы. Летом же подросток свободен от занятий и опеки учителей. Родители, даже если они сами и заботятся о его воспитании, целый день на работе. Получается: много времени, полная бесконтрольность и соблазны большого города. Лагерь мог заполнить этот вакуум свободного времени.

Весной 1965 года нашу идею одобрил райком партии. И с окончанием учебного года мы выехали на Вуюксу.

— Почему именно туда?

— Я родом из тех мест: родился и вырос в деревне Богатыри, Приозерского района, Ленинградской области. На десятки верст вокруг — леса, озера, реки, речки, холмы. На озере, рядом с которым стоит моя деревня, есть остров Лисий, размером примерно полкилометра на километр. Между островом и «материком» — протока, которую можно одолеть вброд. Короче, идеальное место: с одной стороны, обособленная территория, достаточно большая, чтобы просторно разместиться жилому, бытовому, спортивному комплексам, зоне отдыха и «дикому» лесу, с другой — вполне управляемая, которую можно полностью держать под контролем, радиофицировать, электрифицировать.

Ну, и главное — природа. Я знал эти места, и мне казалось, что неповторимая красота Карельского перешейка не может оставить равнодушной даже самого отчаянного хулигана, должна была воспитывать сама по себе.

— Но Лисий остров, насколько я понял, принадлежал колхозу...

— Да, в этом была известная сложность. Колхоз использовал остров для выпаса лошадей и телят: сторожить не надо, все равно никуда не сбегут. Но председатель колхоза Волнухин Игорь Владимирович, в прошлом первый секретарь Приозерского горкома ВЛКСМ, отнесся с пониманием к нашей просьбе и «уступил» нам остров.

Забегая вперед, скажу, что многие материальные сложности, которые в дальнейшем не раз возникали перед нами, каждый раз удавалось разрешить именно потому, что наше дело находило поддержку почти у всех, к кому мы обращались за помощью. В первую очередь это относится к созданию самого лагеря. За 13 лет наш лагерь пережил несколько «архитектурных эпох». Сначала были палатки, потом домики-бочки из тех, что используются на туристских базах. Теперь — добротные сборно-щитовые дома довольно оригинальной формы.

Более того, разработан генеральный план развития лагеря. Над проектом его дальнейшей застройки работает небольшая, специально созданная архитектурная мастерская. Два выпускника строительного института, лауреаты премии Ленинского комсомола, возглавили ее.

Все это удалось сделать на вполне законных основаниях, в соответствии с действующими постановлениями и решениями директивных органов, нашего райисполкома. Над нашим лагерем шефствует весь Ленинский район. В создании его участвовало шестьдесят пять промышленных предприятий и организаций. Вклад каждого шефа соответствует его возможностям.

— Я понимаю, Сергей, что создание материальной базы лагеря имело большое значение, но главной целью, ради которой все затевалось, оставалось воспитание «трудных»...

— Тут, честно говоря, мы встретили сложностей больше, чем предполагали. Мы заранее были убеждены в том, что стоит только «трудных» оторвать от подворотни, вывезти на природу, занять каким-то интересным и полезным делом, как они сразу начнут перевоспитываться. Важно, мол, сломать стереотип их обычной жизни, и они вымрут «перекуются». Ведь мы предложили им условия гораздо лучшие, чем они имели. И в бытовом отношении и в духовном. В школе они привыкли к положению людей вроде бы «второго» сорта: прочно приклеенный ярлык двоечника, хулигана, дебошира, что ни говори, не украшает и не поднимает человека в своих и чужих глазах. В семье «трудный» тоже чаще всего — изгой. Мы же убеждали полностью забыть прошлое: в лагере не будет «трудных», у всех равные права и обязанности, судить о тебе будут по отношению к делу...

Наши студенты знали всех «трудных» района. Знали их компании, любимые места, где они собираются по вечерам. И мы пошли по дворам, встречались с такими компаниями, их вожаками, или, выражаясь научно, с неформальными лидерами неформальных групп. Мы объясняли последним, что такое лагерь, старались увлечь романтикой палаточной жизни. Были уверены: убедим вожака, следом поедет вся «его» группа. Мы даже придумали такой «ход»: сложившаяся в каком-то дворе или квартале компания может образоваться в лагере свой собственный отряд, со своим командиром, только комиссаром будет студент. Другими словами, мы показывали вожакам, что вовсе не посягаем на их власть.

И вот с наступлением лета сотня «трудных» и пятнадцать студентов отправились в Богатыри. Чем

мы занимались три месяца? Обустраивали территорию лагеря, помогали колхозу на полевых работах и при заготовке кормов, проводили соревнования, конкурсы. Короче, скучать было некогда, каникулы прошли интересно.

Тем не менее не все получилось, как мы хотели. Внешне вроде все прекрасно: порядок, дисциплина, дело идет как положено. Но стоит отвернуться комиссару, что-то происходит. Сразу стараемся докопаться до причин, для этого прибегаем к анкетированию.

Пришла осень, и мы поняли, что часть ребят осталась недовольна лагерем.

Анализ того первого нашего сезона, опыт последующих лет показали, что мы многого не учли, многого не знали, не понимали, не умели, а потому распылялись ошибками. Первое. Чтобы работать с «трудными» подростками, мало иметь горячее сердце и добрые намерения, необходимо знать хотя бы общие законы педагогики, разбираться в подростковой психологии, владеть элементами педагогического мастерства. Оглядываясь назад, я вижу, что мы часто начинали изобретать велосипед там, где другие давно на нем уже ездили.

Второе. Наша «хитрость» с «признанием» неформальных групп оказалась успешной только наполовину. Все эти стихийно сложившиеся дворовые компании только внешне кажутся неорганизованными. На самом деле в них всё и вся расставлено по местам. Есть «лидеры», есть «подчиненные». Место каждого в дворовой иерархии строго определено, и нарушение заведенного порядка карается. В лагере мы ввели самоуправление и все основные вопросы решали на совете командиров. Но лидер остался лидером, кто был на вторых, третьих... десятых ролях в городе, остался на своем месте и в лагере. Надежда подростка, который не сумел утвердиться в школе и на улице, на то, что в лагере он сумеет проявить свою личность, в конечном счете не оправдалась. И это его обижало.

В общем, сложностей всякого рода было немало. И открытие простейших истин требовало порой немалых усилий.

Когда наш лагерь из спортивно-трудового переименовали в военно-патриотический, мы решили выбрать морское направление. Все-таки ребята — ленинградцы, жители крупнейшего порта, города со славными морскими традициями. К тому же лагерь расположен на острове, окружен водной «стихией». Отсюда и все остальное: отряды превратились в экипажи. Их возглавили не командиры, а капитаны. А начальник лагеря удостоился звания адмирала. «Выбили» мы и соответствующую форму и погончики со звездами. И обращаемся друг к другу в соответствии со званием.

Как всякое интересное и стоящее дело, опыт Ленинского района был замечен и оценен. При поддержке городских организаций специализированные летние лагеря для «трудных» подростков стали создаваться в других районах.

Разумеется, не всюду все получалось хорошо, как хотелось бы. Не всюду шли проторенным путем, некоторые искали свое решение проблемы. Собственно, и Алексеев не стоял на месте. Тринадцать лет работы для Сергея были временем поиска новых организационных форм, педагогических приемов. Были времена поиска самого себя и своего призвания в жизни.

После нескольких летних сезонов он и его товарищи по воспитательной работе, убедившись, что положительное, достигнутое за время каникул, необходимо закреплять по возвращении в город, предложили создать районный подростковый клуб, который должен был стать продолжением лагеря. Опять пришлось доказывать, обосновывать свое предложение, выбивать нужное помещение.

Им отдали первый этаж, спортзал и полуподвал в здании бывшей школы. Сейчас в клубе оборудован актовый зал, проходят занятия кружков и спортивных секций.

После окончания института Алексеев полтора года работал инструктором в Ленинском райком комсомола, потом три года инженером в научно-исследовательском институте. Все это время в летние месяцы он возглавлял подростковый лагерь на Вуюксе. Естественно, наступил момент, когда сочетать два разных дела стало невозможно. Нужно было выбирать что-то одно. Он выбрал воспитание «трудных».

Знаете, что мне больше всего понравилось в Алексееве? Он никогда не останавливается на достигнутом.

Самым последним по времени «возмущающим моментом», как выразился Сергей, было решение организовать «смешанный» лагерь, где проводили бы каникулы «трудные» и «нормальные». О нем нигде не объявляли, его не афишировали. В конце

концов дело района, как воспитывать своих «трудных». Райисполком идею одобрил, и летом 1975 года на Лисий остров вместе с сотней «трудных» выехало 250 «нормальных» старшеклассников. Впервые ехали и девушки.

— Что привело к такому решению? — спрашиваю Алексева.

— Мы убедились, что нельзя сужать круг общения ребят. Почему «трудных» нужно на лето обособлять? В конце концов даже стихийно формирующаяся дворовая группа подростков состоит не из одних «трудных». Среди них есть и вполне «нормальные» — хорошо учатся, отлично ведут себя, к ним не имеют никаких претензий ни соседи, ни милиция. К тому же воспитательный процесс будет идти успешнее, если «трудные» постоянно будут видеть перед собой положительный пример, поступки и действия, которые бы отличались от привычного стереотипа. И ребята с хорошим поведением, более начитанные, знающие могли бы стать фоном, который бы показывал, что такое хорошо и что такое плохо.

Лагерь — это временный коллектив. Быстрая смена событий, которые в нем происходят, ведет к более интенсивному общению, а это, в свою очередь, ускоряет созревание коллектива.

— А что показала практика?

— Опыт оправдался. Разумеется, не все решалось само собой. Но главное: в последние три года резко снизилось количество правонарушений, совершаемых подростками, которые прошли через наш лагерь. Ради этого стоило попробовать.

Мы долго беседовали с Алексеевым. Слушать его интересно не только потому, что приводимые им факты любопытны сами по себе. Они заставляют размышлять. Задумываться над, казалось бы, очевидными, само собой разумеющимися вещами. Например, насколько верны наши критерии деления подростков на «трудных» и «благополучных». Как-то в лагере произошло ЧП. Часовой покинул пост №1 — емкость с питьевой водой, — из-за чего весь лагерь остался без воды. Когда на совете командиров виновному сказали, что он совершил самый тяжкий проступок, который в настоящей боевой обстановке расценили бы как предательство, классная руководительница «именинника» испугалась:

— Что вы! Ведь он отличник, лучший ученик!

Еще один стереотип: отлично учиться, значит, и человек ты хороший. А стоит попасть в обстановку, где главной оценкой твоих достоинств становится не «балл» по какому-то предмету, а твои поступки, твое умение прийти на помощь человеку, поступиться чем-то своим ради другого, и привычное мнение о человеке может резко измениться. Кстати, отличник, о котором говорилось выше, к концу лета полностью «раскрылся».

— Как мы в нем ошиблись! — с огорчением признался его учительница. И подобных примеров лето дало немало.

Ломка стереотипов для Алексева не самоцель — путь к анализу. В лагере последнего образца он распределяет «трудных» по экипажам, казалось бы, вопреки логике: не равномерно, а соотносясь с особой, заранее обдуманной системой. В одних экипажах «трудных» нет вовсе, другие целиком состоят из таких. Смешанные же экипажи тоже неодинаковы — процент каждой категории подростков варьируется. А потом целое лето наблюдений, оценок, опросов, и анализ, анализ...

Знаете, кто победил в итоге? Экипаж, где «трудных» и «нормальных» было примерно поровну. А самое удивительное, на вопрос анкеты: «Как ты считаешь, есть ли в нашем лагере «трудные»? — половина «нормальных» мальчиков и 40 процентов девочек ответили, что, по слухам, такие вроде бы есть, но сами они в этом не уверены. Соответственно 8 и 12 процентов твердо сказали «нет». И только 16 процентов мальчиков и 18 процентов девочек были уверены, что «трудные» в лагере есть.

К полному ералашу привел пункт анкеты, который предлагал указать экипаж, где больше всего «трудных», и назвать имена этих ребят. В ответах были экипажи, целиком состоявшие из «благополучных» ребят, в «трудные» попали парни, поведение которых ни у кого не вызывало нареканий...

Не хочу быть понятым так, будто опыт Сергея Алексева я принимаю за единственно возможную форму. И в других районах Ленинграда делается немало для предупреждения правонарушений, совершаемых подростками. Просто мне кажется, что Алексеев опередил других, что его подход к проблеме более глубок, аналитичен, гибок. Он показывает, сколько еще неисчерпаемых резервов таит в себе «дворовая» педагогика.

Закон и ты

Юрий ФЕОФАНОВ

ИСПЫТАНИЕ ДОВЕРИЕМ

В редакцию обратились супруги Комаровы с просьбой написать статью против слишком, по их словам, «милостивого отношения к негодяям-хулиганам». Я, естественно, заинтересовался конкретным поводом их визита.

— Житья не стало в нашем подъезде. И почему они его облюбовали? — начала супруга.

— Не только ваш, — вставил я.

— Вот! Тем более надо писать, — вступил в беседу супруг. — Сидят, курят, иногда выпивают и без конца бренчат на гитаре.

— Куда только не обращались! — вздохнула супруга. — А попробуешь замечание сделать — обругают.

— Да-а, — протянул я, — ситуация непростая. Только что же делать?

— Как что?! Изолировать от общества! — вскинулись оба и заговорили, перебивая друг друга: — Недавно во дворе избили парня, а перед тем у женщины вырвали сумку — знаете, на колесиках такая, — с гиком катали ее по двору, пока продукты не рассыпались...

— Это уже, конечно, не шалость... Но что же нам делать — разве все подобные случаи в журнале опишешь? В милицию надо было обратиться...

— Вот, — вперил в меня указующий жест мужчины. — Не о хулиганах — о милиции и напишите. Ведь этих хулиганов, думаете, за решетку посадили? Как бы не так! А жильцам объяснили: мол, недавно вышли законы о снисхождении к хулиганам.

— О таких законах я не слышал, — вставил я.

— Их пороть надо публично или уж в тюрьму упрячивать на годик-другой, да чтоб от зари до зари акальывали. А этих негодяев, наоборот, прощают...

— Да кто вам еказал, что прощают?

— Так отпустили же тех хулиганов. Родителей вызывали, из школы кого-то, а им это как мертвому припарки. Разве такими методами надо бороться со злом? А еще пишете «пусть у них горит земля под ногами»...

Такой вот разговор состоялся у нас в редакции с супругами Комаровыми. Мы вместе позвонили в отделение милиции, оттуда ответили, что случай такой был, ребята строго предупреждены, родители главного заводили оштрафованы, сейчас те парни ведут себя нормально. Что же касается «концертов» в подъездах, то да, такое наблюдается, случаются и нежелательные инциденты. Но может ли милиция уследить за каждым подъездом?

Я передал этот разговор находившимся тут же Комаровыми. Они ушли, явно разочарованные:

— Нянчимся-нянчимся, а они вон что выделывают. Разве их уговорами исправишь...

Мне довелось заниматься правовой тематикой, в частности темой борьбы с правонарушениями несо-

вершеннолетних, не один год. И в разных вариантах от разных людей приходится выслушивать сентенции, подобные только что изложенной. И письма такого же рода читать.

Можно, конечно, понять раздражение, даже злость людей на тех, кто ни с того ни с сего, без всякого повода способен оскорбить другого человека словом или действием, устроить дебош, нарушить нормальное течение жизни, даже избить. Понять их чувства можно, но можно ли **принять** категорические рекомендации, которые они предъявляют в качестве мер борьбы с хулиганством? Можно ли законодательствовать, предлагать направление профилактической работы с правонарушителями, особенно юными, без серьезного научного анализа явлений, без учета опыта юриспруденции? Без учета того, наконец, что подросток, пусть десятки раз виновный, продукт и наших ошибок и недочетов?

Вспоминается одно дело — «шапочное», как его называл следователь. Преступление нескольких подростков заключалось в том, что они срывали с прохожих меховые шапки.

В кабинете инспектора МУРа мне разрешили побеседовать с теми, кого, по словам потерпевших, надо «публично казнить».

Владимир Востриков по «профессиональному» стажу самый молодой из моих собеседников — впервые вышел «на дело». Да и вообще он молод — только что стукнуло 16 лет. Учится в радиомеханическом техникуме. Отец шофер, мать работает на базе, 12-летний братишка учится в школе и, по словам Владимира, «сейчас краснеет за меня». На такое пошел впервые и «сам не знает, как».

— Говоришь, в первый раз? — спрашиваю парня. — А если бы не поймали? Только откровенно... (После долгого молчания).

— Если откровенно... Не знаю. Просто так бы не стал, а выпили бы...

— Значит, на выпивку?

— Не на книги же.

— Стыдно хоть теперь?

— Мать жалко. Братишку. Ну и жизнь, ясно, полонана. Из техникума отчислят... Девушка есть. Я же к ней на свидание шел. А тут это... случилось.

— Знал, что грозит?

— Теперь узнал... здесь. Ну, и раньше в общих чертах представлял. Если бы не угостили вином — ни за что бы... И вообще до сих пор не пойму, как все случилось. Ох, что же теперь будет...

Юрий Славин ненамного старше, ему около 18, работает слесарем-сборщиком. Худой, черноволосый, какой-то весь дерганый.

— Как бы ты поступил, если бы, например, с твоего отца сорвали головной убор?

— Я бы убил этого подонка. Я ведь сам шапки не сдергивал.

Фальшь явная, бьющая в глаза. На такой же вопрос Востриков не ответил, сидел потупившись. Этот со рвением старается откостить от того, что было.

- Деньги на выпивку добывали?
- Почему обязательно на выпивку?
- А на что?
- Да я ж не срывал шапки. Я только должен был их продать.

Отец Славина — преподаватель института, мать работает на кинофабрике, сестра учится в шестом классе, живут в отличной трехкомнатной квартире. И сыну пообещали кооперативную — у того невеста. А он позарился на легкий заработок, чтобы на выпивку собрать.

Вина Вострикова большая — он срывал шапки, а этот вроде бы «чист».

Евгений Зенин. Ему 16 лет, хотя на вид солиднее приятелей. Хорошо знаком милиции: в прошлом году избил мальчика. Красивое лицо, модная прическа. Растила его одна мать — работница котельной. Как-то умалит свою вину и не пытается.

— Я с 14 лет этим занимаюсь. Нет, шапками — последнее время. Штук пятнадцать снял. А всего раз сорок воровал — у пьяных по мелочам, а однажды штангу украли в спортсекции. Выпиваю. Когда есть деньги — каждый день. Но я здоров, атлетизмом занимаюсь.

- Как относишься к тому, что сделал?
- Попался по-глупому. Вот и все.
- Знал, что грозит?
- Не маленький. Везде люди живут...
- Хорошо, Евгений, а тебе никогда не случалось взглянуть на свои злодеяния с позиции потерпевшего? Может, он на эту шапку полгода копил?
- Не думал об этом. Вот с одного сдернул шапку, а она линия оказалась.

Злодей? Евгения, пожалуй, и так уже назвать можно. Случайно оступившись? Владимир — да, но попался с полицией именно он. Жажда ли для них самой суровой кары? Когда разговариваем — нет, может, только для Евгения. А стоит поставить себя на место прохожего, с которого сорвали шапку, — всех троих растерзать готов. Как быть с ними? Зенин пятнадцать шапок снял, но все его «раскавание» только в том, что линия оказалась. А Востриков уже тем, что задержали его, сверх головы наказан.

Вот и решай тут задачу. Но и следствию и суду придется ее решать. Решать, исходя из оценки содеянного, из санкции закона. А также учитывая личности преступников. Вот это последнее — самое сложное. И тут мы подошли, наконец, к вопросу о том новом в законодательстве, что лишь по неосведомленности вызвало раздражение супругов Комаровых, заставило их говорить, будто вышел «закон о снисхождении к хулиганам».

С февраля 1977 года Президиум Верховного Совета СССР действительно принял Указ «О дополнении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик статьей 39¹». В этой статье говорится, что при назначении наказания несовершеннолетнему, впервые осуждаемому к лишению свободы на срок до трех лет, суд может отсрочить исполнение приговора от шести месяцев до двух лет. При этом суд учитывает характер и степень общественной опасности противоправного деяния, личность виновного, а также возможность его исправления и перевоспитания без изоляции от общества.

Здесь необходимо подчеркнуть: суд может, имеет право, но вовсе не обязан давать такую отсрочку. Значит ли это, что «вышел закон о снисхождении к хулиганам», как безапелляционно заявили супруги Комаровы? Конечно же, нет. Советские законы были и остаются, как и раньше, столь же строгими и непреклонными к хулиганам и иным правонарушителям. Но в необходимых случаях нынешнее дополнение к Основу уголовного законодательства позволяет судьям действовать более гибко, целесообразно и гуманно. Речь, таким образом, идет не о смягчении строгости, не об отмене строгих правовых норм, а об их совершенствовании.

Мне не довелось встретиться с теми ребятами, о которых рассказывали Комаровы. Но вспомним снова то «шапочное» знакомство. Характеристики трех подростков у меня получились, возможно, слишком конспективными, краткими. Но и они позволяют сделать кое-какие выводы.

Нет никакого сомнения в том, что простить троих охотников за шапками нельзя. Если Зенин выглядит как циничный правонарушитель, а Славин предстает перед нами фальшивым и лживым парнем, то Востриков, как уже отмечалось, переживал искренне случившееся, да и болезненнее своих «друзгов». Но виноват-то он больше всех! Ведь это именно он срывал шапки с прохожих. У суда не было данных,

которые, безусловно, говорили бы о том, что двое приятелей принудили Вострикова совершить злое деяние. Они угостили вином, намекнули, что теперь бы он должен угостить, сказали, что они достали деньги, продав сорванную с прохожего шапку. И Востриков, расхрабравшись после выпивки, заявил: «Угощаю я...» Остальное известно. Для угощения нужны средства.

Когда на суде выступал адвокат Вострикова, он очень, по-моему, верно заметил:

— Мы сейчас смотрим на скамью подсудимых, на трех этих парней, и все трое представляются нам, как один. Обстоятельства дела, ответы подсудимых, выражения их лиц — все как бы сглаживает, нивелирует личности. А ведь они все разные, эти ребята!

Нет, не наказав всех троих, и Вострикова в первую очередь, было нельзя. А вот изоляция от общества того же Вострикова вряд ли имела бы смысл. Руководствуясь принятым в феврале Указом, суд мог более гибко подойти к решению судьбы троих юных правонарушителей. Отсрочка наказания не прощение, и дамоклов меч назначенное время все же будет висеть над их головами. Но опуститься ли ему или вернуться в ножи — будет зависеть от самих виновных.

В статье 39¹ также говорится, что, принимая решение об отсрочке наказания, суд может обязать виновного в определенный срок поступить на работу или учебу (если подросток не работает и не учится) и заставить устранить причиненный вред, а также регламентировать другие, предусмотренные законом обязанности. Контроль за поведением тех, кому наказание отсрочено, закон возлагает на комиссии по делам несовершеннолетних при исполкомах районных (городских) Советов и на органы внутренних дел. Суд может возложить обязанность по наблюдению за осужденным и на коллектив или отдельное лицо (с их согласия).

Тут, конечно, могут возразить: дескать, знаем, как наблюдают, как контролируют поведение. Сначала поручаются, а потом и знать не знают и ведать не ведают, что с парнем происходит. Глядь, а он снова набедокурил.

Да, это непростое дело — контролировать поведение подростка. Он ведь за ворота завода или школы вышел и попробуй проследи, куда он пойдет: на лекцию о правилах хорошего тона или в подъезд к старой компании. Уследить — не уследишь, да, наверное, и не надо следить. Речь идет о нравственном воздействии коллектива — воздействии, которое бы чувствовалось и тогда, когда нет никакого видимого контроля. А это значит не забывать ни на день, ни на час, ни на секунду, что подросток, совершивший правонарушение, есть, существует, что за него коллектив несет ответственность. Формы же влияния, методы воспитания — этого закон, естественно, предусмотреть в деталях не может. Да и не должен.

Однако закон (статья 39¹) гласит: если осужденный, в отношении которого исполнение приговора отсрочено, не выполняет возложенные на него судом обязанности, допускает нарушения общественного порядка, повлекшие за собой меры административного воздействия, то суд может отменить отсрочку, и правонарушитель будет направлен в колонию.

Так что, как видим, отсрочка приговора не забвение вины, не прощение преступления. Это испытание, это возможность обойтись без того, чтобы молодого человека, даже очень виновного, отрывать от привычной среды, от дома, от товарищей. Это та же неизменная строгость к правонарушителю, та же неотвратимость наказания, но сочетающаяся с большой гибкостью в применении административных санкций, с возможностью дифференцированно подходить к каждому отдельному человеку.

Закон возлагает контроль за поведением подростков, получивших отсрочку, на комиссии по делам несовершеннолетних, милицию, общественность. Однако не надо думать, что расплачиваться непосредственно за то, что контроль эффекта не дал, будет общественность или органы внутренних дел. Нет, сам не желающий исправиться правонарушитель будет расплачиваться за свои деяния лишением свободы. Так и только так должно быть, ибо ответственность за нарушение закона несет тот, кто этот закон нарушил.

Тем не менее профилактика нарушений, особенно среди молодежи, остается основой борьбы с преступностью. И в этом смысле свою роль должен сыграть принятый того же 15 февраля 1977 года Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Перечислен-

ные учреждения, как подчеркивается в Указе, «опираются на поддержку и содействие комсомольских, профсоюзных организаций, трудовых коллективов, спортивных, культурно-просветительных учреждений, добровольных народных дружин по охране общественного порядка и других государственных и общественных организаций». Руководство этими учреждениями и государственный контроль за их работой осуществляют Советы.

Работая над темой о так называемых «трудных» подростках, я встречался и беседовал со многими родителями, учителями, работниками милиции, наставниками. «Что делать с «трудными»? — вот основной вопрос этих бесед. «Что делать, в частности, со школьниками, которые не учатся, хотя и ходят на уроки; не уважают школу, учителей, своих сверстников, разлагающе действуют на ребят?» Рисовалась некая безнадежная картина: дальше терпеть великовозрастного невежду нет сил, а исключить из школы нельзя: есть закон о всеобщем.

— И поэтому, — говорили многие учителя, — приходится переводить «трудных» из класса в класс без достаточных знаний; закрывать глаза на их шалости, подчас граничащие с хулиганством, чтобы не ставить двоек по поведению.

Разумеется, и до принятия нынешнего Указа были средства воздействия на «ответных». Тут, очевидно, играет свою роль и педагогический такт, и тесная связь с семьями, и разумная строгость. Но сейчас речь не о педагогике — о праве. О том, что делать с теми подростками, на которых никакие увещания не действуют. О тех случаях, когда «нормальная» педагогика оказывается бессильной.

Нет никакой фатальной неизбежности держать в школе того, кто не хочет учиться, не уважает дисциплину, своим поведением дурно влияет на коллектив. Другое дело, что такого нельзя просто-напросто отправить из школы «в никуда», предоставить улице, обречь на ничегонеделанье, что для неустойчивого человека особенно пагубно и опасно, ибо практика свидетельствует: большинство правонарушений совершают именно те, кто оказывается не в школе, не дома, не на работе. И напрасно утешаются некоторые горе-воспитатели, что если молодой человек пошлится, то в этом ничего, мол, страшного нет. Это-де «буйство молодой крови» и т. д. Как верно замечено, можно держаться на одном уровне добра, но никому еще не удавалось удержаться на одном уровне зла. Безделье же, тунеядство, иждивенчество — сами по себе большое зло; и нет таких бездельников, которые, не образумившись и не войдя в нормальную колею жизни, не скатились бы к правонарушениям. Мы не можем допустить второго, а потому должны быть активны в борьбе с причинами правонарушений, то есть с паразитическим существованием некоторых великовозрастных отроков и отроковиц.

Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором определены права и обязанности инспекций по делам несовершеннолетних, рамки деятельности специальных общеобразовательных школ и профтехучилищ, сочетает в себе необходимую правовую строгость с нравственной гуманностью по отношению к подросткам, выбившимся из колеи.

Специальные учебные заведения находятся в ведении органов народного образования и имеют своей целью обучение, профессиональную подготовку несовершеннолетних, их физическое, трудовое, эстетическое и правовое воспитание. В общеобразовательных спецшколах направляются несовершеннолетние правонарушители от 11—14 лет, в спецПТУ — от 14 до 18 лет, на срок не более чем три года. Не реже раза в год комиссия по делам несовершеннолетних рассматривает вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания подростка в специальном учебном заведении.

Разумеется, в этих заведениях устанавливается такой распорядок дня, такая система занятий, чтобы обеспечить занятость учащихся общественно полезной деятельностью и организовать разумный досуг. Устанавливается контроль за поведением учеников, при этом без разрешения администрации подросток не может покидать территорию учебного заведения. Однако ученики имеют право встречаться с родителями, близкими, получать письма, посылки, денежные переводы, расходы же деньги можно лишь под контролем директора.

Словом, не тюрьма. Однако и не санаторий. Одно из необходимых качеств закона — его стабильность. И это качество система советского права сохраняет. Однако закон и не застывшая догма. Он должен отражать время, требования жизни. Причем закону, как и всему в нашей жизни, противопоставлены крайности, шаханья из стороны в сторону. Вот почему государство последовательно совершенствуется, особенно в последние годы, правовые нормы, регулирующие самые различные области общественных отношений.

Юрий ДАВИДОВ

СМЕЛЫЙ, ДО БЕЗУМИЯ СМЕЛЫЙ...

5. Александровский завод

На другой день, в понедельник, писарь перебеливал бумагу, адресованную в Александровский завод далекого Нерчинского округа.

Жандармы не сочли полной победой вчерашний арест: они не могли вообразить, что Любавин, он же Лопатин, решился на такую отчаянную дерзость в одиночку; нет и нет, существует заговор. И посему полковнику Кноблоху, в Александровский завод:

Вследствие обнаруженного намерения одного подозрительного человека, прибывшего в Иркутск с целью оказать содействие государственному преступнику Чернышевскому к побегу за границу, покорнейше прошу вас, милостивый государь, усилить надзор за поименованным преступником и иметь строгие наблюдения за прибывающими в завод частными людьми.

Тогда же, в феврале, выдался в Иркутске страшный день — все трещало, прыгало, стучало, звенело: не светопреставление, но землетрясение. Потом, как отмечал иркутский хроникер, долго еще слышался подземный гул.

До Александровского завода гул не докатился. Там стояла огромная, первобытная, немыслимая тишина. Снегопады выдалась редкостные, намело под застрехи, ни пройти, ни проехать. Полковник Кноблох усмехнулся, прочитав о каких-то частных лицах.

Злой рок бросил Адольфа Егоровича Кноблоха в проклятый Нерчинский край!

Когда-то он учился в университете одновременно с Огаревым и Герценом. «О годы вольных, светлых дум», — писал Огарев. Его друг, вспоминая однокашников, попавших за решетку, сказал: «Мы их знали коротко, — все они были превосходные юноши». У Кноблоха изъяли бумаги «с дерзкими мыслями противу правительства». Военный суд вынес сентенцию: повесить. Семь месяцев Кноблох сидел под арестом, прислушиваясь, не ударит ли барабанный раскат, вестник смерти. Семь месяцев, каждая минута сотрясала душу. Николай Первый не казнил его на эшафоте: казнил ожиданием эшафота. И помиловал солдатчиной.

Тюрьму при Александровском заводе построили в год ареста студента Кноблоха — в восемьсот тридцать втором. Десятилетия спустя полковника Кноблоха назначили комендантом этой тюрьмы. За его плечами были долгие годы службы в линейных батальонах. В офицеры Адольфа Егоровича произвели за храбрость; в коменданты — потому, очевидно, что жизнь давно и напроцех вышибла из него не только «дерзкие», но и недерзкие мысли. И все ж бывшего «превосходного юношу» вряд ли сочтешь задубелым высокоблагородием.

Как бы то ни было, а это он, комендант Кноблох, обратился к высшему начальству с просьбой перевести в «вольную команду», то есть на жительство в тюрьмы, заключенных, отбывших треть срока. Конечно, «вольные команды» предусматривались законом, да ведь напоминать начальству о соблюдении законности тоже, знаете ли, не совсем безопасно. Адольф Егорович напомнил. И получил разрешение. Чернышевский выбрался из острога, стал жить у дьячка, в комнатенке с окошком, напротив окон Кноблоха.

Вскоре, правда, «вольную команду» упразднили, но тут уж с Адольфа Егоровича какой спрос? Один из каторжан писал впоследствии, что добряк Кноблох сделал бы все для Чернышевского, когда бы не был так стеснен в своих действиях. Еще бы не стеснен при двойном-то подчинении: и генерал-губернатору Восточной Сибири и Третьему отделению. Единственное, чем мог он хоть отчасти посоветовать каторжным, так это не донимать их дурацкой придирчивостью. Кноблох не донимал. И заключенные — польские повстанцы, участники русских революционных кружков — заглазно звали старого полковника «дедушкой».

Чернышевский находился в тюремном помещении, почему-то прозванном «конторой». Зимой и летом Чернышевский не снимал арестантского халата: у него зябли ноги, и он ходил в валенках. Рацион его ничем не отличался от общего. Вот только не умел он экономить на хорошем табаке; папиросы свертывал длинные и толстые; желтизна на кончиках пальцев резко подчеркивала бледность рук. Он не любил, когда ему мешали писать, но тотчас оставлял перо и участвовал, вопреки уговорам товарищей, в хозяйственных работах: чистил картофель, пытался и дрова заготавливать; колун не слушался, на лице Николая Гавриловича блуждала виноватая улыбка. Вечерами он собирал каторжан, читал или пересказывал свои беллетристические сочинения. Ставил самовар, угощал чаем, устраивал импровизированную лекцию или затевал репетиции какого-нибудь спектакля.

— Что это за человек Чернышевский, что это за человек, если бы вы знали! — взволнованно повторял один революционер, рассказывая впоследствии на каторжской каторге об Александровском заводе. — На меня часто нападали минуты страшной тоски... Но у него всегда выходило на людях как-то так, что он был неизменно спокоен, ровен в обращении, деликатен до застенчивости, а подчас так весел, что поднимал своей веселостью общее настроение. Я не всегда мог скрыть свою душевную муку и часто ходил по тюремному двору, не видя, пожалуй, под ногами дороги... Он раз подошел ко мне, с неизменными очками на носу, с волосами, закинутыми назад; поразителен у него был широкий, могучий лоб, от ширины которого лицо его

казалось суженным к подбородку с клинообразной бородкой. «Гуляете?» «Плохо гуляется, Николай Гаврилович: гулять плохо, не гулять еще хуже...» «Помните пословицу: «Терпи, казак, атаманом будешь»? Не сейчас, конечно, а в будущем, далеком будущем; не мы, так дети наши или внуки... Атаманам не всегда будут генералы с регалиями, а явятся атаманы великого ума, убеждения... Натурально, за такими сила и будущее, а откуда они? Из простого, неграмотного народа, вся сила в народе...»

Чернышевский никогда никому ни на что не жаловался. Он не ждал никаких милостей. Ждал окончания срока. Дождался. Протек почти уж год. Чего же ждать теперь?

Подошел Петров день, потом и Прокопьев, разгорелась сенокосная страда. В острог натекал запах востреца, похожего на пырей, запах суходольного сена, не гниющего и не боящегося стужи, запах воли, полноты бытия, артельной, дружной работы.

Каторжный в арестантском халате и валенках потирал зябкие руки, свертывал толстые папиросы, курил. Что написать домой, как успокоить жену? Курил, ждал, прислушиваясь к запаху вострецовского сена...

Кноблох, наверное, уж и думать-то позабыл о «частных людях», подлежащих «строгому наблюдению», как вдруг получил извещение о том, что некий кандидат университета Ровинский предполагает посетить Забайкалье и, вероятно, потщится оказать Чернышевскому «некоторое содействие к побегу». И строже строгого: в случае прибытия указанного Ровинского смотреть за ним в оба, не допуская общения с государственными преступниками.

И он действительно появился, этот осмотрительный сорокалетний человек, о котором мы упоминали, рассказывая про иркутские дни Лопатина.

Ровинский следовал с караваном в Восточную Монголию. Он и вправду серьезно занимался географией и этнографией. Однако не ради науки появился он в Александровском заводе. Вряд ли основательный и трезвый Павел Аполлонович намеревался «содействовать побегу», но и не дал просто так крюку в двести верст — рассчитывал, очевидно, ободрить Николая Гавриловича, передать деньги, вручить письма, не перлюстрированные жандармами, а может быть, и сообщить о планах Лопатина.

Путешественника доставили к коменданту.

— Не желаете ли, господин Ровинский, добиваться свидания с Чернышевским? — хмуро спросил

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

полковник Кноблех.—Он ведь, кажется, вам родственник?

Павел Аполлонович, не вдаваясь в уточнения, ответил с некоторой запинкой:

— М-м... да... родственник.

— Ну, так я вам советую этого не делать. Получена бумага, что как только вы потребуете свидания с Чернышевским, вас велено арестовать.

«Добрый» и «дедушка» сильно покривил душой: указания на арест в «бумаге» не было. Но Ровинский так и уехал, не повидавшись с Николаем Гавриловичем.

6. «Чернышевского перевожу в Вилуйск»

В Иркутском остроге, официально именовавшемся тюремным замком, шибало смрадом нечеловеческой скученности тех, кто сам о себе говорил: «Мы—решенные, всего лишённые».

Тюрьму—длинную, кирпичную, в два этажа, под тусклой жестяной крышей—возвели в расчете на четырехста пятьдесят душ, а держали впятеро больше. Согласно статистике, в год, о котором речь, в семьдесят первом, изнывали здесь 1334 осужденных, среднеуточно поступал и уходил 801 этапный арестант.

Для особо важных преступников имелись одиночные, так называемые секретные камеры: тяжелая дверь с висячим замком и прорубленной форточкой для подачи поилы; замызганное окошечко слепо глядело в каменную тюремную стену.

Лопатин сидел в секретной. Посадили его туда не сразу, а после того, как за ним, выражаясь арестантским жаргоном, «ходила волна» и он «отведал простокваши».

А поначалу, в феврале, поместили его на главной гауптвахте при жандармских казармах. Следствием занялся подполковник Купенков. Ввиду чрезвычайных обстоятельств и пристального внимания Петербурга курировал следствие начальник жандармского управления полковник Дувинг.

Оба штаб-офицера прекрасно знали, что перед ними не Любавин, а «известный в революцию» Герман Александрович Лопатин. Оба были убеждены не только в его «духовной связи» с Чернышевским, но и в том, что Лопатин приехал вызволять последнего. Знали и понимали, однако...

Хоть лопни, а Любавин—Лопатин вывернется. Спрашивают: не желал ли устроить побег Чернышевского? Отвечает изумленно: я, мол, даже и вопроса такого не понимаю; слышал на сей предмет разные разговоры, но чтобы я... в моем-то шатком, ненадежном положении? Спрашивают: а бумажку-то заглодули в момент ареста, это как прикажете понимать? И глазом не моргнет: интимное, господа, амурное, неприятно отдавать посторонним... И все в эдаком смысле.

А из Петербурга, из Третьего отделения, присылают аттестацию: «Герман Лопатин умен, с большими способностями; характера твердого, настойчивого, предприимчив, умеет расположить тех лиц, которые ему нужны. Вместе с тем натура кипучая, требующая деятельности, но деятельности в противоправительственном духе, так как во всех его действиях и даже в письменных объяснениях весьма рельефно проглядывает ненависть к правительству и настоящему порядку в России...»

Зима отошла, от байкальской шуги очистилась синяя Ангара, и вот уже яблони зацвели обильным цветом, будто и вправду обещая крупные плоды. И уже мужики-плотогоны купались в Ангаре, как всегда, удивляя горожан своей отчаянностью. И наступило лето, по обыкновению ясное—числом часов солнечного сияния столица Восточной Сибири не уступала Северной Италии.

В Италии Лопатин побывал в шестьдесят седьмом: ринулся под знамена Гарибальди, но, увы, опоздал—красные рубашки, потерпев поражение, рассеялись. Впрочем, вспоминалась сейчас не Флоренция, не каменная дорога в Ниццу, куда он шел на свидание с Герценом, а Ставрополь, первая ссылка, тамошняя гауптвахта, и мягкий шлях на Ростов, и это ощущение удалы, свободы, молодости. Со ставропольской гауптвахты исчез удачно; почему бы не исчезнуть с иркутской?

В субботу, июня третьего дня, Лопатин совершил этот маневр. Ловкий и сильный, бежал он, машисто выбрасывая длинные ноги и что есть мочи работая локтями, бежал «на ура», слышал крики, выстрелы, топот копыт... Любый унтер Ижевский едва не зарубил саблей. Спасибо, другие верховые оттерли взъярившегося кавалера.

Настигла «волна» (на тюремном жаргоне—погоня), отведал «простокваши» (совершил неудачный побег), и в этот же день следователь Купенков поручил полицмейстеру перевести его в острог, «внушив притом смотрителю тюрьмы иметь за ним неослабное наблюдение как в отношении содержания, так и настроения».

Недели тянулись и месяцы.

Новый генерал-губернатор Синельников не торопился. Он желал убедиться, нет ли окрест других Лопатиных. Наконец телеграфировал в Петербург: «Чернышевского перевожу в Вилуйск». Но опять не торопился старый генерал Синельников. Больше месяца ушло на сочинение «Инструкции для наблюдения за государственным преступником Чернышевским». Из ее семнадцати пунктов десять определяли порядок конвоирования.

Эти десять условий были объявлены штабс-капитану лейб-гвардии Семеновского полка Зейферту, адъютанту губернского жандармского управления Горчаишину пьяница и бесшабашный картежник, он любил быструю езду и очень умело, зубодробительно колотил ямщиков, загоня лошадей до смерти. Так что операция вверялась надежному воину.

В пятницу, восемнадцатого декабря, он доставил Чернышевского из Александровского завода в иркутское жандармское управление. Чернышевский, не зная, куда с такой прытью везут его спустя полтора года после окончания каторжного срока, держался с холодной отчужденностью, с тем равнодушием, которое ему всегда было свойственно по отношению к жандармам и которое жандармов бесило.

В воскресенье гонимая продолжилась. Летели бубенчатые тройки по городу Иркутску, в одной кибитке—Чернышевский с конвоем, в другой—Зейферт. Летели мимо тюремного замка, где в секретной сидел Лопатин; летели по длинному деревянному мосту над Ушаковкой с ее низкими бережками, через ремесленное предместье, где чисто и стройно звонили колокола Знаменского монастыря с его церковью и могилами декабристов, и вот уж понеслись в белом, колком снежном дыме почтового тракта.

Что было впереди?

Шестьдесят три градуса полуночной широты. Семьсот верст от Якутска. Три десятка изб и десяток юрт, притонувших в сызых сугробах. Годы и годы заточения. Стража, знающая в лицо Лопатина. Когда этих стражников сменяют, другим раздадут фотографии Лопатина.

И это там, в Вилуйске, спокойный, молчаливый, сумрачный узник, услышав о попытке Германа Лопатина, «плакал горькими слезами». Чернышевскому было жаль, рассказывал очевидец, молодых сил, гибнувших из-за него бесплодно.

Гибнуть бесплодно? У Лопатина не было к тому ни малейшей охоты.

7. «Уж ты, воля, моя воля...»

Доставив Чернышевского в Вилуйск, штабс-капитан Зейферт вернулся в Иркутск уже в новом, семьдесят втором году.

Несколько десятилетий спустя Лопатин, отвечая на вопросы писателя Короленко, упомянул: «Я звал Зейферта». Это «звал» надо сопоставить с иркутскими письмами Лопатина к Даниельсону—в тех письмах были горестные известия о Чернышевском, о вилуйских условиях его жизни, известия, в свою очередь, переданные Даниельсоном в Лондон, Карлу Марксу.

При всей своей развязности под влиянием возлияний Зейферт едва ли откровенничал с Лопатиным, но вообще-то бывали случаи, когда жандармы, так сказать, постфактум, не очень-то держали язык за зубами.

Лопатин видел и слышал Зейферта во время своей иркутской жизни вне тюремных стен. Под самый Новый год его выпустили из секретной, ибо уже истекло полторы недели, как Чернышевский миновал столицу Восточной Сибири.

Выпустили, конечно, под надзор полиции, запретив отлучаться из квартиры в ночное время и с обязательством не допускать у себя «никаких подозрительных сборищ».

Ну нет! Они происходили, эти «сборища». Чаше всего на Почтамтской, у Афанасия Прокофьевича Шапова. Есть письмо опального профессора, сетующего на нехватку научной литературы, в первую очередь Марксова «Капитала». Прибавьте замечание современника—Афанасий Прокофьевич «был очень близок с Лопатиным», и—тема их собеседований ясна. А на исходе весны или в начале лета Шапов получил от хорошо ему знакомого петербургского издателя Полякова увесистый фолиант, еще не утративший запаха типографской краски,—главный труд Маркса, переведенный Лопатиным и Даниельсоном.

Натура общительная, деятельная, безудовная, Герман Александрович, по словам Горького, знавшего его уже в старости, «щедро одарял людей своею дружбой». Сам же Лопатин характеризовал себя в этом смысле не без юмора: ничто, мол, «не мешает мне—как подлинному язычнику—крепко и

нежно любить тех, кто меня любит, и—как до некоторой степени христианину—любить немножко даже многих из тех, кто меня не любит, прямо-таки назло им: «Вот, дескать, ты меня не любишь, а я тебя, стервеца или шельму,—люблю, ибо знаю тебя лучше, чем ты сам».

В Иркутске были и те, кто не любил его, но были и другие. Такие, как Шапов или полковник Бельцов, некогда друживший с Тарасом Шевченко. Такие, как Ровинский или Татьяна Флорентьевна Чайковская с юной дочерью Антониной, по-домашнему Ниной. О них говорим утвердительно. О других скажем предположительно, исходя из умонастроения и судьбы: подвижники науки, польские политические ссыльные Чекановский и Черский. Были и доктор Ильин и докторша, приятельница Чайковских; у Ильиных Лопатин квартировал. Были, наконец, и чиновники, ему симпатизировавшие.

Очертить круг, добродетельный Лопатину, необходимо, иначе все последующее глянет авантюрой. Приключений и вправду оказалось с лихвой—крутой, кружащий голову риск, однако основанный на предварительном знакомстве с обстоятельствами.

К тому понуждала реальная угроза нового ареста: Третье отделение рекомендовало продолжить следствие по делу Лопатина; генерал-губернатор распорядился исполнить указанное свыше. Синельников и не предполагал, что все это станет Лопатину известным, и тот примет контрмеры.

Во вторник, седьмого августа 1872 года, Лопатин не явился на службу в контрольную палату. Не явился ни в среду, ни через неделю. Его не обнаружили ни дома, ни у Шапова, ни у Чайковских, ни в особняке Географического общества. Дали знать по всем станциям на всех трактах, обегали окрестности—ни следа.

Лопатин и впрямь ушел дорогой, на которой следы не остаются. Об этой дороге и помыслить не могли ни жандармский полковник Дувинг, ни полицмейстер полковник Думанский.

«Помыслили» друзья Лопатина.

Минувшим летом, когда Герман Александрович сидел на гауптвахте, а потом в остроге, они совершили экспедицию. Не долгую, однако и небезопасную. Ее предложил Бельцов. К полковнику присоединились Ровинский, только что избранный членом Географического общества, и геолог Чекановский. Для съемок взяли топографа, для хозяйственных работ—двух казаков. И шестером двинулись вниз по Ангаре.

Затем путешественники представили полевые материалы своим коллегам. Отчет Ровинского в июле опубликовали «Известия» Сибирского отдела Географического общества: завидный пример оперативности, редко свойственной редакциям и типографиям. В том же томе «Известий» усердный Ровинский рецензировал «Очерк экономической статистики Иркутской губернии», автор которого, заметьте это, отвел полтора десятка страниц описанию ангарских порогов, получивших у сибиряков выразительное прозвище душевредных.

Теперь, год спустя, Лопатин, встречаясь у Шапова с Бельцовым, получил подробные консультации и литературу. Притом не только от полковника Бельцова и кандидата университета Ровинского: с весны библиотекарем общества, а вместе с тем хранителем музея и писарем служил недавний солдат линейного батальона, изящный и рыцарственный Иван Черский, большой друг Чекановского и большой недруг дувингов-думанских.

Настал день, когда Лопатин, что называется, соединил теорию с практикой: в августе он ринулся вниз по бешеной Ангаре. В прошлом году шестеро на веслах и под парусом одолели, так сказать, легально, пятьсот сорок верст. Теперь один в своей лодке-душегубке намеревался нелегально одолеть всю Ангару, все пороги.

Бывалые лодманы, начиная плавание, оглашали иркутскую набережную молитвенным распевом: «Слу-у-ша-а-а, бра-а-а-а, го-о-осподи Иисусе-е-е Христе-е-е, сыне-е-е бо-о-о-ожий, помилуй на-а-а-ас...» Потом, минуя острова, дробящие реку, возмещали накрик: «Пронеси-и-и-и!»

Лопатин безмолвно отчалил в нелюдном месте и сразу почувствовал тугую неукротимость течения. Первые дни еще встречались деревни и займки, пазуки, тянувшиеся вверх конной тягой, но все это отодвигалось, уходило, оставалось за кормой, и вот уж открылось то, что описывал Чекановский, живший несколько лет назад в приангарской землянке: «На темном мрачном фоне хвойных лесов и черных голых стен утесов выделяется только темно-синяя мощная река, более величественная, более суровая, более жуткая и более дикая, чем все окружающее».

Вертикальная лодка уносила Германа Александровича от тюремного смрада, от гробовой ссылки в какой-нибудь, как он иронизировал много позже, «приполярный городишко «Людоморск», либо в живописный улус «Пропалую падь», центральный пункт «Замерзайковской волости». Он крепко надеялся на

удачу. Помните: «Терпелив и вынослив, как русский крестьянин».

Сибиряки принимали его радушно, будь то на левобережье (это до Братска), будь то на правом берегу (это ниже Братска), в больших деревнях, что называется, «на славе», и в малых, в несколько десятков дворов. Догадывались мужики, кто перед ними (беглец или бродяга — не велико отличие), но по обыкновению не спешили схватить и послать вестовщика к начальнику. Да и Герман Александрович легко сходился с людьми всякого рода — от знаменитых до «малых сих». Прав был добрый его товарищ Глеб Успенский: «Это вот какой человек, сегодня он великому Карлу Марксу объяснит, что у него должно полагаться в следующем томе «Капитала» (такой разговор действительно был. — Ю.Д.), а завтра он у его степенства Федора Поликарповича главным приказчиком будет орудовать, и хозяин в ножки будет ему кланяться, прося продолжать коммерцию, а послезавтра наш Герман Александрович на улице знакомого адвоката встретит, под его именем в ближайшем окружном суде уголовное дело выигрывает».

Все дальше вниз по Ангаре уходил Лопатин. Иногда, причалив лодку, углублялся в чащу, простреливал дичь из бердановской игольчатой винтовки и разводил костер. Нагретый воздух баюкал ветви; переменчиво, в зависимости от высоты пламени, то светлее, то темнее, блестили стволы деревьев. В тепле и сытости, однако, не засиживался, не залеживался. Как в песне поется: «Уж ты, воля, моя воля, воля дорогая...» И вновь громадная, берегов не видать, гонкая Ангара подхватывала верткую душегубку.

Вот уж заиграла под солнцем веселая рябь, признак мелей-напльвов. И верный признак близости настоящего, сокрушающего порога. Оставь весла, накрепко держи верех-руль, правь к весело играющей ряби — там начинается жерло, фарватер, ведущий через порог.

Перехватывает дыхание, холод под ложечкой, напряженные мышцы и враз отвердевшие скулы. Грозная, острая, рваная, предательская каменная гряда возмущает о себе сиплым трубным ревом. И небо над нею с овчинку. Видишь темную страшную полосу воды, будто затаившуюся в ожидании добычи. И вот уж мчишь, насквозь прохваченный раскаленной скоростью, оглушенный грохотом, мчишь как в туннеле. Поток клубится, клокочет, захлестывает, швыряет, бьет наотмашь... И вдруг, в неусловимое мгновение, широко распахиваются спокойные глубокие воды. А, черт, хорошо жить! И медленно растекается по всему телу сладкая истома.

Их было много, душевредных порогов. Похмельный и Пьяный, камни Падуна — Черный, Конь, Беляк, Язык, и длинный Шаманский порог и Сосун-камень с его дурной славой: приблизиться — и заберет, затянет, поглотит.

Последний, Стрелочный, находился всего лишь в семи верстах от слияния Ангара с Енисеем, где берега похожи на шхеры с бесчисленными островами, а сосны такие, что глянц на вершины — шапка долой.

8. «Заслонить собственной грудью любимого генерала...»

Не на ангарском «душевредном» пороге, а на берегу речки Ушайки потерпел крушение Герман Александрович. Ангара одолел и Старо-Ачинский тракт — «хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой», — такой путь прошел, а в Томске опознали. Было отчего впасть в отчаяние. Он только волосами тряхнул: «Ну, что ж делать! Сорвался!»

Томск — Иркутск: полторы тысячи верст; Томск — Иркутск: не измеришь расстояние от свободы до тюремного двора.

Одиссея Лопатина поразила иркутян, с колыбели наслышанных о дерзких побегах. О нем толковал весь город. Он был героем, будто сошедшим, как впоследствии говорил Короленко, со страниц приключенческих романов Густава Эмара или Ксавье де Монтпена.

Поразили и Синельников, распорядившийся выпустить Лопатина после «транзита» Чернышевского. Поразили старого генерала отвага, огромность жизненных сил, что-то орлиное, богатырское, удалое.

И вот сенатор, высший начальник Восточной Сибири, кавалер, служивший трем императорам всей России, суровый и грозный Синельников, без адъютантов и штаб-офицеров, мановением руки прогнав смотрителя тюрьмы, приходит в камеру арестанта Лопатина. Приходит поговорить доверительно и серьезно. Тайная надежда мерцает в душе старика — приобщить молодого человека не к службе, а к служению. Почему бы и нет? Ведь он,

Синельников, прижигает язву взяточничества, стремится облегчить участь каторжан, открывает школы, строит театр, ночей не спит, входит во все мелочи. Лопатин все это признает. Он даже симпатизирует генералу. Искренне, а не потому, что зависит от его угодности. И все же как не понять, что заплатами не починить изношенный кафтан, риторикой и судебными преследованиями не унять гангрену, как не понять, что частные меры бессильны перед общей несостоятельностью организма?

В феврале 1873 года Лопатин пишет старику откровеннейшее письмо. Поднимает забрало: «Я не ищу ни милости, ни даже снисхождения». Сбрасывает шлем: «Вот мое революционное прошлое, вот знакомство с «замечательнейшим писателем» Карлом Марксом, вот история побега (разумеется, пособники не названы), вот мое преклонение перед «великим публицистом и гражданином» Чернышевским, жгучее желание возратить миру человека, которым, по словам Маркса, «должна была бы гордиться Россия». И сжигает мосты: «Клянусь, что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медля ни минуты поменялся с ним местами, если бы только это было возможно и если бы я мог возратить эту жертвою делу отечественного прогресса одного из его влиятельнейших деятелей: я бы сделал это, не колеблясь ни минуты и с такою же радостною готовностью, с какою рядовой солдат бросается вперед, чтобы заслонить собственной грудью любимого генерала».

Открывая Синельникову свои намерения, Лопатин настойчиво подчеркивает, что это цель неличная, но притом, что это лишь его, Лопатина, намерения. Он внушает: я не один из многих, я попросту один. Не было и нет заговора. Не было и нет заговорщиков. А в таком случае зачем же мучить вилюйского узника? Зачем «стеснительные меры, которыми незаконно обставлен этот несчастный страдалец (без всякой с его собственной стороны вины) даже теперь, то есть после окончания им более чем законного срока каторжных работ»?

Таков лейтмотив письма от 15 февраля 1873 года. Оно тотчас было передано генерал-губернатору. И, надо полагать, поразило Синельникова еще больше, нежели недавняя лопатинская одиссея. Лучшее, что было в душе его, возобладавало.

Синельников приостанавливает следствие, формулирует многозначительно: вина не в побеге, нет, в самовольной отлучке. Разница! Еще через несколько дней генерал-губернатор Восточной Сибири ходатайствует перед зданием У Цепного моста и Зимним дворцом: обратит Лопатина в вольного жителя Иркутска; облегчить участь Чернышевского переводом из Вилюйска в Якутск.

Петербург отозвался в апреле; на просьбу о Чернышевском молчалим, столь же красноречивым, сколь и зловещим: не смейте, ваше превосходительство, даже и заикаться; на просьбу о Лопатине, по сути, так же: государь император «не соизволил на прекращение дела Лопатина, предосудительный образ действий которого памятен его величеству».

9. «Свободу свою защищай изо всех сил...»

— И-эй, вы, девки! — вскрикивали ямщики, стреляя кнутом.

Коренные резали иноходью, пристяжные били галопом, тройки мчали Московским трактом, обгоняя обозы.

Длинные обозы тянулись «хлынцей», шажком. И вот так, этой самой «хлынцей», подавался все дальше и дальше на запад здоровый крестьянский мальчик в картузе и армяке, подстриженный в скобку, ничем — ни говором, ни ухватками — не отличаясь от обозных мужиков, разве лишь близорукостью. Пил на постоялых дворах чаек полувприкуску-полувприглядку да вел со своими спутниками степенные, обстоятельные разговоры.

Но сердце рвалось нетерпеливо. Иркутск — Томск: полторы тысячи верст; Иркутск — Томск: из неволи на волю. Только б опять не оплошать в этом Томске, будь он неладен. Только б опять не тряхнуть головой: «Сорвался!»

Лопатин бежал 12 июля 1873 года. Бежал из здания судебного присутствия. Благо дожидался верховой коня, с притороченным к седлу свертком, и за пазухой грелся револьвер. Явки были, одежда и деньги — словом, все для того, чтобы затеряться, исчезнуть.

Следствие о «самовольной отлучке» заключенного Лопатина вниз по Ангаре велось вяло. Тюремный надзор ослабел донельзя. И начальник, и смотритель, и ключник, и сторожа опасались докучать Лопатину. Ну-ну, в сей секунд наябедничает на самую верховотуру, Синельникову. Досадительный арестант, прости господи. Чуть что не так, сразу вступает за каторжную сволочь, жалобы строчит и грозит. А каторжные, понятно, так и льнут к

нему, видя в нем заступника. А он в «решенных» товарищах видел и советчиков. Многие вызнал и запомнил Лопатин из рассказов беглецов и бродяг.

И все же не было б удачи, если бы не иркутские друзья, вот уж когда Татьяна-то Флорентьевна Чайковская пустила в ход все свои связи. Как и с прежними генерал-губернаторами, она и с Синельниковым находилась в добрых отношениях. Сказала однажды: дочь моя Ниночка и Герман — жених и невеста, отчего бы, пусть и при конвоире, не ходить к нам Герману? Ей-богу, случись на месте Синельникова жандармский полковник Дувинг, и тот бы не усомнился в обоюдной склонности молодых людей.

Еще в прежние годы, когда семейство Чайковских навещали братья Кропоткины, служившие тогда в Сибири, один из них записал в дневнике о младшей, о Ниночке: «У, какая славная!.. Такая уж она милая и красивая». Теперь это была семнадцатилетняя барышня, грациозная и непоседливая, хоть сейчас в мазурку; ее «беломраморное лицо» не забыл Лопатин и десятилетия спустя в Шлиссельбургском склепе.

До помолвки, однако, не дошло. То ли Герман не счел себя вправе связывать ее судьбу со своей, то ли Ниночкины чувства остались в пределах сердечной дружбы. После Сибири встречались они в Петербурге, встречал ее Лопатин уже Святловской, Антонинной Севастьяновой, на склоне лет; хорошо она знала Германа Александровича, и потому, повторяем, жаль, что автору этих строк не довелось познакомиться с персональной пенсионеркой, жившей накануне Отечественной войны в подмосковной Купавне.

Так вот, Чайковские, Татьяна Флорентьевна и Нина, были самыми деятельными и самыми практичными помощниками Лопатина. Все обсуждалось и примерялось в их бревенчатом двухэтажном доме. Потом кто-то что-то углыдел, учуял, донес, отпустить Лопатина к Чайковским запретили, но посещать жениха не запретили, и Нина часто приходила в острог. Может, она-то и пердала револютор.

В тот день, когда Лопатина вызвали в суд, а там, на дворе, будто нечаянно дожидался оседланный конь, в этот день Лопатин поманил в свою камеру самого близкого из острожников, умного и начитанного крестьянина Шишкина, «страдавшего за веру». Василий пришел, стали прощаться. Обнялись. Шишкин почувствовал под рубахой Лопатина что-то твердое, догадался, отступил. И тут произошел разговор, впоследствии записанный Германом Александровичем.

— Послушай, старик! — заговорил Шишкин трогательным, умоляющим голосом; он звал «стариком» не только пожилых, но и уважаемых людей. — Послушай, старик, не напускайся с легким сердцем на чужую жизнь.

— Что ты! Что ты, старик, — успокоил его Лопатин. — Разбойник я, что ли! Но вернуться в тюрьму я не согласен, и добром меня не возьмут!

— Это другое дело! — воскликнул арестант, и глаза его заблестели. — Свободу свою защищай изо всех сил, чем и как можешь!

Поздней осенью 1873 года Энгельс написал в городок Харрогет, где лечился Маркс: Лопатин «отправился как возница на собственной телеге в Томск, оттуда пароходом; от Тобольска на почтовых и напоследок по железной дороге в Петербург, все время в одежде крестьянина; здесь он скрывался еще месяц, пока спокойно не переехал границу по железной дороге».

Должно быть, в первую минуту лондонского свидания Лопатин, увидев радостно изумленного Энгельса, рассмеялся весело и беспечно. Да, так, наверное, было. Потому что и много-много лет спустя, вспоминая Германа, вот уже годы и годы заточенного навечно в Шлиссельбургской крепости, Энгельс задумчиво сказал одному из своих посетителей:

— Я твердо убежден, что в один прекрасный день Лопатин снова войдет в мою комнату, спокойно усядется предо мною и разразится смехом.

Но последний арест Лопатина, случившийся в 1884 году, длился долго, слишком долго, и Энгельс не дано было дожидаться того, о ком говорил он с нежностью: «Наш смелый, до безумия смелый Лопатин...»

Бессрочного каторжанина освободила первая русская революция. В доме на Большой Конюшенной седобородый, плечистый старик, за два казенных десятилетия не утративший ни ясности критического ума, ни юмора, ни терпения и стойкости, читал и переводил письма Маркса к Даниилу-со-ну. Письма, полные тревоги за судьбу «торговой экспедиции». Письма тех лет, когда он, Герман Александрович Лопатин, пытался вернуть России ее великого гражданина Николая Гавриловича Чернышевского.

Юрий СТАРОСТИН

Балласт

РАССКАЗ

Монотонный шум большого города менялся. Смутное весеннее тепло грело кровь. И однажды из звонкой морозной ночи поднялось горячее солнце. Днем снег постарел. Вдоль тротуаров поплыли окурки и мазутные пятна — зима таяла. Кончилась она и для Вути. Онпил талый весенний воздух. Желания его определились — он хотел подняться на вершину. На Чанчахи-Хох. Горы любят стройных, а за последние три года Вутя огруз и в душе обленился, но теперь тоска по той далекой вершине, мальчишеская мечта, позвала его властно. Он почувствовал в себе силу и резкость. Сегодня он понял, что если не этим летом, то уже никогда не взять ему Чанчахи.

Бросив дела, он всею силой пробужденной воли направил свои девяносто килограммов к Саше.

Поднимался Вутя без лифта, резко выбрасывая руку вперед, хватался за перила, подтягивался, и на лестничных площадках слышался его прерывистый шепот: «Помнит он, помнит. Не мог он забыть ее. Я сам не одну сложнее и выше сделал, а ведь не забыл... Не забыл».

В замочную скважину двери была воткнута записка: «Ушел в магазин. Буду через пятнадцать минут».

Вутя спустился вниз на лифте. В сквере за домом он поставил портфель на скамейку, привалился к нему спиной.

Для них с Сашей горы начались с того, что оба увидели Чанчахи-Хох. Впервые они встретились в том году в альпинистском лагере на Кавказе. Гордой и неприступной виделась им гора из лагеря каждый день. Ее снежная вершина была почти прозрачной на фоне светлого высокогорного неба. Сама мысль, что можно быть там, на ее хрустальных призрачных склонах, казалась фантастикой. Но к вершине уходили, и с нее возвращались.

В тех, кто уходил туда, не было ничего необыкновенного, только вернувшись, они меньше говорили о горах.

А бойких новичков водили через однообразные морены на каменные гребни, в простенькие маршруты и повторяли: рано!

Сейчас Вутя думал, как незаметно каждая новая вершина, каждый шаг на гребне поднимали их над беззаботным мальчишеством туда, где мужество и ответственность делались необходимостью, как это незаметно бесповоротно меняло их жизнь.

Уже тогда, на Кавказе, добродушный Витюша Селезнев и стал для друзей просто Вутей. Он любил купаться под водопадами. Приседал, кричал и выгибал спину под холодной струей, совсем как утка, а потом за обедом много и быстро ел.

Первое время он не знал, за что его прозвали Вуткой. Когда узнал, стал немного обижаться и остался Вутей только для самых близких.

Ветер лизнул влажные Вутины волосы и заохлодил кожу. Он посмотрел на часы — не прошло и десяти минут.

«Черт побери! Надо же ему было смотаться». Вутя запахнул плотнее пальто и переставил портфель под руку. Мысль его, ручейком пробив лед воспоминаний, потекла по заданному руслу, вымывая все новые и новые подробности...

Вутя и не заметил, как худощавый, молчаливый от застенчивости Саша вырос до того, что стал наклонять голову вниз, когда смотрел ему в лицо. Молчаливым он так и остался. Многие за него успевали сказать другие, а он только хмурился, подбирая слова. Тогда, видно, он и привык говорить последним — твердо, как бы подводя итог. И, наверное, за это его прозвали Мрачным Дылдой.

Вутя вспомнил, как на восхождениях, когда не было сил и падали самые выносливые, Саша мог еще долго работать и только выглядел более мрачным. Вот чего не мог вспомнить Вутя, так это чтобы Саша сделал не так, как сказал. Он своих слов всегда держался.

Лето за летом они изыскивали возможность и возвращались на Кавказ. В каждом маршруте, на каждом восхождении, почти всегда в одной связке рубили ступени вверх.

Как-то зимой в праздничной компании Вутя доказывал, что мастерство альпиниста — это не зряшний труд и риск. Когда воля побеждает тело и осторожный разум, человек достигает вершины. Так что вершина — атака на самого себя, победа над тем в себе, что предпочло бы комфорт и безопасность.

Саша не спорил, он только смотрел на Вутю и грустно кивал головой. В этот день они решили, что следующий маршрут сделают на Чанчахи.

Сколько же прошло? Ну да, три года. Даже чуть больше. Саша за эти три года не только на Кавказе походил. А может, сейчас у него уже другая вершина заветная? Есть ведь такие, на которые еще никто не поднимался.

Рядом с Вутиной скамейкой остановился парень. Он повернулся спиной к ветру и щелкнул зажигалкой.

— У вас не будет закурить? — мягко спросил его Вутя. Тягостно ему было одному. Парень посмотрел недовольно, но, порывшись в кармане, молча протянул сигарету и поднес свою горящую. Вутя торопливо прикурил и поблагодарил удаляющуюся спину.

Юрий Старостин окончил в 1976 году Литературный институт имени Горького, написав за годы учебы ряд рассказов и повесть. Надо помнить, что Литературный институт сам по себе никого не делает писателем. Когда ограняют алмаз, получается бриллиант, когда отшлифовывают стекло, получается отшлифованное стекло, не более того.

Две вещи необходимы каждому писателю: знание жизни и способность рассказать о том, что знаешь ты, рассказать так, как только тебе дано. Способности можно совершенствовать. Справедливо сказал в свое время академик Обручев, что способности, как мускулы, растут при тренировке. Но жизнь свою каждый должен прожить за себя сам, никто за нас этого не сделает. И обязанность свою — быть и оставаться человеком — тоже ни на чьи плечи не переложить. Эта обязанность — из самых главных для писателя.

Юрий Старостин, инженер-геодезист по своей первой профессии, за десять лет работы в экспедициях исходил, изъездил, облетел многие дальние наши края, в том числе Камчатку и Якутию. Работал в средней России. Он не раз подвергался опасности, бывал в крайних ситуациях, — ему есть о чем рассказать, и он может рассказать емко и интересно.

Пять лет Старостин занимался в моем семинаре, я имел возможность наблюдать его. Одни люди вспыхивают ярко и быстро гаснут, способности других выявляются не сразу. Я бы отнес Старостина ко вторым. В том, что он делает, есть основательность.

А пока читателю представляется возможность прочесть и непредвзято, по своему вкусу, оценить один из рассказов Юрия Старостина, которому я желаю доброго пути в литературу.

Григорий БАКЛАНОВ

В то лето они так и не поднялись на Чанчахи. А ведь уже лагеря по маршруту организовывали. В верхний лагерь поднимались уже второй раз — продукты накапливали.

В середине спуска, на гребне, Вутя сорвался. Веревку перерезало об острый выступ, и, свалившись в немом крике, как парашютист в свободном падении, он скользнул вниз.

О чем он тогда подумал? Он подумал: неужели здесь?..

На перепаде, в трещине, избитое о выступы Вутино тело задержалось. Дылда спустился, ошупал Вутю и увидел его глаза — в них была тоска.

Вутя лежал, не двигаясь, и через некоторое время группа собралась возле него.

Саша по привычке не торопился, он ждал, что скажут другие, чтобы поставить точку. Но все молчали. После резкого спуска опять предстоял подъем на гребень и... И никто уже не был уверен, что сможет после этого дойти до нижнего лагеря. Даже налегке, если не нести Вутю, сил, на это, казалось, не хватит. И Вутя был обречен.

— Саш, что думать-то? Вы в порядке и дойдете. До спасателей я продержусь. Вам все равно без носилок и троса меня не тащить. Я шевелиться не могу. В спине боль.

Вутя был прав. Так чаще и делали. Так надо было сделать, чтобы заплатить горам дешево — одной Вутиной жизнью. Только должен был с ним еще кто-то здоровый остаться.

— Помолчи, Вутя. Силы береги. Насчет позвоночника ты сочини, самое большое у тебя — ребро, ну, два... Спасателей здесь не дожدهшься, видишь, погода портится?

Погода испортилась окончательно на спуске к нижнему лагерю. Свистящий ветер резал глаза. Температура резко упала. Большую часть пути Вутю тащил друг. И шел он на ярости, на том, что уже за гранью физических сил, которых даже у него, у Мрачного Дылды, не хватило. Он не заметил, как обморозился, и это стоило ему двух пальцев левой руки, а перед самым лагерем упал и полз, пока не наткнулся на палатку.

Следующим летом они работали на разных тропках. Саша по-прежнему торил дорогу вверх, а Виктор Селезнев стал начальником контрольно-спасательной службы в одном из восточных урочищ Кавказа. Для него после травмы физические нагрузки на год были исключены.

...Угол дома закрыл солнце. Вутя давно уже сидел в тени. Он продрог и, посмотрев на часы, спохватился: прошло около часа.

Взбежав на площадку, Вутя нетерпеливо нажал кнопку звонка, и Дылда знал, кто мог звонить ему так бесцеремонно, но все-таки шел к двери, не торопясь. По дороге он даже остановился, пнул под кушетку аккуратный моток силовой веревки — там глухо звякнуло. Кто-то брал посмотреть крючья или шлямбуры, а обратно положил как попало.

В его одинокой квартире устоялся четкий порядок, восстанавливать который — после набегов альпинистской компании — стало для него настоящим привычным, что он это делал автоматически. А вот сегодня... Сегодня, во-первых, была такая суббота, когда захотелось побыть одному; во-вторых, Чанчахи и Вутя, а в-третьих, безалаберные приятели приходили с самого утра и просили возглавить группу.

«Почему они-то хотят идти именно на Чанчахи? — думал Саша. — Им-то что за дело до нее? А Вутя им, видишь ли, обуза. Не тренировался, толстый... Им, второразрядникам, Вутя — обуза? Случись что, он любого из них вытащит. Зря они думают, что я без Вути на Чанчахи пойду. Ах, черт их дер, везде окурков понасовали...»

Вутя опять длинно позвонил, и рука Саши, задержавшаяся было в раздумье, наконец повернула голову замка.

— Здравствуй, старик, уснул, что ли?

— Дремал. — туманно ответил Саша.

— Ты один?

— Один.

— Видок у тебя неухоженный.

За те несколько месяцев, что они не виделись, Саша не изменился, только немного похудел. Он был аккуратным холостяком, но стряпать не любил, а когда бывал не в настроении, то и вовсе не готовил еду, перебивался чем придется.

Вутя открыл холодильник.

Ему дело было привычное. Способности кулинара передались Вуте, вероятно, с отцовской грузинской кровью.

— Сейчас я, Саш, повесть сделаю.

— Что-нибудь новое появилось в кулинарной науке? — иронически бросил Дылда.

— А что, откажешься? — удивленно спросил Вутя.

— Ты же не обед приготовить пришел. Не хочу я... есть, — закончил равнодушно Саша.

— Ничего. Захочешь. — Движения Вути были строги и уверенны. — Я на спасаловке натренировался, будь здоров. С районом лучше было разговаривать за хорошим столом. Район или колхоз, они не обязаны нам помогать-то. Когда гости наезжали, двери спасателей, сам понимаешь, для них были открыты. Я принимал. Я угощал. Шашлык! Сациви! А про мое чахохбили, знаешь, как говорят? А-а-а... «Вот ел я как-то чахохбили, вот это было чахохбили!» Э, брат, ты и помидоры достал...

— Принес кто-то, — сказал Саша, а сам подумал, что эти непонятные весенние помидоры второразрядники принесли не только для того, чтобы удивить. Тут забота — кило два, не меньше. И ему действительно совсем расхотелось есть.

— Ну, куда летом надумал? — Вутя ножом разбивал над сковородкой яйца и выливал их на сморщенные дольки помидоров и шипящий в масле лук. — В альпклубе разговоры: какие-то второразрядники на Чанчахи собираются. Не слыхал?

— Слыхал, — без всякой интонации ответил Саша.

— Само дело в руки плывет. Давай возьмемся, поведем их, а? Может, тебе уже предлагали?

— Болтают они больше. Так, подумывают только. Заходили тут... Потрепались. Вскользь.

— А я уж думал, ты без меня договорился. Давай сходим. Собирались ведь. А? Не забыл?

— Нет. — Саша раздумчиво шевельнул бровями. — Я так и рассчитывал — это лето вместе пережить. Ты осенью говорил, что из спасслужбы уходишь. Ушел? Значит, свободный. Чанчахи, так Чанчахи. Собирайся потихоньку.

— Да я уже давно... — Вутя выскочил в прихожую и внес портфель, из которого первым делом вытащил и поставил бутылку-кахетинского, а затем, как последний рубль на прилавок, бросил на стол скальный крюк. Крюк подпрыгнул с пустым алюминиевым звоном.

Саша оживился, а когда взял его в руки, даже улыбнулся от удовольствия — таким воздушно-легким был металл. Он представил себе скальные маршруты Чанчахи, ее хитрые стены и мгновенно произвел подсчет. Если заменить стальные крюки такими, удалось бы уменьшить вес снаряжения не на один десяток килограммов.

— А ты время не теряешь. Что за сплав? — спросил Саша.

— Не знаю, как называется. Есть у меня приятель на одном заводике, подарил из отходов куски. Ну, я сам и сделал. Металл легкий, но обработка... Твердый и вязкий — жуть.

Саша вспомнил, как здоровался с Вутей: ладонь у того была шершавой...

— И сколько таких сможешь сделать?

— Понимаешь, тяжело воевать с этим металлом. Готовых есть у меня десятка два. Еще столько же сделаю.

Саша даже не заметил, как сел за стол. Ел он вначале вяло, но закончил тем, что хлебом подчистил сковородку досуха. О Чанчахи он больше не заговаривал, сказал только, что с группой договорится сам.

С этого дня Вутя заматался по знакомым, и никому не было от него покоя. Он не только вместо двадцати обещанных сделал тридцать крючков, он сделал еще многое.

Однажды Вутя принес рюкзак с консервными банками и высыпал легкие, словно пустые, жестянки с этикеткой «Мясо». У Саши в это время собралась почти вся группа. Все взвешивали банки в руках, катали их по полу, шумно выражали свое восхищение и утихли только тогда, когда обиженные соседи постучали в стену. Саша и сам удивился этому богатству. Он не то чтобы не знал про высушенный мясной фарш — пеммикан. Он знал, что значит достать его.

— Ну-у, ты дае-ешь! — воскликнул любимец группы, веселый скалолаз. — Может, еще и примус австрийский добудешь?

— Примус? Да у меня есть, — спокойно ответил Вутя. — Я сейчас еще один выкопачиваю...

Через несколько дней Вутя принес сверток и сказал, что хочет сделать Саше подарок. В комнате за дымовой табачной завесой скрывались приверженцы Чанчахи.

Вутя снял бумагу, открыл жестяную упаковочную коробку, и сухощавый парень в пуховом свитере, стоявший у Вуты за спиной, вместе с дымом выдохнул слово «Фебус!».

— Нет, не возьму. Ты не князь, чтобы такие подарки делать. К тому же он у тебя единственный, — серьезно и даже как-то печально сказал Саша.

— Ну, что ты, разве я последнее отдам? Нет, я не такой. У меня теперь два. Так что держи.

Отношение ребят к Вуте постепенно менялось, а после «Фебусов» это стало еще заметнее. Его хозяйственные способности загипнотизировали группу. А он продолжал организовывать снаряжение и сумел настолько облегчить его вес, что если бы его самого пришлось наверх тащить как балласт, то все равно ребята теперь от этого не пострадали бы.

Весенний ветер подгонял дни к лету, и до восхождения их оставалось все меньше и меньше, а забот у Вуты прибавилось, потому что второразрядники стали взваливать на него и свои дела, считая, что Вутя должен «купить» себе дорогу на Чанчахи. Саша мрачнел — ему не нравилось настроение ребят.

Наконец маршрут был утвержден: утрясены формальности в альпинистском клубе, согласовано все в спортивном обществе. Назначили и день отъезда.

Утром громадные рюкзаки приплыли на аэровокзал. Людей под рюкзаками почти не было видно.

Когда Саша подходил к стойке регистрации билетов, его встретила лавина хохота.

— Мужики, главный рюкзак пришел! — весело выкрикнул поджарый скалолаз и прыгнул навстречу Саше. Пригнувшись, он торжественно обошел вокруг и, подперев днище плечом, помог стануть лямки.

Вуты еще не было. Он, как всегда в эти последние дни, опаздывал.

Появился он внезапно и совсем не от входной двери. Хохот раскатился было лавиной, но стих. Вутя шел без рюкзака, в руках у него был только сверток.

— Ты что, мужик, упал с трамвая? — подал из-за колонны голос высокий плотный парень с жестяным здельвейсом на фетровой кепочке. — Через пятнадцать минут посадка!

Голос диктора всполошил кучу рюкзаков. Хотя каждый давно был готов к этому, все вдруг снова захлопотали — перетаскивали рюкзаки с места на место, рылись в больших и маленьких карманах, расстегивали клапаны.

«Пассажирам, отлетающим рейсом до Орджоникидзе, приготовиться к регистрации».

Вутя ощупал ладонями огромный рюкзак Саши. Похлопал его по раздутому клапану и, потрогав большой карман, решительно расстегнул его. Он знал Сашу и знал, как может тот уложить свое снаряжение.

Сверток из плотной бумаги был тяжел. В нем, завернутые каждый отдельно в кусок оберточной бумаги, лежали стандартные скальные крючья из стали.

Вутя вытащил их, задумчиво прикинул в руке килограммы и в тот же карман вложил свой сверток, такой же аккуратный, но очень легкий.

— Крюки, Саш, здесь. Те, которые я сделал. А эти железяки я с собой заберу. Ни к чему на Чанчахи балласт тащить.

И Вутя пошел от стойки, где уже начали ставить легкомысленные птички в ведомости пассажиров.

Он не оглянулся до самого выхода, но Саша как будто видел его глаза — глубокие и ясные, как небо Чанчахи-Хох.

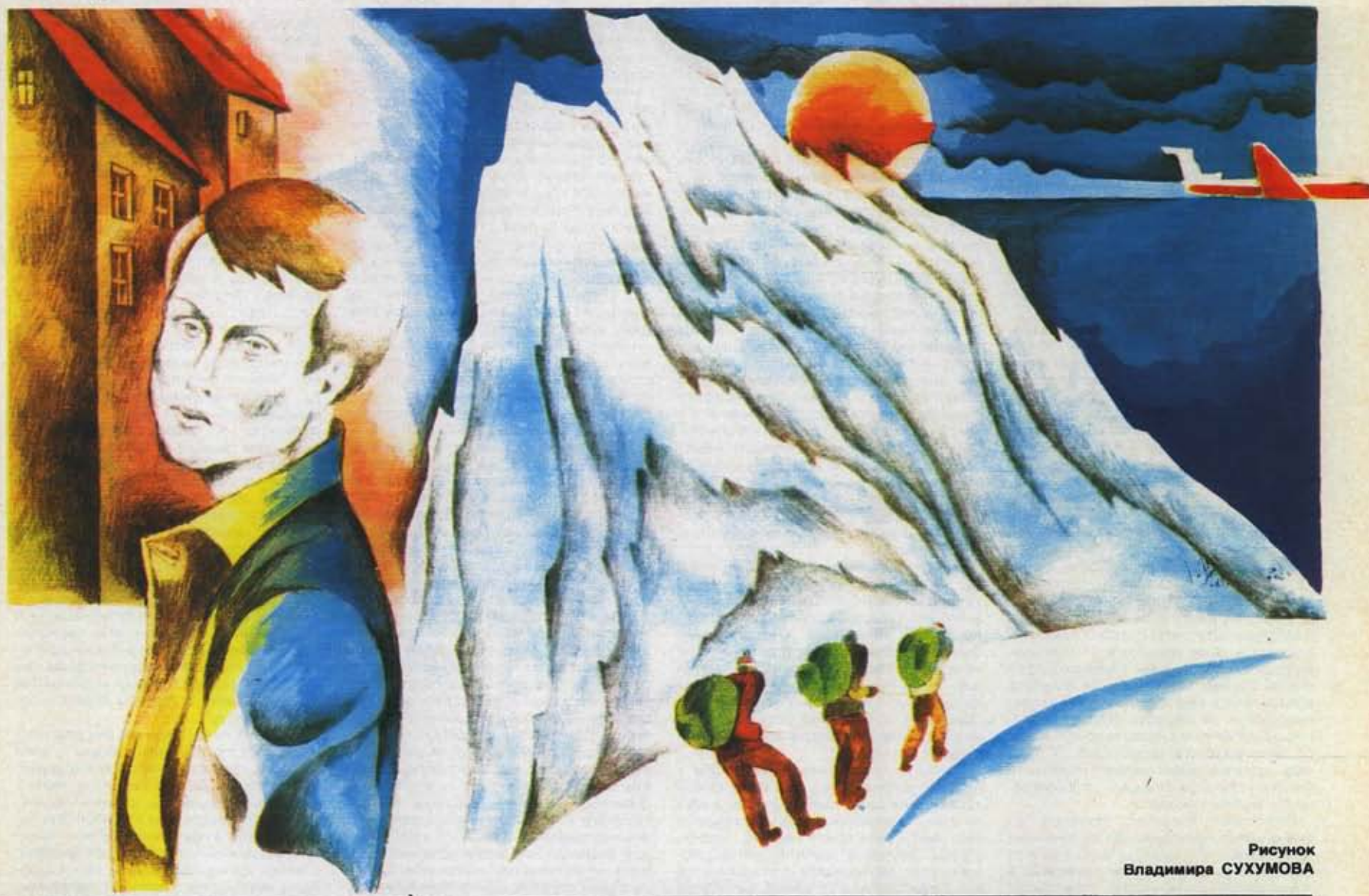

Рисунок
Владимира СУХУМОВА

Лозунг XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!». Юность планеты гневно протестует против империализма и реакции, против попыток правых сил запугать миллионы людей, против организованной преступности, против правого экстремизма и неонацизма.

Юрий КОМОВ

К июлю 1974 года в газете «Нью-Йорк таймс» появился некролог: в возрасте 82 лет скончался Стефано Магадино. В тот же день эту новость нью-йоркцы услышали в теленовостях. Через несколько дней на голубом экране показали похороны дон Стефано: сновали настырные репортеры, камеры запечатлели скорбные лица родных, близких и сподвижников Магадино. Венки, цветы, траурные ленты: в последний путь провозжали одного из первых «членов комиссии» — главного совета, стоявшего во главе американской мафии последние 30 лет.

В министерстве юстиции США, в каждом полицейском участке Магадино был известен как один из руководителей организованной преступности в США и глава могущественной «семьи», владевшей территорией, простиравшейся от Нью-Йорка до границы с Канадой. В конце 60-х годов имя Магадино появилось в некоем списке, составленном министерством юстиции: в списке было только четыре имени — четверо из оставшихся в живых и по-прежнему стоявших у власти членов так называемого «национального совета губернаторов», руководства мафии. Кроме Магадино, в списке фигурировали Карло Гамбино из Бруклина, Анджело Бруно из Филадельфии и Джозеф Зарили из Детройта. В 1975 году Гамбино называли «боссом боссов», главой синдиката, его «семья» в Нью-Йорке, как и организация братьев Сика в Лос-Анджелесе, считалась самой крупной в сети организованной преступности в США, формально лишенной единого руководства, но осуществляющей, однако, координированную деятельность.

В 1976 году были еще одни похороны — умер дон Карло Гамбино.

С его смертью сошли с арены активные деятели «крестные отцы» 50-х и 60-х годов. Горстка убежденных сединок, «почтенных» мафиозо этого поколения, отойдя от дел, поселилась в покойных, солнечных «районах для пенсионеров с деньгами» в штатах Флорида, Аризона, Калифорния. На старости лет они не хотели волнений. Дон Стефано (Магадино), о котором мы упоминали, последние три года своей жизни предпочитал уединение, ограничиваясь «консультациями» и не желая нарушать мирное течение дней.

Так же тихо доживает свои дни в загородном поместье Меир Лански. В 1972 году этот матерый гангстер вынужден был скрываться за пределами Соединенных Штатов от судебного преследования и даже предложил 1 миллион долларов наличными правительству любой страны, которая бы согласилась предоставить ему убежище. Такого правительства не нашлось, но, как оказалось, Лански и не стоило особо опасаться американского правосудия. В 1975 году судья в Майами признал 74-летнего Лански «слишком слабым», чтобы перенести тяготы процесса.

Гангстерам прошлого приходит на смену новое поколение. В Соединенных Штатах об этом говорят как о чем-то обыденном, естественном. Времена и люди меняются, но мафия продолжает существовать и действовать...

СХВАТКА «ОТЦОВ»

...Их двое, и ведут они себя совершенно по-разному. Один открыто появляется повсюду в сопровождении двух телохранителей. Агенты федерального правительства США, пытаясь неотступно следовать за ним, посещают Диснейленд, Гавайи, путешествуют по всей стране.

Другой почти неуловим. Если его вдруг заметили в Куинсе или курортном местечке Ки Ларго, репортеры и полицейские не спешат с выводами: известно, что это может быть двойник. Сам «босс», вполне вероятно, вершит в это время дела где-нибудь в Бронксе или на Манхэттене.

Первого зовут Кармин Галанте, второго — Аниэлло Деллакросе. Каждый стоит во главе могущественной «семьи» мафии в Нью-Йорке. Всего таких «семей», групп организованных преступников, в городе, по официальным данным ФБР, пять. Их и по сию пору различают по именам боссов, которые правили в 50-е и 60-е годы: семью Коломбо возглавляет Томас Дибелло, семью Геновезе — Франк Тьерри, семью Лочезе — Энтони Коралло. Боссом семьи Бонанно с 1974 года стал Кармин Галанте. Боссом семьи Гамбино с 1976 года — Аниэлло Деллакросе.

Мафией в Соединенных Штатах руководит так называемая «комиссия», «собрание доноров», но все они — по традиции — отдают пальму первенства бос-

чению босса выступал в роли примирителя несогласных сторон и, как говорят, заслужил репутацию «тактичного третейского судьи». Подход Деллакросе к решению вопросов был прост: он устранял недовольных. Опыта в подобных операциях ему, как и Галанте, не занимать: еще на заре своей карьеры Деллакросе был одним из «команды убийц» знаменитого «треста смерти» Альберта Анастасии, известного гангстера.

Читателям, слышавшим об американских гангстерах, вписавших не одну кровавую страницу в историю американской преступности, особенно в 20—30-е годы нашего столетия, вероятно, могут показаться неправдоподобными рассказы о том, что и в наше время все еще вспыхивают настоящие войны между различными группами широко разветвленной сети организованной преступности в США, контролирующей — и это ни для кого уже не секрет — многие отрасли бизнеса и даже оказывающей определенное влияние на политическую жизнь страны. Одна из таких войн разразилась в 1971 году, и местом боевых действий стал Нью-Йорк. Среди бела дня совершались убийства, причем использовались пулеметы, автоматы и другое оружие. Полиция лишь успевала собирать трупы.

Поначалу невозможно было даже понять, кто против кого воюет. Постепенно, однако, картина прояснялась. В апреле 1972 года был убит Джо Галло, один из «молодых боссов» организован-

лакроче царь и бог в «маленькой Италии», как именуют один из районов Нью-Йорка, его соперника знают по всей стране... Знают и боятся. Отдельные гангстеры, среди них и бывшие сторонники Деллакросе, поспешили выйти из «крупной игры». Одни хотят, чтобы какое-то время их просто не замечали. Другие отдают инициативу в руки Галанте там, где он расширяет свой бизнес (на Манхэттене Галанте стал владельцем нескольких пошивочных мастерских, снабжающих целую сеть магазинов, доходы его возросли еще на несколько сотен тысяч долларов в год). Третьи — и среди них не только мафиозо Нью-Йорка — принимают меры для собственной безопасности. Босс мафии в Нью-Орлеане Карлос Марчелло, например, по сообщениям всезнающих американских репортеров, удвоил число своих телохранителей, а семью отослал в надежное место. Один из известных в Сан-Франциско мафиозо, некто Джеймс Фраттиано, стал редко покидать свое убежище — за толстыми стенами, в компании надежных подручных он чувствовал себя более уютно.

Кроме того, среди членов мафии пошли разговоры о том, не пора ли в связи с ощутимыми потерями вновь «открыть книги», то есть объявить «широкий набор» в ряды гангстеров.

Мафия расширяет свои сети. Мафия вербует, втягивает в свои ряды, мафия совращает все новых и новых людей. Молодых людей. Влияние мафии пагуб-

МОЛОДЕЖЬ В СЕТЯХ

су из Нью-Йорка: он «первый среди равных», он контролирует наибольшее количество людей, в его руках сосредоточен более крупный бизнес. После смерти Дона Карло (Гамбино) за оставшийся пустой «престол» развернулась ожесточенная борьба между Галанте и Деллакросе.

Кармину Галанте в 1978 году исполнилось 68 лет. Почти полжизни он провел за тюремной решеткой. Но, несмотря на предъявлявшиеся ему обвинения — вымогательства, шантаж, торговля наркотиками, незаконный игорный бизнес, убийства, — Галанте никогда не давал, выражаясь словами американских юристов, правосудию повода доказать свою полную виновность. В тюрьме, кстати, он тоже умел устраиваться с комфортом, охрана и другие заключенные боялись его и не скрывали этого. Жесткий, никогда не стесняющийся в выборе средств, дон Кармин пользовался страшной репутацией. Сравнивая его с покойным Гамбино, один из полицейских экспертов, «специализирующийся» на мафии, замечает: «Если кто-либо отбивался от рук, Гамбино мог сказать: «Повлияйте на него»; спустя полгода он мог опять заметить: «Надо на него повлиять». Галанте в таком случае краток: «Прикончить».

Выйдя на свободу в 1974 году, Галанте захватил контроль над «семьей» удалившегося от дел Джозефа Бонанно, живущего теперь в маленьком городке в Аризоне. Временно исполнявший функции босса Растелли поначалу не хотел передавать ему бразды правления. Тогда наемные убийцы прикончили на одной из бруклинских улиц его родственника, и Растелли уступил: «аргументы» соперника оказались весьма весомыми.

Не менее «красочная» биография у Аниэлло Деллакросе, хотя в тюремном заключении он провел лишь 6 из своих 63 лет. Обвинения, предъявлявшиеся ему, выглядели почти невинно: кражи, угрозы, неуплата налогов. «Агнец божий» (так переводится с итальянского его фамилия) долгое время был одним из помощников Гамбино, часто по пору-

ных преступников. Галло перестал подчиняться «старикам», он хотел большего участия в прибылях мафии, передела поделенных территорий. С убийством Галло междоусобица, однако, не утихла: в багажниках брошенных машин, на мусорных свалках продолжали находить трупы зарегистрированных в полиции, но «гулявших» на свободе за отсутствием прямых улик членов мафии. В июне 1974 года в Бруклине были убиты еще два члена «семьи» Джозефа Коломбо. Сам Коломбо был застрелен на улице еще в июне 1971 года. Полиция с пристрастием допрашивала прохожих, невольных свидетелей. Но, как правило, в таких случаях никто ничего не видел и не слышал. Расследование дало минимальные результаты.

После смерти дон Карло (Гамбино) все начинается сначала. Действие страшной пьесы разворачивается на всем протяжении от Манхэттена до границы с Канадой. Первыми жертвами стали два осведомителя Галанте: Деллакросе избавился от них — люди бесследно исчезли. Затем наемники «агнца божьего» пристрелили в Гарлеме несколько торговцев наркотиками, сотрудничавших с Галанте, кроме того, был арестован, и не без помощи Деллакросе, Лерой Барнес, «король наркотиков», часто работавший в паре с Галанте: во время ареста конфисковали товар на сумму более миллиона долларов.

Ответные действия последовали незамедлительно: на одной из улиц Манхэттена был застрелен среди белого дня — на глазах у полицейских — подручный Деллакросе Гвидо Декуртис.

И опять завертелось колесо гангстерской войны. Кроме физического воздействия, Деллакросе прибегнул к средствам пропаганды. Среди мафиозо был пущен слух, что чересчур активная деятельность Галанте, его почти афишированные поездки по стране и громкие сделки в мире наркотиков привлекают лишнее внимание к мафии... а это плохо для бизнеса. Эти акции соперника, однако, не поколебали положения Галанте в мире организованной преступности. Даже полиция отмечала, что, хотя Дел-

нее всего сказывается именно на молодежи — подростки, юнцы, молодые парни вступают на путь преступной жизни.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ВОРЫ

Статистика сообщает, что по сравнению с 25 другими крупными городами Соединенных Штатов Нью-Йорк занимает лишь двенадцатое место по количеству совершаемых убийств, второе — по количеству дерзких ограблений, семнадцатое — изнасилований, двадцать третье — по числу мелких краж. Оказывается, что в первых двух категориях впереди Детройт. Насилуют больше в Сент-Луисе, а крадут в Финиксе. Но всюду одно и то же: люди не чувствуют себя в безопасности.

Агентства по выявлению общественного мнения регулярно проводят опросы, щупают настроения ньюйоркцев. Населению города — в виде анкет, вопросников, в форме устных интервью — уже сколько раз задавали один и тот же вопрос: каковы самые насущные проблемы, решением которых в первую очередь должна заниматься городская администрация? Более половины опрошенных неизменно ставят на первое место проблему преступности.

Что ж, спросит читатель, так и сидят запуганные ньюйоркцы по домам, опасаясь попасть в уличную перестрелку мафиозо или оказаться один на один с вооруженным бродягой или наркомагом, которому до разреза нужны доллары? Так почему же тогда вечерами так оживлен Бродвей, почему и далеко за полночь можно встретить людей в барах, на улице?

Люди остаются людьми, они двигаются, живут. Но постоянно рядом с ними страх. И это становится комплексом. Американец, даже если он не читает газетные полицейские хроники, не слушает теленовостей, даже если он обеспечен работой и причисляет себя к «среднему сословию», попадает, как правило, в некий замкнутый круг постоянной боязни завтрашнего дня. Он напряжен, ибо его сегодняшнее благополучие жи-

дятся на тысяче разных «если» и «но». Он залезает в долги к банкам, если ему предоставляется судья, чтобы потом десятилетиями выплачивать за небольшой домик—мечту каждой американской семьи. Когда у него более или менее постоянный заработок, он боится заболеть, ибо на врачей уйдут тогда все сбережения. Он боится все, что можно, затравленно озираясь и ожидая «неведомого» со всех сторон. Эта шаткость и неуверенность часто выливаются в замкнутость, даже озлобленность. Поражаешься поначалу обилию случаев, когда человек, теряя контроль над собой, становится зверем, жестоко и подло, открыто и кроваво и истязает и убивает ближних своих, чаще всего без каких-либо мотивов.

В Нью-Йорке рекомендуют всегда носить с собой в кошелек несколько долларов, чтобы «откупиться» от случайных грабителей. Человеческая жизнь стоит дешево. Оружие под рукой почти у каждого. На улицах бродяги и наркоманы нередко спрашивают 10—15 центов: газеты сообщали о случаях, когда за эти гроши убивали. Владелец мелкой лавки, которого грабили семь раз, обзавелся пистолетом, и первый же вор был застрелен им на месте, едва успел приказать открыть кассу. Стреляют друг в друга владельцы машин, поспорив из-за того, кто первый подъехал к свободному месту на стоянке,—другое можно искать целую вечность.

По данным газеты «Нью-Йорк таймс», число тяжких преступлений в 1975 году по сравнению с предыдущим годом выросло лишь в Нью-Йорке на 11,8 процента, число убийств за это же время подскочило на 5,9 процента, ущерб, нанесенный в ходе совершения так называемых «преступлений против собственности», составил 405 миллионов долларов.

Полицейские чины, снимая с себя ответственность, утверждали, что возросшее число краж и ограблений объясняется совершенствованием методов преступной практики, причинами чего, по их мнению, являются не только ультрасовременные технические приспособления (составная прогресса), но и влияние средств массовой информации, включая кино и телевидение.

Вот здесь мы и подошли к ответу на вопрос, почему преступность является проблемой № 1 в «обществе всеобщего благополучия». В «катастрофах» буржуазной реальности «средний» американец нередко теряет все ориентиры. Общество, призванное помогать ему, в мире наживы, где каждый сам по себе, не только не делает этого,—напротив, оно, рождая фантазии и подкашивая легкие, «стоцентные» пути «наверх», калечит человека, становится в итоге его убийцей.

Основное, главное право личности—право на жизнь. Но в обществе погрязших прав человек лишается не только права на труд, на здоровье, на обеспеченную старость. Никто не может гарантировать ему и самую жизнь.

А у тех, кто призван охранять американцев от преступников всех мастей, свои проблемы. Огромный полицейский аппарат, требующий каждый год колоссальных средств, не справляется со своими обязанностями. Даже полицейский комиссар Нью-Йорка вынужден был заявить, что население города теряет веру в полицию. 33 тысячи полицейских, охраняющих ньюйоркцев, бесильны перед хорошо организованным, поставленным на широкую ногу нелегальным и легальным бизнесом амери-

канской мафии. Ряды армии гангстеров насчитывают не одну сотню головорезов: в Нью-Йорке лишь пять «семей» объединяют, по данным полиции, более двух тысяч человек. К тому же не проходит и года, чтобы не разразился в среде полицейских чинов очередной скандал. Целая группа была уволена из рядов нью-йоркской полиции: в течение многих лет, как показало расследование, они участвовали в операциях подпольного игорного синдиката, контролируемого организованными преступниками. Взятки, которые получали эти люди, одетые в полицейскую форму, в несколько десятков раз превышали их оклады. Гангстеры гарантировали им, как писали газеты, даже пособие в случае безработицы.

На откуп мафии зачастую находятся, кроме полицейских, и судьи, а также другие административные лица. Верховный суд США вынужден был принять решение о том, чтобы даже федеральные судьи в обязательном порядке представляли данные о своих доходах.

Все эти меры были далеко не лишними—общественность открыто требовала положить конец злоупотреблениям. Кампания по борьбе с мафией и ее наемниками, казалось, набирала силу. Нью-йоркский следователь по особым делам Моррис Наджари, занимавшийся среди прочего делами полицейского отделения по борьбе с наркотиками (люди Наджари заново пересмотрели около 150 дел), а также связанной с этим деятельностью некоторых полицейских чинов и судей, ежедневно получал угрозы и не рисковал ходить без телохранителей. Только за 18 месяцев своей деятельности он собрал улики против сотни человек: о Наджари стали говорить как о «взломщике» законодательных институтов, десятилетиями культивировавших в своих «жрецах» чувство того, что они призваны судить, но не быть судимыми, что они призваны обеспечивать закон так, как они его понимают.

Наджари возбудил уголовное преследование против судей Сэмюэля Дифалко, Ирвинга Сеппола, Людвиг Глова, Джозефа Браста, Росса ди Лорензо, Доминика Ринальди, Ньютона Пойера, Фреда Морита, Поля Рао и других—все они обвинялись во взяточничестве, подлогах и прочих преступлениях. Среди лиц, обвиненных Наджари лишь в 1976 году, оказалось 112 работников полицейского управления, 23 члена мафии и 36 бизнесменов. К Наджари стекались жалобы, в том числе и от мелких преступников (в 1973 году их насчитали около 600), на произвол полицейских, защищающих преступников покрупней и аккуратно получающих свой второй заработок от «боссов».

В июне 1976 года под сильным нажимом «сверху» Наджари вынужден был уйти в отставку. Его кипучая деятельность на протяжении почти четырех лет наделала столько хлопот администрации штата Нью-Йорк, руководителям демократической и республиканской партий в этом районе, канцелярии генерального прокурора, полицейскому управлению, а также представителям организованной преступности, что увольнение стало неизбежным—Наджари предложил заняться частной адвокатской практикой. В своем «последнем слове» на пресс-конференции Наджари заявил: «Я не сожалею ни о чем, что делал на посту специального прокурора. Я оставляю эту работу и благодарю жителей Нью-Йорка за то, что мне была предоставлена уникальная возможность доказать, что они были и остаются правы, когда говорят, что правительственный аппарат снизу доверху поражен коррупцией».

Организованная преступность, это гигантское предприятие, приносящее баснословные доходы, постепенно становится «респектабельным, верным» бизнесом. И это давно никого не удивляет в мире наживы, в мире, где преступники могут слыть людьми порядочными, если за это уплачено.

Из почты «Смены»

Пятый номер «Смены» за 1978 год был посвящен жизни и работе Монгольского революционного союза молодежи.

Редакция получила немало откликов читателей.

«Прочел ваш номер, посвященный Монголии. Хорошее, полезное дело сделала редакция. Мне, как политинформатору, очень было интересно и познавательно»,—пишет Рывякин из Ленинграда.

Подполковник в отставке товарищ М. Е. Ицелев, награжденный медалью МНР, пишет: «Внимательно прочитал журнал «Смена» № 5 за март и как бы снова побывал в Монгольской Народной Республике, близкой моему сердцу. Вспомнились годы (1937—1943) службы в советских войсках в МНР. Я бывал в разных краях республики (это было связано с моей военной службой). Железных дорог тогда не было, и огромные расстояния приходилось преодолевать на автомашинах. Читал и читаю о Монголии все, что могу найти, и знаю, что теперешняя МНР по своему экономическому, культурному и социальному развитию ничего общего не имеет с тем, что видели мы в предвоенные годы: республика ушла вперед не на 40, а на сотни лет. Минувшая капиталистический путь развития, она успешно строит социалистическое общество. Добрый и гостеприимный монгольский народ всегда вызывал горячие чувства любви у советских людей».

В очерке «Всадники, летящие навстречу солнцу» в одном из абзацев сказано: «1939-й. Красная Армия спешит на помощь МНР, отражающей агрессию японской военизированной армии в районе реки Халхин-Гол». Советские войска в том году действительно оказали МНР всестороннюю и могучую помощь в разгроме японских захватчиков. Но знают ли молодые читатели, что Красная Армия (корпус под командованием Конева) еще в 1937 году спешила на помощь Монголии и спасла ее от оккупации японскими милитаристами. Именно благодаря этой братской помощи наши войска не допустили нарушения монгольских границ со стороны японских агрессоров».

«Очень понравился номер, посвященный Монголии. Появилась возможность ознакомиться с этой замечательной страной. Интересно рассказано об истории Монголии, о молодежи, о спорте... Особое внимание привлекла статья Д. Хатанбатара «Распахнутый мир мгновения» об ансамбле народной песни и танца МНР. У каждой народности сохранились древние обычаи, танцы, костюмы. Ведь обычаи, традиции—это не только прошлое, это и сегодняшняя жизнь. Знакомясь с творчеством ансамбля, испытываешь чувство приобщения к неповторимому миру искусства, к самобытной жизни монгольского народа»,—пишет П. Кедров из г. Павлово-Посада.

Наши молодые читатели просят у редакции адреса монгольских сверстников, чтобы завязать с ними дружбу, чтобы уже из личной переписки еще лучше знакомиться с Монголией. Так, Ирина Семенова из Донецкой области пишет, что она очень надеется на помощь «Смены»,—хочется лучше и глубже понять жизнь ровесников за рубежом.

Номер вызвал большой интерес и в братской Монголии. Общественность страны дала ему чрезвычайно высокую оценку. Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР товарищ Юмжагийн Цеденбал в телеграмме в редакцию «Смены», в частности, написал: «Позвольте мне сердечно поблагодарить за специальный выпуск журнала, посвященный монгольской молодежи, который, несомненно, явится вкладом в развитие братской дружбы и всестороннего сотрудничества между комсомолом и ревсомолом. Шлю вам самые наилучшие пожелания».

Первый секретарь ЦК МРСМ Л. Тудэв в письме, адресованном редакции, пишет:

Позвольте выразить нашу сердечную признательность за замечательный номер журнала «Смена», посвященный монгольской молодежи, Монгольскому ревсомолу.

Номер, сделанный коллективом вашей редакции с большой любовью к монгольской молодежи, к братскому союзу—МРСМ, служит прекрасной трибуной освещения успехов монгольской молодежи в строительстве социализма, здравей дружбе монгольского и советского народов, проверенной временем, испытанной в борьбе лучших сынов наших стран за великие идеалы Ленина, Октября и коммунизма. Специальный номер «Смены», несомненно, способствует еще более тесному сближению и интернациональному сотрудничеству молодежи наших стран.

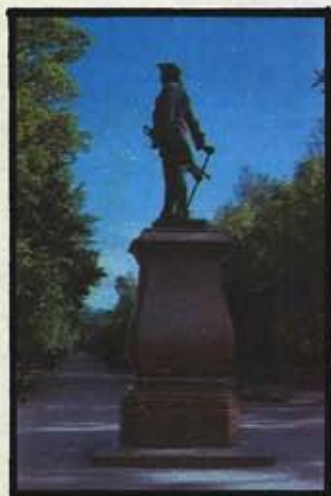
Монгольская читательская общественность с восторгом приняла этот содержательный номер журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» и сердечно благодарит ее редакцию. В нашей прессе публикуются один за другим отзывы читателей.

Позвольте вам и через вас пожелать всем славным комсомольцам, молодежи великого Советского Союза, нашим истинным братьям, грандиозных успехов и свершений в честь XVIII съезда ВЛКСМ в юбилейном комсомольском году».

В специальном выпуске «Смены» была представлена молодая литература Монголии. Мы получили письмо и от председателя Правления Союза монгольских писателей Д. Цэдэва, в котором, в частности, говорится:

«Разрешите выразить искреннюю благодарность за выпуск специального номера, полностью посвященного нашей стране и ее молодежи».

Эта прекрасная инициатива коллектива вашего журнала служит делу укрепления традиционной братской дружбы наших народов».

Леблонна скосила оспа.

Жестоко просекла она на Руси девятнадцатый год XVIII столетия, и затерялась бы эта смерть в обильной череде прочих, что редили народ в Петрово время, но горькой отметиной легла в душе Петра Леблоннова кончина—какому другому зодчему по плечу пришлось бы неистовая государева затея?..

Брошено было первое семя дерзкой этой мысли,

когда начинал Петр отвоевывать у шведов земли «дедич и отич», а вызревало в баталиях и победах, с которых в гору круто пошла новая история России. В исходе Северной войны, когда хрустнул уже и вот-вот сломиться должен был хребет «свейского льва», а на балтийских берегах вставала среди болот и пусторослей новая столица, припала царю забота о бок с нею возвести «парадиз», величием и красотой затмить признанные иные европейские дворы.

Сам отыскал царь место на берегу залива. Версты вышагивал на журавлиных своих ногах по кочковатым болотам, среди искрапленных черной сыростью, заваленных в осоках кривых берез. Отбивались от комариного месива, тщились не отставать генералы и денщики в забрызганных грязью длиннополых мундирах, и едва поспевал следом расторопный чухонец, таскавший за царем межевые шесты. Сам—в толковых чертежах—дал Петр идею постройки дворца с гротом, каскадами фонтанов и прорытым к нему от моря каналом.

Ахнула Европа, проведая о Петровом замысле, ревниво оглядела свои дивные богатства, а оглядев, осталась покойна и поверить не хотела, что на хляби неверной, в краю, откуда и зверь бежит со страхом, воздвигнет чудо невиданное и разом отобьет русский царь европейский престиж. Одного только и не могла взять в разумение, что не было в русском царе тщеславия европейских монархов, но что дело шло здесь о славе России. А была это та черта, за которой стремления Петровы преград не ведали.

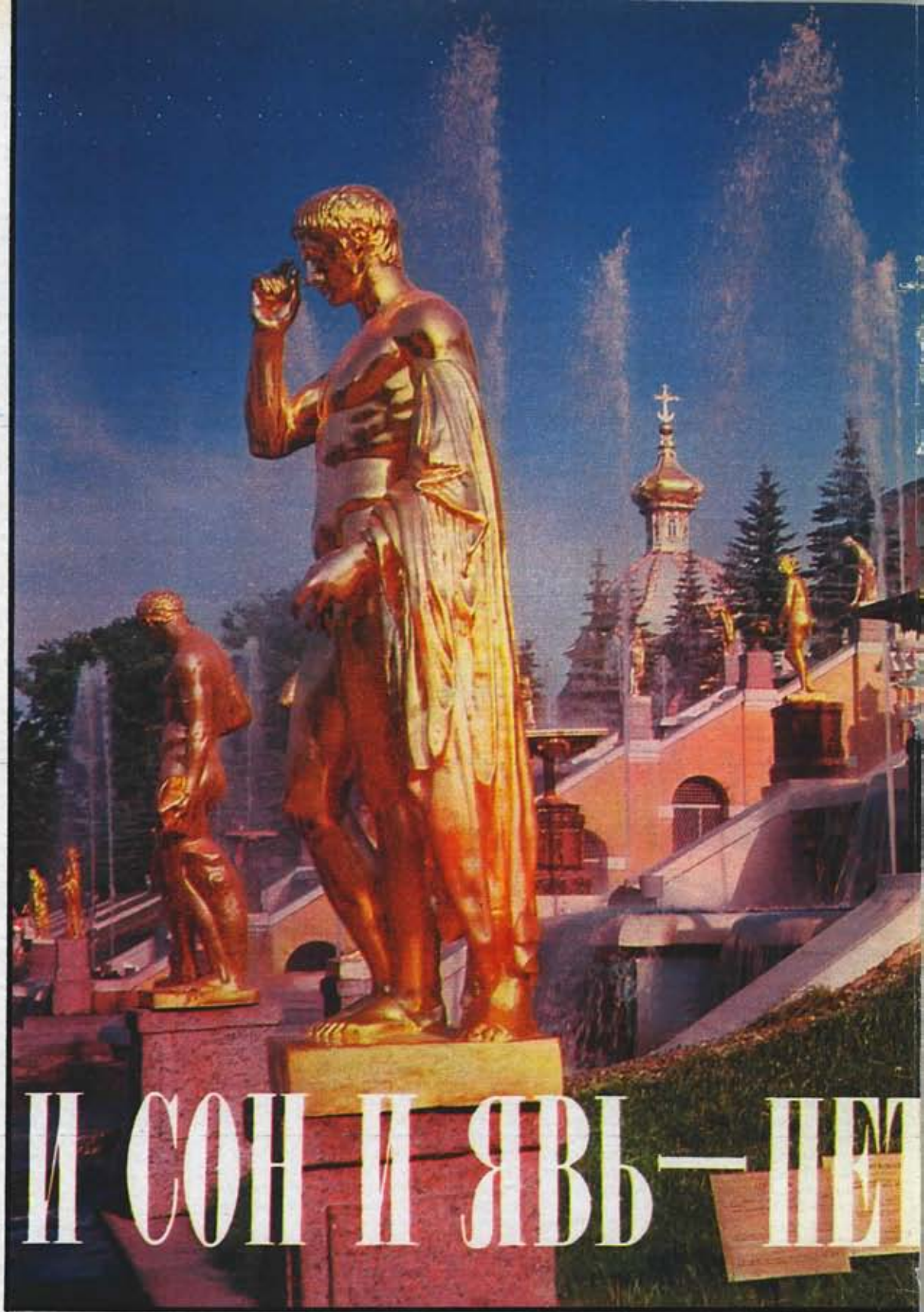
Ее же, славы российской, ради, как в войнах, неистов был царь в строительствах. С гневом глядел он в прошлое: по курным избам—мужицкая, в теремах—боярская чахла Русь, как сырая осина в печи, и, не страшась проклятий, за пыльные бороды выывлакивал ее царь воевать и строить. Но, умея отступать в баталиях, не знал он отступлений в строительствах—не было тут на царя и божьей упрямки. Устрашающим указом запретил Петр на Руси «всякое каменное строение, какого бы имени ни было», пока не встанет у моря новая столица с жемчужинами в ожерелье «парадизов». Главная же дань была тут Петергофу.

Но и в неистовстве своем был трезв государь. Полагая иностранные науки неизбежным началом большому русскому делу, наказывал послам отыскивать в многоопытной Европе изрядных мастеров, манить золотом к русскому берегу. И, принятые с почестями, царем обласканные, добро трудились иностранные зодчие. Дивились только цареву замыслу, косились недоверчиво на беспутные русские порядки, на разбродную круговерть отважного лихимства, европейскому глазу зело удивительные.

Но пуще дивились царю-работнику. Свои привыкли, а иноземцам в диковинку глядеть было, как, отталкивая дюжего мужика, сам перехватывал длинную рукоять дубовой кувалды и умело, с отяжкой бил государь по торцу сваи, раз за разом вгоняя ее в землю. Но, дивясь безмерно, узнавали в российском самодержце знающего толк в чертежах, кладке, перекрытиях прирожденного строителя...

С зарей подымался Петр, а на восходе, когда вставало на востоке—над новой столицей—бледное северное солнце, выезжал к работам.

Горячилась, с места брала заложенная в низкую одноколку сильная лошадь; несла галопом по мхам, между кочек огненным суриком выкрашенную коляску. Быстрый в движениях, на ходу выскакивал Петр, стремительно шел, размахивая длинными руками с зажатой в ладони тяжелой тростью. Тяжело ступали,

И СОН И ЯВЬ—ПЕТР

по медные пряжки уходили в разъезженную, рыжую от конского навоза землю стоптанные государевы башмаки. Ветер с моря разгонял короткую, в белых гребешках волну, срывал брызги, захлестывал штопанные чулки на жилистых, сухих ногах, подхватывал полы зеленого с красным подбоем преображенного мундира, обвевал студеной сыростью возвышавшуюся над толпой лысеющую голову с круглым вздернутым подбородком. Страшен был царь в быстром своем движении.

За спиной Петра, как за высокой корабельной кормой, согнувшийся, плечом вперед, в закрывшей брови треуголке, едва поспевал денщик, сжимавший озябыми пальцами тугую трубку чертежей на плотной английской бумаге.

Сбивались с шага, на ходу окружали царя инженеры, подрядчики, десятники, офицеры. Вникал Петр в дело быстро. Довольный, обнажал в улыбке крупные белые зубы под темными вздрагивавшими усами; или, кривя шею влево, коротко приказывал:

— Батогов!

— Да ведь... дворянин, батюшка,—шептали несмело.

— Дворянство по годности считать!—вращал Петр круглыми, темневшими в гневе глазами.—По мне дурак сноснее из низкого рода, нежели из знатно-

БОЛЬШОЙ КАСКАД.

ЭРМИТАЖ.

го!—и стремительно шагнул дальше, вдавливая в раскисшую грязь острые немецкие каблучки.

Дыбился над морем тонкий частокот мачт с белыми трубками убранных парусов на реях. Качались у деревянных причалов, терлись смолеными бортами широкие баржи, до верху груженные землей, пудожским камнем, деревьями в обмотанных рогожами корневищах, свозимыми из своих, из заморских краев на топкую хлябь балтийского берега. Коротко взблескивали топоры на солнце. Звенели в длинных рамах узкие пилы, густо осылая светлой пылью черные мужицкие лица и головы в бараньих шапках на потных лбах. Среди кочек раскидывал ветер свежие стружки: золотистыми кольцами вздрагивали они на тонких болотных травах. Бурели, налитываясь алагой, горы опилок. Пахло водорослями и дегтем.

Подымался уже, вырастал в мареве испарений на плоском берегу Петергоф. В очертаниях зданий, в планировке парка прозреть мог уже опытный глаз рождавшееся чудо. И слали уже своим монархам при русском дворе полномочные министры вести о том, что потягаться задумал русский царь с несравненным Версалем...

Жемчужины отечественной культуры

А и впрямь все выходило чудом — только по европейским меркам. И гневился Петр, русским нутром чуя, что выверенный навыворот чужеземцев, которому одного и не доставало — страсти и риска, — туго приходился к его замыслу. Нужна была рука твердая и ум решительный. Тут и приспела пора Леблону.

Неистовая затея и железная царева хватка пришли зодчему впору, и потому, зная казне счет, задорого перекупил Петр первого своего времени мастера у французского архитектора, всех же прочих числить под его началом и волею. Таланты свои оказал Леблон тотчас.

В худую пору ступил он на русский берег: работы по сооружению Большого дворца пришлось прекратить — осенью семнадцатого года забили «великие ключи», выступили грунтовые воды. Отвоеванной у моря земле, со всеми постройками, грозило затопление.

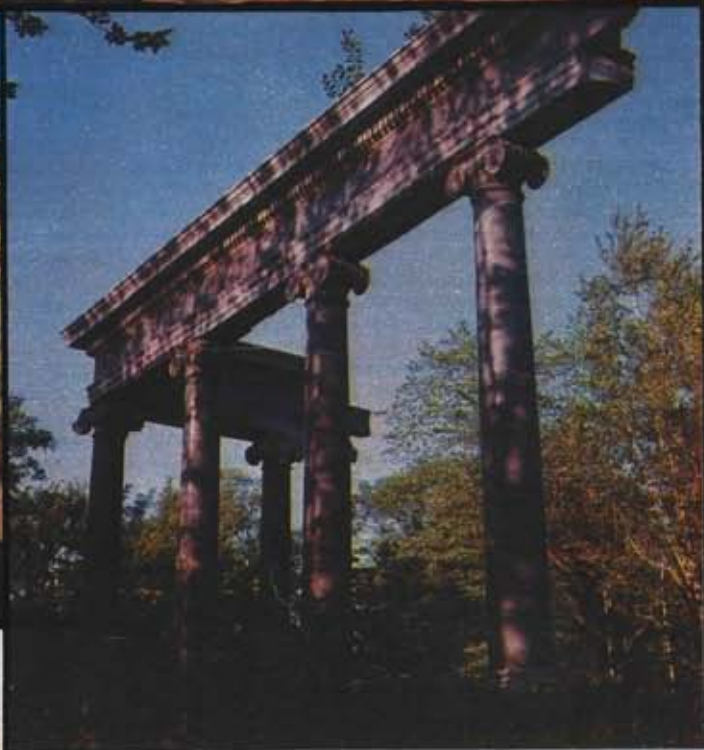
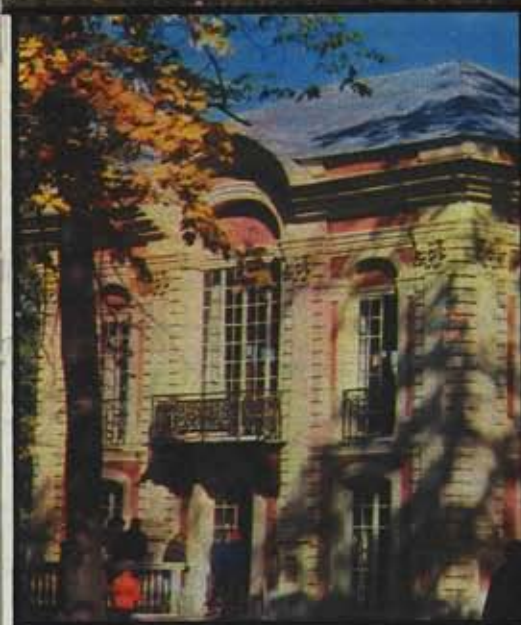
Кинулись тут винить прежних строителей или, чтобы концы в воду, записать несчастье на счет божьей стихии, но, просто же говоря, проворовался, по обыкновению, «светлейший» — князь Меншиков, руководивший в ту пору земляными работами.

Как ни толковывал царь любезному «Данилычу», что «корень всякому злу есть сребролюбие», как ни охаживал его тростью с тяжелым костяным набалдашником, не мог, не умел «светлейший» унять запойную свою корысть. И, уж конечно, за такую-то провинность был бы бит князь и фельдмаршал нещадно «из собственных государевых рук», и, уж конечно, пустил бы царь кровавую юшку по напудренным ланитам первого своего любимца и первого

ДВОРЦОВАЯ АНФИЛАДА.

ПРОДВОРЕЦ

казнокрада, да бог миловал, благо случилось дело в отсутствие государя, а от дальнейшего ответа, сам того не ведая, спас Меншикова Леблон.

Уразумев дело, приказал он немедленно сооружать акведуки, выводить их по сторонам грота и тем сбросить воду с верхней террасы, на которой — обреченный уже — стоял Большой дворец. Не теряя времени, переключил Леблон чертежи именитых предшественников, доказав царю «худое их сочинение», и с Петровой решительностью принялся за дело.

Заново переделав фасады Большого дворца, придав прежней нарядности державную величавость, спроектировал Леблон пристройку двух галерей с павильонами. С изысканным блеском, поняв самую суть государева замысла, «едино к славе России направленного», отделал интерьеры главного дворца и Монплезира, смело и решительно использовав роспись, скульптуру, лепку, деревянную облицовку и резьбу. Не прекращая работ по отделке дворцов, сооружению новых павильонов и разбивке гигантского — в сотню с лишним десятин — парка, подступал уже Леблон к грандиозному гидротехническому проекту. Сказочная феерия каскадов и фонтанов стать должна была символом и венцом Петрова замысла... Трех лет не дотянул в России выдающийся этот мастер. Свела его в могилу чинов не разбиравшая скорая болезнь.

Понять нетрудно, почему горечью отозвалась в царевой душе Леблонова кончина. И теперь, два с половиною века спустя, нельзя не поражаться, как за столь малое время осилил Леблон работу, которой другому зодчему с лихвой достало бы на десятилетия. Нужно, конечно, дивиться таланту и неистовой энергии этого мастера, но подумать нужно и о другом...

Не слишком ли легко дается нам иной раз эстетическое наслаждение? Пусть научились мы понимать прекрасное, но, отмечая в творениях прошлого красоту пропорций, изящество линий, благородство мысли, не обкрадываем ли мы себя — душу свою и совесть, — оставляя за поэтическим фасадом прекрасного живую плоть времени — суровую, трагическую подчас реальность? И цену, цену, которой оплачено наше наследство? Ибо тогда только заговорят камни — воистину заговорят! — если вместе с прекрасным коснется нас и обожжет боль прошлого.

Вот и выходит: каким бы божьим даром ни обладал зодчий, как бы сильна и животворна ни была его творческая воля, но грандиозные замыслы, коим историей отведено было место на хляби дикого берега, остались бы на бумаге или рассыпались в прах, не будь у него главной опоры. Заглянув же в историю прямо и непредвзято и вместе с гипнотическими именами положив на весы человеческие возможности, даже в последнем их пределе, увидим мы, что главная эта опора в неизмеренной силе, в непостижимой чужому разумению двужильности русского мужика.

Солоно хлебнуть пришлось в ту пору нашим мужикам. Воевала Русь со шведами, турками, персами и сама с собою — с Доном, Астраханью, Заволжьем. Тащили с церковью колокола, обкладывали податью хомуты, бани, гробы, души. А строительный набор шел за набором. Тверских, вологодских, тульских, владимирских, из Малороссии и калмыцких степей отбивали от баб и ребятишек великие тыщи мужиков. Полными травами зарастали поля, гнил хлеб на корню, а немереными российскими дорогами гнали и гнали «работных людишек» к балтийскому берегу; мало кому досталось изведать обратной — к дому.

Хуже каторги оборачивалась мужикам государева затея. Съедала заживо цинга, сжигала болотная лихорадка, за голодом людским не считали уже падавших от бескормицы лошадей. Терпели, таили муку. Хоронясь чужого уха — не угодить чтобы в Приказ и на дыбу, — шептали только: «Што с землей нашей стало есть? Стон, вопль и плач мирской!» Кому срок выходил, тихо, перекрестясь напоследок, ложились помирать; заворачивали новопреставленного в рогожу, волокли на кладбище, и густо поднялось уже крестов округ царева «парадиза»... И в леса бежали лихие головы, уходили в калмыцкие степи и на Урал. А все выходил один конец: ловили, давали батогов и в железах гнали назад. Порядку же ради заведенные были в строительной канцелярии архивные ведомости «расходу людей», скрипели усердно перьями дяки, полня концы не ведавшие списки тех, «которые бежали и умре». А просто сказать: каждого седьмого недосчитался народ в исходе Петрова царствования...

Так-то она, история, писалась! И читать ее нужно, горьких страниц не опуская. Вымерять прошлое веками одних только битв, царствований, громких имен — значит, с краю копнуть, ибо на своем горбу вытянул русский мужик нашу историю, и как ни глянем мы в прошлое, с какого бока ни подойдем, а все богатства, чудеса и дива на русской земле,

ЛЬВИНЫЙ ФОНТАН
ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ.

Строгая любовь

Свою последнюю книгу «Во бору брусника...» (М., «Современник», 1977 г.) Леонид Фролов составил из рассказов и повести о людях глухой деревни, далекой от больших городов и от железной дороги. По современным критическим стандартам это самая что ни на есть «деревенская проза». Но только по критическим стандартам...

Главное в книге не деревенский колорит, а русская природа, не сельские нравы, а русский народный дух. Как ни бедна событиями жизнь Полежаева, как ни просты отношения его жителей, эта деревня типична для некоторых районов России.

Скучает родная земля Л. Фролова. Не богатством, не урожаем, а «народонаселением», и это горькой болью отзывается в его сердце и в сердцах тех, кто остается у земли: «...молодышки уезжают, сами не зная куда. Все

ищут, ищут чего-то и уж только потом спохватываются, что нашли они меньше, чем потеряли».

Отчего же это происходит? Одна из причин в том, что жив еще Игнат Дресвянин, который до сих пор бригадирствует по законам военного времени, забывая о том, что труд должен приносить радость и тем, для кого трудишься, и тем, кто трудится. И ведь видят люди, что не ради дела старается Игнат, а вот терпят его...

Антипод Дресвянина — председатель сельсовета Егор Соколов. Он считает, «что, если можно для человека сделать что-то хорошее и если заслуживает он того, надо сделать. Только бы это во вред никому не шло».

А «нельзя, да надо» — Игнатов отговаривает, которой он прикрывается, чтобы только требовать, а взамен ничего не давать. Так ведь жить легко — только требовать...

Но, по наблюдениям Л. Фролова, в современной деревне намечаются значительные перемены. Об этом думает и говорит бодрый еще в свои шестьдесят с лишним лет Вася Грузель, имеющий двенадцать детей. Рассуждая о судьбе родного Полежаева, он формулирует свои мысли с незатейливой искренностью: «Бабы нынче робят не носят. Разленились совсем».

Не случайный разговор этот поддерживают его односельчане: действительно, жизнь становится все лучше, а «самого главного, шуму ребячьего» в избах нет. И это его самая сокровенная дума. Как человек, проживший долгую жизнь, он понимает, что строить будущее прежде всего предстоит молодым.

К такой мысли мог прийти только писатель, очень любящий свой народ, его прошлое и будущее. Но вместе с тем Леонид Фролов далек от того, чтобы все давать в одних «голубых тонах».

Тяжелый крестьянский труд с каждым годом становится все легче, жизнь деревенская меняется на глазах. Гораздо медленнее происходят изменения в человеческой психике. Варвара Федотова, тридцать лет проработавшая в колхозе, имеющая десятки почетных грамот, советится хлопотать о пенсии, ей все кажется, что не заработала она ее...

Не приемля подобного отношения к себе, Л. Фролов не осуждает их, он показывает, что они своим трудом заслужили большего, чем просто пенсия. Что многие последующие поколения должны быть им благодарны за возрожденное русское поле.

Таковы темы и идеи, объединяющие сборник «Во бору брусника...». Нужно только добавить, что написан он свежим русским языком, с глубоким знанием местного материала и психологии сельского труженика.

Леонид ВУКОЛОВ

Мастерство тонкой резьбы

В Москве вышел одиотомник Владимира Санги «Женитьба Кевонгов» (М., «Известия», 1977 г.).

В 1961 году в связи с изданием первой книжки Владимира Санги Константин Федин напи-

сал автору на Сахалин письмо с пророческими словами: «Появился первый нивхский писатель, которому предстоит открыть другим народам душу и сердце своего».

В одиотомнике вошли исторический роман «Женитьба Кевонгов», посвященные сегодняшнему дню повести «Изгин» и «Семиперая птица», рассказы, легенды и «Ложный гон» — роман о становлении молодого человека.

Наиболее обширное за всю историю освоения северной темы вовлечение в общесоюзный художественный обиход глубоко оригинального и самобытного, мало освоенного нивхского материала, глубинное исследование революции духа ранее бесписьменной и забытой народности, благодарное и умелое обращение к памяти народной — устному нивхскому творчеству, опять-таки впервые столь широко собранному и писательски осмысленному, композиционная продуманность и общее высокогуманное звучание книги — все это делает одиотомник «Женитьба Кевонгов» явлением многонациональной советской литературы. Эту книгу смело можно назвать нивхидой.

Роман «Женитьба Кевонгов» рассказывает о дореволюционной жизни нивхов. Показ непосредственной повседневности маленького рода Кевонгов, их радости и забот, с одной стороны, и суровой борьбы за существование всего нивхского племени в условиях вторжения на Сахалин капитала с его насилием сильных над слабыми — с другой, — вот как в целом решил свою задачу писатель в этом романе.

Как-то в беседе со мной В. Санги сказал: «В легендах — народная мудрость, с незапамятных времен осваивающая мироздание во всей его

сложности и неоднозначности. Из глубин вечности вызывают к потомкам живые голоса, они находят несомненную опору в сегодняшнем личном нашем и общечеловеческом сердце. Легенды дальновидно оберегают человека от потребительского отношения к природе, учат думать о завтрашнем дне, чувствовать себя на земле разумным, бережливым хозяином, а не пришельцем-разорителем. Они несут идею о мире на земле как залоге человеческого счастья и непереводимости рода человеческого». Легенды, включенные в книгу, блестяще подтверждают мысль писателя.

Крупный советский литературовед и критик, член-корреспондент Академии наук СССР Георгий Ломидзе назвал Владимира Санги мастером тонкой резьбы. В одиотомнике избранных произведений это дарование писателя видно со всей отчетливостью. Отличаясь идейно-тематическим единством и завершенностью, одиотомник полно выявляет самобытность стилизованные манеры Владимира Санги, которая органично несет в себе образность мышления народа. Романы, повести, рассказы, легенды объединяет поэтичность слога при всей его строгости и выдержанности, нескончаемость познания, богатство и тонкая выразительность интонаций и ритма.

Одиотомник начинается с посвящения: «...моему сыну Позвейну, первому нивху, родившемуся в Москве». Это как бы формула, вобравшая в себя сегодняшнее мироощущение Санги и его писательское кредо. Оно в неразрывной связи культур двух родин, первой, нивхской, которой писатель обязан рождением, второй, русской, советской, неизмеримо раздвинувшей его горизонты.

Татьяна КОМИССАРОВА

славными именами нареченные, — все до едина на мужиком поте с кровью замешаны.

И Петру ли не знать было, в чем его сила! Кто, как не русский мужик, вывезет этот сверх меры людской нагруженный воз?

Еще не сняли леса с дворцовых стен, еще грелись своими боками в сырых шалашах тыщи несметные «рабочих людшек», а пиры шли заведенной чередой. Веселились истоко, как грехи замаливали. И в допетровской Руси славен был хозяин, у которого «гостыба толсто трапезна»; одно это, пожалуй, и сохранил Петр от былого да еще приучил гостей пить такое множество здравий, что редкий богатырь выдюживал на ногах до развезда.

Но, правду сказать, не часто вкушали гости от государевых щедрот. Возлагал царь сию обязанность на высоких своих вельмож — хоть так изловить казенные деньги, которые — на подьяках да поставках — «по зарукавьям идут». И не скупился — тут уж всяк норовил трянуть мошной, другого перещеголять. Веселились так ежевечерне. Сбросив бороды, напялили вчерашние бояре завитые парики, от множества здравий сидевшие косо, на манер бараньих шапок, и, затянутые в тугие камзолы, танцевали экосезы и котильоны с не умевшими ходить на каблуках дамами. Густо пахло духами и потом. Едали на серебре говяжьи глаза «в соусе по утру проснувшись», жаловали лимбургский сыр, заливали «венгерским», «эрмитажем», дурели от перемены кушаний и зелий, а дома, утром, отдышаться чтоб от вечернего хлебосошества, хлебаки из оловянной чашки чего пожирней, жадно припадали к кадучке с моченой брусничкой, отирали пятерней бритые подбородки и, отругиваясь на домочадцах, кряхтя, отъезжали к работам.

Ранним тут был всегда государь.

Летела по мхам, билась на взметах красная одноколка с денщиком на запятках. За низкой спинкой, туго обтянутое зеленым сукном преображенного мундира, крепко сидело массивное государево тело. Вздрагивали только на костяном набалдашнике трости обветренные, в мозолях и ссадинах, красные царевы руки, да дергалась нервным тиком задубелая на ветру щека с маленькой детской родинкой.

Вдогом государю с колокольцами катила по кочкам, раскачивалась на стальных рессорах шестеркою запряженная карета. Золотом горели гербы на дверцах, пламенела на имперiale княжеская корона. Сверкала в утреннем солнце сбруя из малинового бархата с серебряными и золотыми украшениями, переливалась радугой на лоснящихся кровных жеребцах. Верхами скакали обок паж в синих бархатных кафтанах с золотыми позументами по швам. Не доезжая государя, замарала, косила жаркими глазами однамстная шестерка. Изящным движением откидывал начиненную до блеска медную подножку исправлявший эту обязанность паж. Как из золоченой шкатулки, появился в распахнутой дверце ослепительно белый чулок; выплывала над ним в голубоватых льдиных кружев холеная, в перстнях и кольцах, белая рука; сиял светоносными камнями орденов лазоревый камзол; шевелился от ветра напудренный, завитой до плеч парик — выходил в поклоне, прикладывался к государевой шершавой руке «светлейший». И уже по одному виду знал Петр, что не было сей раз греха за «Данилычем», иначе оделся бы в суконный кафтанишко и прискакал верхом.

Усмехался царь неумеренной роскоши своих вельмож и, усмехаясь, говорил, что «ежели бы нашелся алмаз с ручной жернов, то, невзирая на тяжесть, повесили бы и оный на шею». Но, суровый радетель казны государственной и сам сделавший себе за жизнь лишь два парадных кафтана, сквозь пальцы глядел Петр на эту страсть и поощрял даже роскошь приближенных, полагая, что свои генералы и тут, как в баталиях, чужеземных затмить должны.

Слушая похода вздор Меншикова вперемежку с делом, не чуя — на морском ли ветру, за французскими ли ароматами — много запаха, коим чревата по утрам ежевечерняя «ассамблея», разворачивал Петр чертежи, коротко; на ходу отдавал приказания, карал и миловал, нетерпеливо слушал бородатого подьячка, обрывал, темнея взглядом:

— Знать, забыл, что я многоглаголивый вралей не люблю! У меня и без того хлопот много. — И, меся сразу землю скошенными немецкими башмаками, вымахивал тростью, стремительно шел к берегу.

Гудели на ветру смоленые канаты, скрипел ворот, тянувший камень; стучали, сливаясь в сплошной гул, дубовые кувалды; твердым шагом ходили, покрикивая, к работам для острстки приставленные преображенские унтер-офицеры. Что мужик — инженер-итальянец норовил обойти стороной: власть лютая, а долго ль до грехов!

В подымавшихся испарениях двигался, копошился людской муравейник. По шатким, хлюпающим в прогибе мосткам текли во все стороны человеческие ручейки — в рваных зипунишках, в длинных холщовых рубахах с красными подмышками и с подолами, черными от таскаемой земли. Среди тачек с песком, тележек с известью, наваленных грудами лесин и камня стояли сорокаведерные бочки с настоем сосновых шишек — от цинги. Зеленым варевом заливала мужики сырой, комковатый хлеб.

Царский обед подавал денщик в Монплезиере. Вытнутый у кромки залива маленький низкий дворец со стенами в один кирпич и подчеркнuto строгими фасадами любил государь пуще прочих...

И здесь попросим мы позволения остановить внимание читателя. Есть в этом факте исторический смысл, который поможет понять эстетику времени и объяснить во многом своеобразии архитектурного облика Петергофского ансамбля.

Как это случилось с личностью, опережавшей время, Петр был одинок. Если в Европе вкусы монарха и его двора скакали, можно сказать, в одной упряжке, то в России тянули они порознь, и как ни покажется это поначалу странным, но с исторической этой неизбежностью столкнуться пришлось и архитектуре Петергофа. (Не случайно, конечно, в ходе рассказа о Петергофе отдели мы столь обильную дань описанию костюмов, привычек и нравов Петрова двора, иначе не стали бы мы, понятно, изводить слов и расписывать без дела платья «светлейшего» и его вьезд.) Единственное, пожалуй, в чем не опережал Петр времени, так в том толку, что не препятствовал вкусам своего окружения. А факт этот немаловажный уже потому, что на его основе складывалась своеобразная эстетика петровской эпохи, коснувшаяся не только декоративного убранства быта, но и зодчества. Не потому ли архитектура Петергофа неизмери-

Четырнадцать клеточек жизни

Мальчик Коля потерял хлебные карточки...

Только по рассказам отцов и матерей (реже — дедов) знает мое поколение, что это такое — карточки. Клеточки-квадратики, сеткой на кусочке бумаги — серо-синей или серо-коричневой, шершавой, похожей на внешнюю оберточную. Квадратики, и в каждом оттиснуто: 100 г, 200 г... Клеточки тепла, движения, света.

Страшно потерять их! Страшно даже не за себя, оказывается, человек в эти ужасные минуты думает прежде всего о близких. Коля Зимин думает о своей маме, о новой беде, которая свалилась на нее, теперь по вине единственного сына.

Как же хорошо, что все это отныне только в кошмарном сне! Как хорошо, что кончилась эта длинная, тяжелая, великая и проклятая война! Как хорошо, что все вокруг залито солнцем и радуется жизни!

...Вот так же светло и чуткоку растерянно чувствуешь себя, вступая, словно в прохладную воду, в неторопливую, неброскую, очень искреннюю повесть «В июле, после войны» Бориса Соколова (Куйбышевское книж-

ное изд-во, 1977 г.). «Два месяца прошло после войны... Автор точно обозначил время действия: четырнадцать июльских дней 1945 года, четырнадцать «клеточек» жизни Коли Зимина и его ленинградских друзей.

За этот короткий срок будто и не происходит каких-то будоражащих читательское воображение событий: дети блокадного Ленинграда, пережившие войну в глухом сибирском селе, в детском доме, собираются домой. Им помогает (в меру сил своих) симпатичный юный «абориген». На прощание Людмила, первая любовь Николая, целует его... Вот, собственно, и все.

Все, да не совсем. Из целого ряда вроде бы и непериметрических, но психологически точных, предельно достоверных будничных деталей создается Б. Соколов мозаичное «зеркало» своего повествования, в котором тоже отразилось чистое солнце нашей Победы. Для добра и счастья спасены дети — несчастные и счастливые одновременно. Теперь, после войны, счастливые гораздо больше, чем несчастные, ибо они постигли высшее счастье — открытие Родины.

Думается, «В июле, после войны» займет свое скромное, но достойное место в общесоюзной книжной «Библиотеке военного детства».

Скажут: нет такой! Формально — пока еще нет, это верно. Но зато фактически она «кирпичик к кирпичику» составляет — целая библиотека превосходных книг о детстве тех, кого обожгла, но и закалила в своем пламени минувшая война. Книг о таком голодном, холодном, без времени взрослом, детстве, что очень-очень важно для нас, сегодняшних, живущих с самого первого мига под мирным небом.

Ирина ГУСЕВА

ЛИНГВИСТИКА

Книга о языке

По сравнению с такими научными дисциплинами, как физика, астрономия, биология и др., лингвистика до недавнего времени оставалась наиболее бедно представленной в популярной литературе. Лишь в последние полтора-два десятилетия стали появляться книги по отдельным разделам языкознания, адресованные прежде всего учащимся. Эта серия недавно пополнилась еще одним изданием, «Книгой о языке» американского популяризатора — филолога Франклина Фолсона («Прогресс», М., 1977 г.). И то, что это уже второе издание (первое было в 1974 году, и то, что, несмотря на большой тираж (50 000 экз.), книга моментально разошлась, говорит об интересе к этой книге широкого круга читателей. Это своего рода детская лингвистическая энциклопедия, охватывающая широкий круг проблем, связанных с языком.

Книга адресована школьнику, с ним в первую очередь ведет доверительный разговор автор, но она с удовольствием будет прочитана и взрослыми, интересующимися лингвистическими вопросами. Написанная человеком, имеющим незаурядный талант популяризатора, книга чи-

тается легко, от нее трудно оторваться. Яркие примеры, сопоставления в сочетании с увлекательностью и доходчивостью изложения делают книгу не только полезной в образовательном отношении, но и в воспитательном. Она учит ценить и любить слово, бережно и благоговейно относиться к языку. Ведь язык, как говорит автор, «самое человеческое, что есть на свете».

Достоинство книги увеличивается еще и тем, что переводчик (А. А. Раскина) добавляет к английским примерам соответствующие русские, делает вставки, уточняющие утверждения автора (они напечатаны красным шрифтом).

Книга богато оформлена внешне, в ней масса красочных иллюстраций, фотографий, карт. Неравные по объему тематические разделы книги не совсем равноценны и по своему теоретическому уровню. В книге отражено знакомство автора с большой научной литературой, и она вводит читателя в современное решение главных языковедческих проблем. В особенности это касается статей, следующих за темой «Происхождение языка», их познавательная ценность наиболее высока.

Проблема происхождения языка изложена, на наш взгляд, слабее других. Хотя автор говорит о различных точках зрения на происхождение языка, теория междометий, звукоподражательная теория и другие, как основную он излагает теорию, мало чем отличающуюся от упрощенной и давно отвергнутой теории договора, выдвинутой Жан-Жаком Руссо в XVIII веке, о языке как сознательном изобретении людей. Именно на такое понимание ориентируют читателя многочисленные утверждения автора, например: «Люди сами решают, какой смысл придавать звукам» (стр. 20), «А если

люди договорятся о значении какого-то набора звуков, то это и будет значением этих звуков. Уговор между людьми — вот что дает нам возможность пользоваться словами» (стр. 21). Примечание переводчика вносит поправку в эти упрощенные утверждения автора. К сожалению, переводчик не нашел возможным добавить хотя бы несколько слов о решении проблемы происхождения языка в советском языкознании, основанном на трудах классиков марксизма-ленинизма.

В конце книги указана отечественная литература по отдельным разделам науки о языке. Она тоже, надо полагать, адресована школьнику. Это преимущественно популярная современная литература, вполне доступная для понимания учащихся средней школы, за некоторым, может быть, исключением. Так, например, «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского едва ли доступен школьнику.

В перечне словарей для «Словаря русского языка», составленного С. И. Ожеговым, следовало бы указать издание не 1970 года, а более новое, девятое, 1972 года и, наоборот, для «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова годы издания 1935—1940, а не 1947—1948 (в 1947—1948 годах вышло фотоофсетное воспроизведение). Это, конечно, мелочи, которые не умаляют познавательной ценности содержательной и интересной книги.

Александр БАЛЫБЕРДИН,
кандидат педагогических наук

мо больше отражает лик петровского времени, чем вкус самого монарха?!

Круто переломив историю, ввел в нее Петр людей хоть и недюжинных, но калибром себя помельче и стремлениям своим не всегда, как говорится, к масти. А с этим волей-неволей считаться приходилось даже такому самодержцу, как Петр... Конечно, тут всего один шаг до мысли, что, мол, в архитектуру Петергофа неизбежно должен был затесаться налет безвкусицы или пошловатой помпезности (что, впрочем, и случилось в искусствах на переломах эпох), однако была на это, к счастью, крепкая узда, но о ней в своем месте...

Итак, самому Петру не к делу была избыточная роскошь главных покоев Петергофа, но при этом не мог он не чувствовать, что как нельзя лучше «вписывалось» в нее его окружение. Не мудрено, конечно, что любила роскошь Екатерина, ведь к царскому пирогу вознесена была матушечка государыня с солдатских харчей. По сходным причинам потешить тут тщеславие впору было и Петровым царедворцам — франту Меншикову да щеголю записному генерал-прокурору Ягужинскому. Этим спать не давала пышность французского двора. Петр любил простоту быта голландских бюргеров. В золоченых чертогах Большого дворца те чувствовали себя как райские птицы среди цветов. Петру по душе был Монплеизр.

Низкие, уютные покои напоминали ему молодость. В Саардаме, квартире в домике кузнеца, спал он в шкафу, где и ног нельзя было вытянуть. И ведь как в душу глядел Леблон, отделявая Монплеизр строгими дубовыми панно, придавая ему вид и аромат голландского домика. Сквозь решетчатые просторные окна, доходившие до плит пола, любил смотреть Петр, как плескалась, свабегала и разбивалась у самых ног пепельная, с набегавшим отливом балтийская волна. Здесь, в изголовье России, лежало море — цель державных его стремлений! И не было уроженцу континентальной Москвы услады либезднее, как видеть Кронштадтскую крепость в сизом тумане, вздыбленный ветром рейд, корабли под иноземными флагами, стремившие бег в распахнутое устье Невы...

Это тоже напоминало ему Голландию, и теперь дома, обедая в Монплеизре с помощниками трудов

своих, разгоряченный разговором о делах строительных, пил царь во здравие свершенного и во крепость начатого; пил, как научили его голландские матросы и шкипера, не прикасаясь губами к чарке, — через зубы. Выпив анисовой, закусувал капустой, говяжьим студнем, хлебал щи — все наскоро.

Торопился государь. Отобедав, выходил на крыльцо с глиняной трубкой в зубах, с оттопыренными по обыкновению карманами мундира — в одном готвальна, в другом хирургический инструмент (походя и зубы дергал сей государь). Денщик легко вскакивал на запятки, царь перекидывал крупное тело в низкую, оседавшую разом одноколку, катил к работам, разворачивая на ходу чертежи. Осилить нужно было Леблону наследство без Леблону.

А дело по тем временам выходило мудреным. Только далеко глядел Петр, разумея, что не век кормиться России чужим умом. Не скупясь, посылал на учение в Европу «недорослей» дворянских, и выходило — с толком. Переимчив оказывался русский человек по части всяких художеств, сметлив и умом цепок, а уж как до корней наук дойдет, не ровен час, заткнет за пояс и учителя. К тому и шло уже — редели помаленьку в русском деле иностранные имена; теснили их «иваны в париках», конфузясь еще и робея поначалу.

Непривычна была эта роль и Василию Туволокову, ожидавшему нынче приезда государя в двадцати верстах от Петергофа, на Ропшинских высотах. Был он юн и по годам застенчив. А именно ему выпало увенчать Петров замысел — строить водную систему, какой он не знал еще поднатеревшая в инженерных хитростях многоопытная Европа.

Вихрем, с залившимся звоном колокольчиков, в эскорте блестящих экипажей вкатила на Ропшинский холм красная царица одноколка. Не видала еще такого чухонская глушь. В глазах рябило от пестрых атласных камзолов, от цветных башмаков с блистающими пряжками. Пышными шляпами, голландского батиста платками в брабантских кружевах отряхала дорожную пыль разноцветная свита инженеров и архитекторов с самим Иоанном Браунштейном во главе. Над пудренными париками, как большой купол над малыми, возвышалась темная, с залысынами голо-

ва Петра. Царь дымил трубкой; крепким табачным духом сбивал густое облако комаров и мошек над развернутым чертежом Туволокова.

Стоял тот в стороне, слушал разноплеменную речь, состоявшую более из восклицаний и междометий, видел, как кивали согласно белые парики, как в стороны расходились темные стрелки острых государевых усов и обнажал царь в улыбке крупные зубы.

Знавший толк в инженерии, умел оценить Петр дерзкую мысль своего гидротехника. В систему самостоятельного водотока включал он родники северных склонов Ропшинских высот. Работали у него речки и ручьи, впадавшие в Финский залив, приспособлены были к делу природные овраги, водомоины и перепалды высот. Рассчитал мастер и то, что, избыточно наполнив ключевыми водами каналы, пруды, шлюзы и фонтаны Петергофа, избыток питьевой воды отдан может быть безводному Кронштадту...

Все уразумел Петр быстро. А из немецкой, английской, французской, итальянской речи вперемешку с междометиями и восклицаниями понять можно было и другое: рядом с дерзким и простым, в сущности, проектом Туволокова спорить уже не могла до сих пор не превзойденная система водометов Летнего сада, именитыми иностранцами построенная и — с ее насосами и паровыми машинами — в копейчку влетевшая русской казне.

Радовался Петр и этому «поражению», закидывая голову, сверкал белозубой улыбкой: счастлив был тем государь, что заветной его мысли жизнь дал смекалистый ум российского племени мастера! Идея и проект Туволокова составить могли бы громкую славу любому европейцу, его современнику. К слову ж добавим: измздрять туволоковский замысел масштабом восемнадцатого столетия мелководнее будет, ибо и нам, потомкам, только дивиться остается проекту первого русского гидротехника.

Но как бы велик ни был и этот замысел, пылится бы и ему в архивах до далеких лучших времен, не будь у гениального мастера главной опоры...

Захваченный грандиозной идеей и ждаты не любивший, повелел Петр маршировать к Петергофу многим полкам, благо к победному исходу клонилась

Северная война. Все окрестные гарнизоны приказал государь «определить к петергофскому каналному делу».

И двинулось дело по русскому тех лет обычаю. Без продыху, от ранней утренней до поздней вечерней зари, десять тысяч мужиков горбили на спешных (как Петром заведено было) работах. На двадцати верстах — от Ропшинского холма до берега моря — густо смешались зипуны и мундиры. Подневольная солдатская и бесправная лапотная армия, съедаемая цингой, сжигаемая лихорадкой, космимая эпидемиями, голодом и непомерной работой, валила лес, корчевала пни, копала и таскала в подолы сырую землю, выворачивала из глинистого грунта многопудовые валуны, вязла в болотах — вела трассу невиданной водной системы...

А в строительной канцелярии скрипели перьями дырки, переклещивали на новые листы списки тех, «которые бежали и умре». А царь ломил свое: «Понеже прибывшие в феврале людISHKI все перемерли, гнать паче всего молодых, чтобы на живот и ноги не ссылались, не мерли напрасно». И тянула подъяремная Русь, вывозила сверх меры людской нагруженный воз...

Года не минуло от начала работ, а 8 августа 1720 года хватил царь заступом, собственноручно срыл перемычку. Хлынули родниковые воды в русло канала.

И снова ахнуть пришлось Европе, к военным викториям России уже привыкшей, когда в день официального открытия загородной резиденции пущены были воды в фонтаны и сам показывал Петр новоявленное русское чудо. Увидели тут и донести поспешили своим монархам «господа чужестранные министры», что мощью и красотой превзошла «петергофская водяная феерия» Версаль...

Впрочем, смекнуть нехитро было тут изощренным дипломатическим умом, что не охотник был русский император пускать пыль в глаза, ибо самым роскошным декорациям предпочитал действие. Не ему было затевать невиданное строительство с одной лишь

гоф местом придворных празднеств и увеселений самого азиатского толка, так полюбившихся последующим царям и царицам.

В короткие дни Петра II ничего лучшего не нашли, как сделать Петергоф местом маневров для обучения малолетнего императора военному (!) делу. Здесь, кстати, и пресеклась мужская линия династии Романовых...

Десятилетнее царствование Анны Иоанновны, в истории нашей нареченное мрачным именем «биرونщина», отмечено, по свидетельству современников, особым ее вниманием к Петергофу. Стоит подробнее приглядеться к этой тучной, с рябым и тяжелым лицом императрице, при которой шуты и карлы воцарились в Петергофе на правах хозяев нравов, а роскошь двора достигла пределов невозможного. Запрещено было являться в царскую резиденцию дважды в одном платье; в личных же покоях повелительница России ходила нечесаная, в затрапезной кофте и не могла заснуть, чтобы не выслушать на сон грядущий страшного рассказа про разбойников. Для рассеяния (от тяжкого бремени государственных забот, надо полагать) любила государыня в сопровождении знавшего толк в лошадях герцога верхом прогуливаться по петергофским аллеям и отменно жаловала охоту, для чего заведен был в дворцовых парках... зверинец. Зверей выгоняли егеря на поляну, окруженную высоким забором, а царственная Диана-охотница палила из окна, как в тире. Придворные журналы с аккуратностью, иного применения достойной, вели запись добытых трофеев, а дворцовые стены и по сей день хранят следы пуль, не всегда, как видно, достигавших цели...

Два десятка лет обреталась в петергофских покоях Елизавета Петровна. Скажем прямо, была «дщерь Петрова» баба с причудами: день она поменяла на ночь, «от вечерни шла на бал, а с бала поспевала к заутрене». И хоть, как рассказывали, до смерти была уверена, что в Англию можно проехать сухим путем, но ни при ком так весело не плясало на дворцовых наборных паркетах. Хотела было хозяйка России уйти

под старость в монастырь, но так заигралась в мирских заботах, что о монашестве вспомнить как-то и не успела...

Кто-кто, а уж Петр-то III и слова путного не стоит, но в Петергофе пресеклось бесславное его царствование, и, прямо сказать, России не в убыток. Явно пожадничала природа, наделяя сего государя способностями, зато пороков отвалила полною мерой. Российский этот император пуще всего боялся России. Уже женатым не мог расстаться с любимыми куклами, предпочитая делам государственным игру в солдатики и упражнения на скрипке. Смерть приключилась, как уверяли, «от презрестой колики»... Впрочем, сначала был обморок, когда узнал император, что супруга его, постылая Екатерина, утром 28

ТРОННЫЙ ЗАЛ.

ОГРОМНЫЙ И НАСТОЙЧИВЫЙ ТРУД. ТАЛАНТ ЛЕНИНГРАДСКИХ РЕСТАВРАТОРОВ ПОМОГЛИ ВОССТАНОВИТЬ АНСАМБЛЬ В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ.

целью переялкнуть Европу в роскоши. Главная мысль Петра — а после побед русского оружия, невероятных экономических усилий уразуметь это не трудно было и маловерным иноземцам, — главная мысль его была в утверждении России среди европейских держав. Не считаясь средствами, превозмогая невозможное, воздвигала железная Петрова воля памятник российской славе. И крепко была заложена эта мысль в основание Петергофа...

Нет, не слышит история жестокостей Петру, стремившемуся, по выражению Маркса, «варварством побороть русское варварство», и не простит потомство царевых методов. Но к нашей теме отметить нужно, что в строительных делах пекся Петр о славе России, преемники его, так же, впрочем, в выборе средств не смущавшиеся, — о славе двора и своей собственной. И не можем мы вынести за рамки рассказа полузабытых российских монархов, пестрой чередой прошедших золочеными покоем Петергофа послы его основателя, ибо довершался этот архитектурный ансамбль при сию «заказчиках» и как-никак «монаршим повелением». Не сбросим со счетов и тот факт, что «прекрасным уроком истории» назвал Петергоф Луначарский, а беглый конспект этого урока нашей теме будет вовсе не бесполезен. Скажем, однако, сразу: мелок пошел российский монарх после Петра и, как в старину говаривали, жидок на густое дело...

Хоть и лила «сорок ден» по усопшему слезы вдовца императрица, а с того начала, что определила Петер-

июня 1762 года бежала из Петергофа в карете графа Орлова с горничной и камердинером.

Ждать, однако, долго ее не пришлось. В тот же день вечером въехала она в Петергоф во главе нескольких полков, верхом, в гвардейском мундире, в шляпе, украшенной зеленой дубовой веткой и с распущенными длинными волосами... Царствовала она долго, а страсть к строительству доходила у нее до слабости: «Я с ума схожу от архитектурных книг!». Это болезнь, как пьянство, или также род привычки». Надо отдать, впрочем, справедливость, нравы двора при Екатерине во многом изменились: грубая азиатчина сменялась европейским лоском, что, однако, не отменяло роскоши и самодержавного безделья. С простодушием, должным, по ее мнению, украшать императрицу, Екатерина откровенничала: «Ваша почтенная слуга бегает по эрмитажу, осматривает карти-

собственное величие в архитектурном завершении Петергофа, не по зубам выходила им эта затея.

Призвав Растрелли, Елизавета требовала роскоши. В идее архитектора (не делиться же с монархами своими мыслями!) была строгая импозантность. И—царским повелением, но собственной волей—зодчий переделал Большой дворец. Он расширил центральную часть здания, сделав ее трехэтажной, развернул мощный силуэт дворца по длине склона и завершил двумя высокими корпусами, увенчав каждый золоченым куполом. Безмерно доверяя царственному своему вкусу, сочла императрица фасады дворца излишне скромными, не отвечающими, так сказать, величию ее времени. Потрафить вкусам царицы значило погубить красоту. Поистине гениальным должен быть художник, чтобы выйти из этого безвыходного положения. С удивительным чувством

мощные струи, сквозь которые блещит, искрится в радужном сиянии золото статуи. И весь этот строй могучей красоты, овеянный ветрами веков, словно сметаает имена длинной череды царей, открывая простор иной мысли, самой историей положенной в основание Петергофа. Вот почему нельзя не вспомнить тут признания Варфоломея Растрелли о том, что строит он «для одной лишь славы всероссийской».

И нужно только бросить взгляд на стройную линию канала, на белые мраморы бассейнов, колоннаду сверкающих переливами струй фонтанов с могучим Самсоном, на мощно восходящие каскады, на вытянутый по склону светлый фасад сквозь высокие темные ели, на спокойный блеск золота с отраженным в нем небом и морем, нужно только взглянуть, чтобы понять—почувствовать!—в этом величии баснословный памятник всероссийской славе.

И еще нужно прислушаться. Тогда—сквозь шум фонтанов и шелест листвы—заговорят камни. Тогда услышишь голос истории: вдохновенная речь великих зодчих и ваятелей будет звучать рядом с описицами на морском ветру голосами несметных тысяч русских мужиков—всех, кто поднял Россию, кто вынес ее на нескончаемую дорогу великой славы...

Петродворцом называют теперь одну из самых удивительных жемчужин русской культуры. Но, кроме звучания, шесть десятилетий назад изменился смысл самого имени. Историческая закономерность этого события заключается в том, что чертоги царей стали народным—в самом глубоком толковании этого слова!—музеем. Великая культурная миссия Петродворца трагически прервалась в годы фашистской оккупации...

Один глагол «уничтожить» передает сущность фашизма. Человек, живая плоть, память народа, его история и культура, не тронутые коричневым ядом фашизма,—все подлежало уничтожению. Петродворец разделил эту страшную участь. Его жгли, расстреливали, взрывали. Двадцать тысяч мин и сто тысяч снарядов, обнаруженных саперами в обугленных, под горячим пеплом руинах, должны были завершить историю памятника русской культуры. Но именно здесь начинается новая, самая поразительная страница жизни Петродворца—его возрождение.

Стоит ли взывать к мифологическому образу птицы Феникс, возрождавшейся из пепла, если миф творился на наших глазах! Есть данность: мировая практика реставрации не знала ничего сколько-нибудь подобного. Теперь, в наши дни, музей продолжает прерванную, но не оборванную войной великую миссию.

Оставим социологам разбираться в том, что называют сегодня «музейным взрывом», но, право, есть что-то величественное, духовно-грандиозное, когда видишь сегодня нескончаемый людской поток, без перерыва текущий вековыми аллеями парков в золоченые анфилады дворца. Можно размышлять над этим чудом времени, но стоит пригладеться к слушающим экскурсоводов тысячам тысяч лиц, вбирающим в себя дух истории и баснословную красоту искусства. Они живут, эти лица, иронически снисходительные или откровенно осуждающие, когда речь идет о причудах царей, нравах двора, и возвышенно-одухотворенные, просветленные ни с чем не сравнимой радостью постижения прекрасного и гордостью, когда видят они отдаленный во времени, но до сердечного волнения близкий взлет народного гения. И глядя на эти лица—внимательные, сосредоточенные, исполненные живой смены высоких чувств,—нельзя не верить, что оставленное нам наследство обрело защиту в добрых и бережных руках.

Нет меры и не подыскать сравнений, чтобы определить титаническую по своему духовному значению работу, которую взял на себя и выполнил Петродворец за шесть десятилетий второй своей жизни, ибо считать тогда нужно каждого хоть однажды побывавшего здесь человека. Отдавая любому из нас частицу своей красоты, прикасается он к самому сокровенному в человеческой душе, потому что, будучи музеем русской истории и культуры, остается Петродворец и замечательным памятником народному духу.

ны, играет со своей обезьянкой, любит на своих голубей, своих полугаев, своих американских пташек голубого, красного и желтого цвета...

Стоп, благосклонный, как говаривали в старину, читатель! И, право, тошнотливо в общем-то продолжать дамское это сюсюканье, и потому не станем мы длить список царствований, прошедших сквозь дворцовые анфилады Петергофа, закончив на этом поучительный, как нам кажется, «урок истории». Но вот минула перед нами пестрая и суетная череда лиц и масок, заметим только, что это в их царствование, их повелениями Петергоф продолжал строиться. Представим себе—лишь на мгновение!—что вкусом этих веселых цариц и совсем невеселых царей, вкусам, о которых бегло, но избыточно сказано, на откуп было бы отдано строительство и завершение Петергофа! Что отпущены повода монаршей воли—и скажи, правь, куда хочешь!..

В ужас можно прийти от этой мысли! Одна из самых поразительных жемчужин русской культуры уже видится нам сквозь вереницу потешающих двор шутитрещоток, сквозь унижающие здравый вкус фейерверки и иллюминации, сквозь весь этот трагикомический калейдоскоп царствований и переворотов—поразительный Петергоф видится нам чем-то вроде безмерно роскошного, приторного от избытка крема и сахара торта...

Пусть, однако, не продолжает воображение читателя нелепой этой фантазии, ибо самое время сказать тут об упомянутой нами узде—о крепкой узде, брошенной на монаршие вкусы и волю невидимой, но железной рукой художника. Власть-то она властью, но в искусстве повелевает не монарх, а художник. И как ни тшились наместники бога на земле утверждать

стиля, так, чтобы торжественная импозантность не переключилась в приторную роскошь, словно балансируя на грани «заказа» и собственной творческой воли, украсил Растрелли фасады дворца изящными пилястрами, строгими рустами, изысканными оконными обрамлениями, коваными ажурными решетками и барельефами, дополнив все это сочным лепным убранством.

В неумном стремлении своем к размаху требовала роскоши императрица и во внутренней отделке дворца. Растрелли заново создал пять парадных залов и изумительную по эффекту анфиладу гостиных, где вкус был отмечен главным своим достоинством—мерой красоты. В золоченой резьбе, ритме зеркал, живописных плафонах, наборных паркетах работы охтинских мастеров, в динамике и экспрессии светотени—во всей этой изумительной красоте, напряженной обилием и успокоенной чувством пропорций, не оставил зодчий ни намека на то, что могло бы покоробить самый изысканный вкус. Заказчица была в восторге, хотя от царственного ее «замысла» не было тут и следа...

Не отыщем мы теперь, к счастью, следов монарших замыслов и в знаменитом Большом каскаде Петергофа, ибо и здесь безраздельно и торжественно царит гений русских ваятелей и зодчих, тех, что со времен Петра и до начала XIX столетия создавали самое уникальное фонтанное сооружение в мировом искусстве. Составляя неразрывное целое с Большим дворцом, каскад служит естественным его подножием—торжественным и монументальным. Шестьдесят четыре фонтана возносятся к небу сто сорок две

БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ.

ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАММА

Аркадий РАЙКИН,
народный артист СССР

V

Что такое театр? Ответить на этот вопрос, казалось бы, просто. Ведь написаны тысячи книг, авторы которых пыта-

Окончание. Начало в № 13.

ются ответить на него. Но все они утверждают совсем разные вещи... И в самом деле театр—явление чрезвычайно многогранное и многослойное. Каждый, кто приходит сюда—купил ли он билет, выстояв в длинной очереди, или привычно вошел через служебный вход, предъявив удостоверение,—каждый находит здесь что-то свое.

Прежде всего по-разному относятся к театру зрители. Для одних это праздник, отдохновение после трудов,

приятное развлечение. Для других—храм высокого искусства, где ежевечерне свершаются очищающие душу драмы человеческие. Для третьих—зал, где демонстрируют модные платья и пиджаки, место, где можно увидеть известных людей. А для кого-то театр—своего рода клуб с буфетом, да, да, есть и такие зрители...

Не монолитны в своем отношении к театру и сами артисты. Одни приходят сюда за славой, другие ищут единственно приемлемый для них способ самовыражения, третьи выбирают сцену по некоторой инертности мысли, поскольку по инерции можно стать не только трактористом или инженером, но и художником, а четвертые... Четвертые преодолевают бог знает что на пути к этой своей мечте. Одни актеры называют свое дело ремеслом, а другие—творчеством, но и то и другое слово употребляется совсем неоднозначно...

Театральная труппа—это почти всегда весьма сложный коллектив, состоящий сплошь из угловатых индивидуальностей, из личностей, не без труда притирающихся друг к другу. Не просто, очень не просто создается единый и цельный актерский ансамбль. Недаром далеко за пределы театра вышло выражение «закулисные интриги». Не зря некоторые из моих коллег признаются, что не очень счастливы в работе. Не случайно даже очень одаренные люди порою мечутся из театра в театр и не находят своего настоящего места. Все это так, конечно...

Но... Случаются же время от времени, пусть реже, чем хотелось бы, но все же случаются такие вечера в театре, которые мы вправе считать высокими моментами искусства! Эти вечера проживаются и актерами и зрителями на едином дыхании. По одну сторону рамп, на сцене, возникает такой накал страстей, такая глубина мыслей и искренность чувств, что и по другую сторону, в зале, рождаются не менее сильные ощущения. Артисты играют так, словно им, как в песне, «нужна одна победа, одна на всех» и за ценой они действительно не стоят, платят своими нервами, а в конечном счете—и своей жизнью. И этот порыв сплывает зрителей, даже тех, кто попал сюда случайно. Причем в зале возникает такая удивительная тишина, которая делает сопереживание аудитории прекрасным встречным порывом. Это и есть театр! Поразительная жизнеспособность древнего искусства сцены объясняется многими причинами, но главная, на мой взгляд, состоит в том, что творческим актом здесь становится не только и не столько собственно актерский труд. Именно в соприкосновении с публикой происходит таинство рождения спектакля. Сотворчество артистов и зрителей, их соразмышление и сопереживание—вот в чем притягательная сила театра, его неуязвимое обаяние.

Я убежден, что настоящий театр—это прежде всего собрание единомышленников, одержимых общей целью. Можно привести в пример практически любой выдающийся наш театр, но я предпочту—методом от противного—пр процитировать высказывание Николая Акимов, приведенное в книге Юрия Алянского «Театральные легенды». «Почему гибнут театры, в которых происходят склоки, дразниги? Потому, что на глазах у врага нельзя творить. Можно пилить дрова, можно рыть яму (ему, скажем), но творить нельзя. Только сочувственный взгляд делает атмосферу, в которой вызревают такие плоды, какие можно будет потом показывать любому залу. И пусть сами враги придут—ваше произведение постоит за

себя. Но пока оно рождается—важна атмосфера доброжелательства». Мне могут возразить, что здесь речь идет о другом—о дружбе. А что, отвечу я вопросом, разве единство творческих взглядов и общность цели не есть синоним понятия дружбы в театре?

Что такое театр миниатюр? Это труппа, которая играет короткие пьесы. В нашем театре эти пьесы, как правило, остры, актуальны, сатиричны. Мы играем не только пьесы, но и монологи, пантомимы, трансформации, песенки, фельетоны, интермедии. Жанр сценической миниатюры, как видите, весьма многообразен. Подобные театры существовали еще в древности. А среди сравнительно близких предков нынешнего театра миниатюр можно назвать многочисленные эстрадные труппы, существовавшие в дореволюционной России при кабаре,—они избирали для себя забавные и зазывные названия: «Летучая мышь», «Кривое зеркало», «Кривой Джинни»... Стоит вспомнить здесь, конечно, и блоковский «Балаганчик» и «Театр Клары Газуль» Проспера Мери-ме. Словом, форма эта родилась не на пустом месте. Да и по сей день мы существуем не в одиночестве—есть подобные театры в Венгрии, Чехословакии, Польше и других странах. В Варшаве я побывал на представлении, которое давал один-единственный пианист. Вокруг него собиралось множество людей, и это был, на мой взгляд, настоящий театр, только музыкальный. Часто наш жанр предполагает монодействие, концентрацию внимания на одном исполнителе. Часто, но не всегда. В нашем, например, коллективе 12 актеров, а в Лейпциге пользуется успехом театр, где всего лишь 5—6 актеров ставят нечто наподобие политических обозрений—мы поддерживаем с этим коллективом контакт, переписываемся.

Вообще, как мне кажется, миниатюра дает исполнителю огромные и не до конца еще оцененные возможности. Не хотелось вспоминать расхожую фразу: «краткость—сестра таланта»,—но ведь она потому так известна, что правдива. Лаконично, сжато можно иногда высказать больше, чем в пространственных выражениях. С легкой руки Ромы мы ввели у себя жанр маленького романа. Помню первый из таких романов, написанных ею: «Когда она первый раз получила по глазу, она поняла—счастья не будет». Мы же первыми стали исполнять со сцены крохотные басни в прозе. Впрочем, такого рода открытия могут похвастать и другие театры.

Так что же такое Ленинградский театр миниатюр? Надеюсь, что я уже ответил на этот вопрос—и, разумеется, не только словами, высказанными выше, но и почти четырьмя десятилетиями работы в этом коллективе. Тем, кто бывал на наших спектаклях, ничего, наверное, объяснять не нужно. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

Стоит, пожалуй, сказать лишь о том, что называется скучным, но для нас полным самого волнующего содержания словом «репертуар». Такой публицистичный театр, как наш, немислим без постоянной борьбы за свежий, остроумный, живой репертуар. Все три качества, обозначенные здесь прилагательными, совершенно необходимы.

Свежесть репертуара... Анекдот, услышанный во второй раз, еще может вызвать улыбку, но только если он действительно хорош и рассказан мастерски. В десятом пересказе эту историю ничто не спасет от пренебрежительного зевка слушателя. Надо выступать часто, без общения с публикой

Фото Анатолия ИОЛИСА.

артист погибает, но чем чаще встречаешься со зрителями, тем активнее надо обновлять свои программы. А значит, тем больше сил надо отдавать поискам того, что можно произносить со сцены.

Остроумие репертуара... Несмешной сатира быть не может, для нашего театра, во всяком случае, это уже будет не сатира. Впрочем, есть сатира и совсем не смешная, а горькая, ядовитая, глубокая — я говорю о классической сатире... Так вот смешное, комическое, юмор во все времена были редкими металлами, собирались по крупицам.

Живость репертуара... С этим, кажется, труднее всего.

Однажды я готовился провести цикл из пяти выступлений по английскому телевидению, пять больших программ, составленных из того, что я показывал в разные годы у нас в стране. И вдруг британские коллеги попросили исключить некоторые монологи и интермедии. Что такое? В чем дело? Мистер Райкин, вежливо объясняют мне, мы поняли ваш коварный замысел. Вот вы показываете бюрократа, а ведь известно, что истинный бюрократ родился в Англии. Или, например, вы высмеиваете взяточничество, но кое-кто из наших соотечественников считает, что это вполне допустимый бизнес. И у нас об этом предпочитают молчать. Спрашивается, чья мораль выше: ваша или наша? Вероятно, ваша, мистер Райкин. Так зачем же нам подрывать наши собственные нравственные устои? А вашу хитрость дать персонажам русские имена для отвода глаз мы, конечно, раскусили...

Тогда я страшно разозлился, но потом не смог не признать, что мои противники были незыблемо логичны. В рамках избранной ими логики. Если стремиться защищать от насмешек бюрократов и взяточников, то, естественно, не нужно позволять демонстрацию таких сцен. Слава богу, подумал я, что в нашей стране никто и никогда не посмеет защищать мздоимство как «вполне допустимый бизнес». Какое счастье, что никто не считает бюрократию нашей национальной традицией!

Я вполне сознательно рассказал эту историю. Она имеет прямое отношение к размышлениям о живости репертуара. Живой — это такой репертуар, который тебя самого задевает за живое и потому волнует твоих зрителей. А затрагивает людей, когда ты вместе со всем залом смеешься над тем, что действительно смешно, и пытаешься вместе со всеми выкорчевать из нашей земли то, что и в самом деле опасно.

Меня иногда спрашивают: «А что, острый репертуар — всегда ли он приветствовался?» Да, было! Чего греха таить... Случалось, спрашивали меня: «Какое право вы имеете шутить по тому и по этому поводу?» И я обычно отвечал: я имею право человека, советского артиста и гражданина. Я прежде всего сам себе разрешил, потому что это волнует меня. А волноваться нельзя ни разрешать, ни запрещать. Хамство и невежество, жадность и скупость, заносчивость и трусость, пьянство и безделье, подлость и низость — все это, как говорится, кое-где еще порой изредка встречается в нашей жизни. И смех — оружие сатирика — может оказаться в борьбе с такими явлениями средством не менее действенным, чем Уголовный кодекс. К стати сказать, и наша пресса «позволяет себе» довольно острые фельетоны и проблемные статьи на очень волнующие темы, но никто ее за это не ругает, ибо печать наша глубоко партийна.

Разумеется, наивно было бы думать, что даже самая удачная интермедия в Ленинградском театре миниатюр способна изменить мир и людей. Но бесмысленно было бы и заниматься сатирой, не веря в ее спасительные возможности. Да если один трамвайный наглец, улыбаясь по радио про себя, на всякий случай уступит место старушке, да если один жулик постесняется унести со стройки банку с краской, да если один чинуша не отфутолит посетителя в

соседний кабинет, а сам примет решение... — да если произойдет хоть что-нибудь в этом роде! А главное, если добрые люди перестанут бояться негодяев, а станут смеяться над ними — не напрасны будут все труды.

VI

Вся моя сознательная жизнь прошла в годы Советской власти. Я горжусь тем, что испытал все, что выпало на долю моей страны, моего народа, моего поколения. Но самым тяжелым и страшным из того, что я видел, была война. Только люди, пережившие ее, могут в полной мере оценить важность и благородство нашей последовательно осуществляемой Программы мира.

Мне не привелось воевать самому, я не стрелял из винтовок по врагам, не вытаскивал плечом пушку из болота, не выбрасывался с парашютом, не взрывал мостов и вообще не совершал никаких подвигов. Но я с первого и до последнего дня Великой Отечественной был на фронте (за исключением редких промежутков, когда наш театр обслуживал тыловые города и села). Я делал свое дело — выступал перед солдатами, матросами, командирами. И нацеливал свои, как принято выражаться, сатирические стрелы туда же, куда целились бойцы, — в фашистов. Уже через три дня после начала войны в нашей программе появился «Монолог черта» — в этом персонаже нетрудно было узнать бесноватого фюрера.

Мы много выступали перед солдатами, и мы им помогали, как я думаю. Дело тут не только в том, хорошо или плохо мы играли. Наш маленький передвижной театр, кроме всего прочего, был для бойцов кусочком большой земли, приветом от родных и друзей, воспоминанием о мирной жизни. Когда мы приезжали на позиции, нас принимали со всей сердечностью, со всей доброжелательностью, какая только была возможна в тех тяжелых условиях. Нас старались накормить досыта, нам аллоцировали так, что рисковали отбить себе ладони, нас встречали и провожали, как дорогих гостей. В нас видели товарищей по борьбе, только иначе вооруженных, — и это было нам дороже всего.

За эти четыре года мы проехали много тысяч километров по всем фронтам: от Балтики до Кушки, от Новороссийска до Тихого океана. Как ни старались нас беречь, все же мы иногда и рисковали, как рисковали жизнью в то время все. Выступали под артобстрелом, ездили по дорогам, которые бомбил враг. Однажды мы застряли со своим автобусом на горном перевале, была жуткая метель, на дороге гололед, и вниз с перевала пропущали только машины, колеса которых были обмотаны цепями. Мерзнуть всю ночь в заледеневшем автобусе нам было вдвойне обидно, потому что мы имели предписание, спустившись с гор, встать на постой в приморском городе. Оставалось всего несколько часов езды, а там нас ждали тепло и еда. Но пришлось потерпеть. А наутро мы узнали, что дом, куда мы направлялись и где нам приготовили встречу, в ту ночь разбомбила дотла вражеская авиация...

Судьба хранила наш театр. Помню, как во время ожесточенных боев под Новороссийском меня вызвал к себе контр-адмирал Г. Н. Холостяков. Я только что пришел в себя после тяжелейшего переутомления, закончившегося лечением в госпитале, и Георгий Никитич, справившись о моем здоровье, попросил меня — не приказал, а попросил — выступить на знаменитой по всему фронту батарее Зубкова, которая тогда была по Новоросийску. Дорога на батарею простреливалась фашистами со свойственной им педантичностью. «Возьмите кого-нибудь одного, может быть, Рину Зеленую», — посоветовал адмирал, — и поезжайте сегодня же ночью. Я дам вам свою «эмку». Я вернулся к своим товарищам, рассказал о полученном зада-

нии. «А как же мы? А мы что, здесь останемся?!» — закричали они на меня. Я пытался объяснить, что это опасно, что Холостяков и не настаивал на поездке всей труппой, но они и слушать не хотели. «Ничего. Ехать — так всем. Как-нибудь...» — отвечали они.

Нас было шестнадцать человек, и в легковую машину мы, разумеется, не помещались. К тому же, пока мы прособирались — все-таки люди мы невоенные, — наступило утро. А отменить выезд было уже нельзя, на батарею нас ждали. И пришлось нам под ясным солнцем отправляться на концерт в беззащитном голубом автобусе по той самой дороге, к которой немцы пристрелились, как на артиллерийском полигоне. Страшновато было, что греха таить. Но по этой образцово-показательной мишени не было выпущено ни одного снаряда: то ли враги оторопели от подобного нахальства, то ли решили, что за нами следом пойдет целая колонна таких автобусов и лучше дожидаться цели посolidнее. Как бы то ни было, доехали мы без приключений. Обстрел трассы начался через несколько минут после того, как мы с нее убрались.

Выступали мы на дне колоссальной воронки. Зрители сидели вокруг и выше нас, словно в греческом амфитеатре. С моря дул резкий ветер, зубковцы были в ватниках, а мы выступали в своих концертных костюмах. Хуже всех пришлось танцорам, исполнявшим восточные танцы: они были одеты совсем уж не по погоде. А если мы кляли что-нибудь из реквизита на стол, поставленный посреди этой эстрады, то ветер сдувал предметы на землю. Зрители понимали наши трудности, и когда происходила такая накладка, кто-то из бойцов подползал по-пластунски к столу, поднимал упавшее, клал на стол и приваливал для надежности хорошим булыжником.

Вообще степень соучастия и сочувствия аудитории в тех походных, совсем, казалось бы, нетеатральных условиях резко возрастала. Не было ни рампы, ни софитов, ни декораций, ни занавеса, но нам верили. Можно было выйти посреди лесной поляны и объявить: «Я — Гамлет, а вот он — Полоний». И если актер будет играть на совесть и всерьез, то публику не смутит пруттик, заменяющий шпагу, и сапоги вместо туфель с пряжками. Зрители будут искренне переживать драму обманутого принца.

Однажды я выступал в только что освобожденном от оккупантов колхозе, расположенном в прифронтовой полосе. Условия были по тем временам почти райские: маленький, чудом сохранившийся клуб с настоящей сценой. В зале — яблоку негде упасть. Освещала сцену установленная надо мной керосиновая лампа, устройство, как известно, не особенно надежное. В самый разгар одного из монологов она вдруг начала коптить. И тут из первого ряда поднялся здоровенный бородатый мужчина, бочком, стараясь не привлекать внимания, взобрался на сцену, зашел сзади меня. А я сидел на единственной табуретке и, не прервав выступления, не мог повернуться. Он дождался короткой паузы, деликатно, но непреклонно приподнял меня за локти с моего сиденья, переставил табуретку поближе к лампе, встал на прежнее место и посадил меня. И так же молча вернулся на место. Ни один зритель даже взглядом не дал мне почувствовать, что заметил это необыкновенное происшествие.

Не знаю, объясняют ли эти истории, которые сейчас вспоминаются с улыбкой, какова была наша аудитория в те годы. Но мы ценили такое уважение, такое истинно деликатное внимание своей публики превыше всего. Мы работали для нее с максимальной отдачей. Надо сказать, что рядом со мной были в то время прекрасные товарищи и замечательные артисты — такие люди, с которыми легче переносить любые тяготы.

А 9 мая 1945 года я оказался в Москве, на Красной площади. Что это был за день! Будто на всей земле, у всех людей и у каждого в отдельности — день рождения. Да, это и был День рождения человечества и человечности. Никогда более мне не придется пережить такого счастья, и, думаю, не только мне. Нам казалось, что больше никто и никогда не будет умирать, что весна будет вечной, что ленинградская блокада, и горькие дни отступлений, и небо, перечерченное прожекторами, и голодные глаза детей — все это кошмарный сон. Что вот мы сейчас проснемся, и не будет на земле ни одного винтовочного патрона.

У меня уже вполне взрослые дети. Иногда они спрашивают меня о войне, я стараюсь объяснить, ответить, а про себя думаю: какое счастье, что они этого не видели!

VII

Судьба артиста немножко похожа на миф, на легенду, на сказку. О ней много говорят, ее бесконечно пересказывают, обсуждают ее неожиданные повороты и любопытные детали. И все это очень часто не имеет ни малейшего отношения к правде. Причем сплошь и рядом подобным мифотворчеством занимаются и сами актеры: многие из нас охотно рассказывают о себе всякие красивые истории. Послушаешь много и улыбаешься: ну, конечно, путь его был усыпан цветами и восторженными статьями в газетах! А если и встречались колючки и язвительные отзывы рецензентов, то, разумеется, они ничуть не задевали его... Что ж, я в принципе не возражаю против того, чтобы артистов любили, чтобы их жизнь казалась прекрасной и счастливой. Но иногда хочется рассказать, как оно есть на самом деле, объяснить, почему фунт актерского лиха, продемонстрировать изнанку нашего труда. И здесь, на этих страницах, я намерен сделать исключение из своих правил и обнародовать две истории из числа тех, что обыкновенно не предаются гласности.

Не собираюсь жаловаться, сетовать на судьбу или, боже упаси, пугать кого-то своими трудностями, а просто поделюсь тем, чем мы привыкли делиться лишь с близкими. Надо оговориться: все события, о которых пойдет речь, произошли уже много лет назад, и имен их участников за некоторыми исключениями я называть не стану.

...Однажды меня уведомили, что я приглашен в Западный Берлин на международный фестиваль пантомимы, что в запасе у меня полгода и что ждут меня в качестве докладчика на тему «Влияние пантомимы на смежные жанры искусства». Почетное приглашение, распустил я, и засел за работу. Я не ученый, а артист; доклады делать не очень умею, поэтому мне потребовалось приложить массу стараний, чтобы собрать материалы о влиянии этого вида творчества на драму, балет, цирк, эстраду. Словом, я отнесся к делу довольно серьезно, и к назначенному сроку доклад был готов.

Когда мне вручили билет, один из работников, занимавшихся моей командировкой, мягко и неназойливо посоветовал, чтобы я захватил с собой какую-нибудь маску или шляпу — вдруг попросят выступить с номером в концерте. Я несколько встревожился, все-таки доклад и номер в концерте — это разные вещи, но положил в чемодан что-то первое попавшееся под руку. На вокзал меня, как полагаются, встретили и отвезли в наше посольство, где состоялась весьма неожиданная беседа. «Надеюсь, что вы станете победителем...» «Победителем чего?» — спрашиваю я. «Как?! Разве вы не знаете, что должны выступать на всемирном конкурсе артистов пантомимы?» Тут мне стало нехорошо. «А чего еще я не знаю?» — задал я вопрос. «Вам предстоит выступать в первом отделении конкурсного концерта, второе отдано

Чемпионы о себе

Валерий БОРЗОВ,
чемпион Олимпийских игр,
заслуженный мастер
спорта СССР.

Итак, пришло время подводить итоги.

Пришло ли?

Ведь я продолжаю тренироваться и довольно активно выступать, причем на самом высоком уровне — вплоть до Кубка мира. Выступаю пока неплохо: на первенстве страны 1976 года выиграл спринтерские дистанции да и на международных турнирах попадаю в тройки призеров. Но одно и то же место разных спортсменов, одно и то же достижение оценивается, как правило, не по абсолютной величине, а в зависимости от исполнителя. Я после Игр в Монреале значительно снизил нагрузки (послеолимпийское послабление организму жизненно необходимо), следовательно, на самые высокие места практически не мог претендовать и в общем-то не скрывал этого ни от спортивных руководителей, ни от журналистов, ни от болельщиков. Но когда нужно было помочь нашей команде, я, естественно, делал все, что в моих силах. В Хельсинки (в финале Кубка Европы) на стометровке я был третьим, пропустив вперед объективно сильнейшего в то время мощного немца О. Рая и моего давнего товарища П. Меннеа из Италии: на двухсотметровке я мог стать вторым (после О. Рая); наконец, в эстафете 4 × 100 сделал все возможное, чтобы добыть команде серебряные медали. И все это — в течение суток. И что же? Одни отводят глаза (им, видите ли, неловко за меня), другие соболезнующе интересуются, что со мной, третьи прямо говорят, что ждали большего... Короче, обычная атмосфера, подперченная обывательским нетерпеливым злорадством: «Кончился Борзов?..» Конечно, это я сам приучил их своими выступлениями минувших лет к рядовым первым местам, однако можно ведь было научиться и другому: понимать спринт, его специфику, научиться объективно оценивать силы соперников, уровень мастерства, тенденции развития спринта, не только воздействие груза лет, но и синусоидальную периодичность уровня возможностей...

Такова чемпионская жизнь. Такова атмосфера, к которой приходится привыкать, в которой приходится жить (приучаясь не отравляться, не поддаваться) не всегда бывшим, а иногда и вполне еще дееспособным чемпионам.

Я пока не собираюсь уходить с дорожки. Еще за год до Монреаля я пообещал продержаться на уровне международных стандартов до Москвы-80. Заявка моя была скромной: на место в эстафете; уж здесь-то я был бы не хуже других — вполне реальное обещание.

ПОРА

Правда, кое-кто оценил это как пустое бахвальство, и я их понимаю: во-первых, мне будет уже тридцать один год — совсем старик для спринта; во-вторых, продержаться пять лет на уровне высших достижений — задача невероятно сложная, для моих же лет она представляется и вовсе невыполнимой; в-третьих, спринт коварен и тонок, где-то что-то может разладиться, где — никто не знает, а человек не бежит — и все тут... Вся история спринта усеяна такими «костями»! Но на меня этот скепсис не действовал. 1975 год был для меня счастливым. Проверив новую программу предолимпийской подготовки, я одержал несколько побед почти над всеми будущими монреальскими финалистами (в том числе — очередной раз — и над будущим олимпийским чемпионом Д. Кворми), снова показал 10.0, но вершиной всего считаю свой бег в эстафете на Спартакиаде народов СССР. Я получил палочку позже всех главных соперников, а Корнелиок (команда Москвы) был и вовсе недосыгаем — оторвался без ма-

лого на десяток метров. Гнаться за ним бессмысленно. Но я погнался. Что-то несло меня, расстояние между нами сокращалось так зримо, так неправдоподобно быстро, что я задолго до финиша поверил в свой успех — и действительно смог опередить Сашу на какую-то сотую долю секунды.

Этот бег выжег во мне все, опустошил меня совершенно. Это я понял уже через несколько дней. Сезон можно было сворачивать. Оставшиеся запланированные старты я исполнил как бы по инерции: на мастерстве, на поддержании формы, — у меня достаточный профессиональный уровень, чтобы посреди сезона в любой нужный момент показать вполне приличное время. Но я не жалел о сгоревшем в той эстафете. Такие мгновения единичны; они незабываемы, они — на всю жизнь; это — самое большое богатство, получаемое спортсменом от спорта. Все остальное — мельче и скучнее.

Так вот, обещание бегать до Олимпиады в Москве я дал как раз после этой

эстафеты, под ее впечатлением. С тех пор прошло три года. Мое намерение не переменялось. Да, я по-прежнему хочу выступать в Москве, надеюсь на это, мечтаю об этом. Но просто участвовать — не для меня. Я выхожу на дорожку, чтобы побеждать; в крайнем случае — быть одним из победителей. Что может этому помешать? Не только соперники. Но и возраст и травмы. Возраста я не боюсь, я знаю, как справиться с ним; следовательно, если травмы позволят, если не остановят в последний момент, вы еще увидите меня на спринтерских дорожках олимпийской Москвы.

Значит, последняя черта проведена. За нею жизнь для меня начнется совсем иная. Программируемая иными задачами, подчиненная иному режиму.

До нее еще почти два года.

Так стоит ли сейчас (на бегу!) оглядываться, подводить предварительные итоги? Давать оценки? В чем-то расквашиваться, что-то утверждать? Не лучше

ли повременить два года, а уж тогда, ступив за порог...

Оглянуться не только стоит, но и необходимо. Для того, чтоб спустя два года итог был отрадней, а оценки — выше.

Как известно, этой процедурой — самооглядкой и самооценкой — мы заняты довольно часто. Без этого нельзя: не рассчитав своих сил, не уйдешь далеко. Обычная обратная связь. Как говорит один мой товарищ, критичность — это «наш человек» — в стране таинственной и малоизведанной — в нас самих.

Итак, чтобы добежать до Москвы, чтобы было больше шансов добежать до Москвы, попробуем подвести итоги.

Самый главный вопрос, который раньше или позже, но непременно встает перед каждым спортсменом: смог ли он себя выразить до конца?

Здесь я не могу дать однозначного ответа. Своими спортивными достижениями я удовлетворен вполне: много раз становился чемпионом страны, чемпионом Европы был одиннадцать раз (если считать личный зачет, без эстафет), дважды поднимался на высшую ступень олимпийского пьедестала (и вообще обладала необычной коллекцией спринтерских олимпийских медалек: пять штук! — в истории мирового спринта такого еще не бывало, и я этим горжусь).

Формально оснований для удовлетворения более чем достаточно. Однако полного удовлетворения нет. И не отдельные спортивные итоги этому причиной (например, «не тот цвет» монреальских медалей; при счастливых обстоятельствах он вполне мог оказаться «тем»), а другой аспект этого дела — творческий.

Ведь мы бегаем не только ради побед. Вернее, и ради побед тоже. Начинается с неосознанной тяги к движению, затем, когда проявилось какое-то познание и узнавание себя, к определенному виду движений; потом, уже на достаточно высоком уровне, появляется стремление выразить себя с помощью этого движения. Здесь становятся обязательными победы. И они приходят. Ведь побеждаешь не только других. Точнее будет сказать — побеждаешь и других тоже, а до этого каждый день побеждаешь себя. Это воспитывает характер, учит быть победителем, учит подниматься победами, выдерживать рождаемые ими перегрузки.

это олимпийские победы внушили мне такое впечатление. (Обратите внимание: это уже второй пример психологического воздействия победы, в данном случае успокоенность и искажение реального взгляда на предметы. Хотя может быть и другое: я перерос себя того — себя мюнхенского.)

И вот теперь, на излете (или, как я надеюсь, перед последним, решающим победным усилием), глядя правде в глаза, я должен прямо себе сказать, что мой идеал движения пока что реализован не был. Пишу «пока что» именно потому, что не оставил окончательно надежды, потому что рассчитываю на определенный успех в этом плане. Два оставшихся сезона — это очень много, если достаточно опытен и более менее ясно представляешь, к чему стремишься. Но и здесь без удачи не обойтись: не порваться, смочь, узнать — да мало ли какие барьеры могут встать между мной и постижением собственного идеала.

Пока же полного удовлетворения нет. Пока я только мечтаю о нем. Только надеюсь его обрести.

Тут промелькнули два словечка: «узнать» и «удача». Они заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Узнавание (в данном случае способность узнать свой собственный, тобою созданный идеал) необычайно важно в любой деятельности, тем более в нашей, где пока что очень мало объективных критериев. Конечно, «голы, очки, секунды» (килограммы, сантиметры) объективны и в какой-то степени отражают ситуацию, но главным образом ее количественный аспект. О качественном через цифирь можно только догадываться. А между тем именно качество в спорте первично, оно фундамент, основа. Количество же — только следствие качественных достижений либо утрат.

Как же быть спортсмену? На что ему ориентироваться? Кого слушать?

Себя. Себя слушать, себе верить, от себя (идеального) вести отсчет, к себе (идеальному) идти.

Это трудная, но необходимая наука. Интуитивное чувство своей гармонии и идеала есть в каждом, но не каждый умеет его узнать, проявить, развить; не каждый отваживается верить себе, зачастую вопреки мнению окружающих, якобы «объективным» показателям.

Ты сам свой высший суд.

Талантливые именно в спорте. Все их успехи и совершенствование основаны на интуитивном понимании себя, чувствовании себя. Они, как говорится, «желудком» чувствуют истину и только «желудку» верят.

На другом полюсе — спортсмены наученные. Объективно — от природы — у них нет физических шансов на большой успех или, скажем так, не должно быть. Но использование новейших достижений науки, самых совершенных методик позволяет им на равных сражаться с одаренными (однако, как правило, «темными», относящимися с недоверием ко всему, что воздействует на них со стороны, и прежде всего к науке; это вчерашний день спорта, типичные его издержки, детская болезнь) соперниками, а нередко и побеждать их.

Третья категория — промежуточная. Это спортсмены без ярко выраженного таланта к движениям и в то же время не умеющие воспользоваться (или объективно не имеющие такой возможности) наиболее совершенной на сегодняшний день методикой тренировок, достижениями спортивной науки вообще. Чаще всего они становятся жертвами спортивной моды. Уже на следующий день они подхватывают и пытаются применить что-то подсмотренное (услышанное, прочитанное) у лидера. Как правило, без критического осмысления, даже без ясного понимания сущности подхваченного факта. Естественно, результаты такой погони за новациями непредсказуемы. Кому-то это приносит успех, хотя бы временный, но чаще это становится причиной ухудшения прежних достижений, срывов. Отсюда разочарования, иногда даже трагедии.

Вот пример.

Может быть, вы помните, одно время я стартовал нестандартно, с опорой на одну руку. Это прогрессивная поза, дающая немалый выигрыш на первых, самых важных метрах дистанции; она снимает асинхронность движения руками (одна рука уже на замках), но за преимущество надо платить: уменьшение числа точек опоры усложняет старт. Я вынужден был отказаться от этого метода впоследствии поневоле: у меня консервативная двигательная память, столь революционная перестройка стереотипа была затеяна поздно, я никак не мог достичь стабильности, выигрыш в случае удачного «попадания в движение» был столь же вероятен,

сегодня ни один спринтер не пытается так стартовать. А зря.

Следовательно, я разделяю спортсменов (и тренеров) в зависимости от трех факторов: одаренности, степени освоения новейшей науки и самостоятельности.

Где я вижу свое место? К какой категории себя отношу?

У меня смешанный вариант.

Безусловно, двигателью я одарен, верю в себя, верю своему чутью, своему телу (первая категория). В то же время мне повезло с тренерами, которые научили меня грамотно пользоваться своим телом, брать от него достаточно много (вторая категория). В некоторых интервью я называл цифру: мол, до сих пор я использовал возможности своего тела не более чем на 70 процентов. 70 — это немало, это прямой результат серьезного научного подхода к тренировочному процессу. И в то же время 30 процентов запаса — столь огромный резерв, что даже сейчас, на пороге тридцатилетия, я с надеждой и интересом гляжу в будущее. Оно зависит во многом от того, насколько мне удастся использовать этот невостребованный запас. А подобрать к нему ключи может только наука. Чем, собственно говоря, я и занят теперь.

А что же удача?

Мне грех жаловаться на нее. Сейчас, оглядываясь на пройденное и достигнутое, сравнивая свою судьбу с другими, свидетелем которых мне довелось быть (а некоторые из этих людей имели оснований на успех вроде бы не меньше моего), я должен признать, что мне везло. И немало.

У меня было многое для успеха. Во-первых, талант к быстрым движениям; во-вторых, я был достаточно трудолюбив; в-третьих, мне хватало ума трудиться, соблюдая чувство меры и не делая азартных ставок в игре с собственным телом. Наконец, что, может быть, самое важное, все это сочеталось во мне гармонически. Так что когда я говорю о своей везучести, это следует понимать так: мне повезло вовремя узнать свои возможности, полноценно их развить и грамотно (соблюдая чувство меры) эксплуатировать. Все же остальные, конкретные спортивные удаи пришли как плоды этой гармонии.

Однако ничему из этого не суждено было бы реализоваться, если бы не самое главное везение: на людей. Не знаю, от чего больше это зависело: от взаимного притяжения, или чутья на них, или осознанного поиска (на каком-то определенном этапе), или царственного случая (без которого процесс вообще немислим; именно случай подбрасывает варианты, мы же из них в меру своих сил и способности к узнаванию отбираем), — но хороших людей в моей жизни было немало, им я обязан очень многим.

Здесь хотелось бы особо отметить роль первого тренера, от которого, как с годами я стал понимать, зависит если не все будущее спортсмена, то почти все. Подчеркиваю: прежде я меньше осознавал это, меньше придавал этому значение. Однако, с высоты прожитых лет, с высоты обретенного опыта лучше видишь перспективу, понимаешь истинные размеры предметов и соотношение масс.

Что дал мне первый тренер — Борис Иванович Войтас?

1) Привил любовь к легкой атлетике, воспитал привычку к регулярным занятиям, к спортивной дисциплине. На это ушло два первых года. 2) Затем был выбран спринт. Сейчас «Борзов» и «спринт» — понятия как-то связанные, а тогда нужно было выбрать что-то одно из нескольких видов. Войтас смог. Попадание точно в десятку. 3) Он заложил во мне фундамент общефизической подготовки, ту базу, без которой я бы не мог производить всевозможные манипуляции со своим телом. 4) Он развил во мне

ЩЕНОК

Так вот, когда начинаешь жить победами, а тем более — привыкаешь к ним настолько, что перестаешь непосредственно ощущать их прелесть и остроту, появляется адали иной маяк: идеал движения. Твой собственный, тобою рожденный, тобою воображенный и взлелеянный идеал движения.

Отражая уровень твоих знаний, вначале он наивен (хотя интуиция может нарисовать его абрис очень близким к истинному), но затем как деревце обрастает ветвями и листьями, так этот идеал начинает конкретизироваться, уплотняться. Пока — в воображении. Со временем отдельные штрихи и даже целые черты будут материализовываться, обнадеживая тебя, утверждая тебя в собственной правоте. Но как далеко (если только ты не самонадеян и слеп) это будет от полного воплощения твоего идеала!

Одно время мне казалось, что на Олимпиаде в Мюнхене я приблизился к нему. Подчеркиваю: не реализовал, но приблизился. Однако теперь я знаю, что

Я думаю, что умение понимать голос своего тела — вернейший признак одаренного спортсмена. И чем выше это умение, тем выше спортивный талант. (Я не говорю здесь о воплощении его: для этого необходимо уже иное качество — характер.)

Умение видеть себя и как бы со стороны и тем более изнутри было, считаю я, присуще мне всегда. Но я и развивал его. Вначале неосознанно, потом вполне сознательно. Думаю, что именно этому умению я обязан многими своими достижениями, в особенности качественными. На него я прежде всего рассчитываю, стремясь к своему двигательному идеалу.

Кстати, здесь будет уместно сделать отступление, чтобы назвать (разумеется, в самом грубом приближении), какие есть типы спортсменов (и соответственно тренеров). Это поможет показать и мое место; значит, и вы будете лучше понимать меня.

Самый характерный тип спортсменов — это двигательные одаренные люди,

как и проигрывают в случае неудачи. Чувствуя, что к Олимпиаде в Монреале я не успеваю принципиально снизить степень риска (а азартные «пан или пропал» — не в моем характере), я вернулся к классическому старту, стремясь отшлифовать его до совершенства.

Если не ошибаюсь, я впервые стартовал с отведенной назад рукой на зимнем первенстве страны. Как обычно, это соревнование показывали по центральному телевидению. Каково же было мое изумление, когда меньше чем через месяц, глядя по украинскому телевидению какие-то соревнования в Донецке, я увидел, что большинство спринтеров стартует с отведенной назад рукой. А потом это же повторилось и на всесоюзных стартах того года... Представляете? Ведь ни сами спортсмены, ни их тренеры не могли иметь строго научного обоснования этого метода, тем более времени, чтоб его хотя бы сносно освоить. Но так стартует «сам Борзов» — и они ничтоже сумняшея бросились за ним во все тяжкие. Потом я это дело оставил — и

широкий диапазон двигательных навыков и, наконец, 5) обучил технологии освоения новых технических элементов.

Следовательно, когда я поступил в институт и попал к Петровскому, я был готов к освоению нового качества — новой скорости и скоростной выносливости.

То есть границы были очерчены еще в школе и рисунок движения создан там же. Потом принципиально нового ничего в это внесено не было. Была шлифовка.

Это еще одно свидетельство моей удачи: отсутствие серьезных ошибок на столь долгом спортивном пути. Конечно, были просчеты (как, например, неоправданно глубокий запланированный спад после Мюнхена), без этого не бывает движения вперед; к счастью, они не повлияли радикально на мою судьбу. И себя, пожалуй, мне тоже было бы не в чем винить, если бы не травмы. Бывали среди них и нежданные, в какой-то степени неминуемые (издержки производства), но куда больше было травм необязательных, полученных из-за собственной глупости. Знаешь: того-то делать нельзя, и все же делаешь... Почему? Видимо, дисциплина как неотъемлемая часть тренировочной культуры требует куда большего внимания, чем мы себе представляем. Какого-то психологического планирования, в котором были бы учтены неминуемые спады и заносы: То есть задача ставится таким образом, чтоб вывести эти дисциплинарные протуберанцы за границы тренировки. Если не ошибаюсь, на этот счет мы не имеем совершенно каких-либо рекомендаций психологов.

Последняя серьезная травма непосредственно повлияла на мое олимпийское выступление в Монреале. Я не считаю его неудачным. Отнюдь! В компании, которая там подобралась, стать третьим почетно; и если сложить все, что было против меня, нельзя не признать, что удача опять улыбнулась мне. При обстоятельствах, в которые я был поставлен, я взял максимум. А ведь сложись эти обстоятельства иначе; я вполне мог претендовать и на абсолютную победу.

Что ж это за обстоятельства?

Первое: это был не мой год. Как это понимать? Изучая биоритмы (которым, признаюсь, прежде я не придавал значения, но теперь учитываю их в своей повседневной работе — и в планировании и в воплощении), ученые пришли к интересной закономерности: оказывается, для спортсменов-мужчин характерен трехгодичный цикл активности. Это значит, что если в данном году спортсмен выступает очень успешно, у него все получается, его «несет», то в следующем году его ждет спад, здача яма; на третий год из этой ямы он начинает выбираться, начинает нащупывать себя, находить себя, «попадать в себя», чтобы на четвертый год опять быть на гребне этой трехлетней волны. Естественно, речь идет только о биологии. Методика, наука, случайности могут смазать картину, но в общем-то закономерность такова.

Моя спортивная биография вполне укладывается в этот цикл. Лучшее всего мне удавались старты в 1969 году (я впервые пробежал стометровку за 10,0), 1972 году (Мюнхен) и 1975 году (победа над Корнелиоком в эстафете на Спартакиаде народов СССР). Значит, в 1970, 1973 и 1976 годах я должен был попадать в ямы. Первый пришелся на легкоатлетическое межсезонье, так что почти и не запомнился. Второй был худшим из всех, какие я когда-либо переживал. А третий пришелся на Олимпиаду в Монреале...

Что при этом ощущаешь? Конкретно — ничего особенного. Но уже не «несет», нет постоянного желания тренироваться, это отражается на тоне, на настроении, так что не приходится удивляться, что и в бой не рвешься. Возника-

ет предрасположенность к хворям и травмам. Начинаешь придавать перво-степенное значение таким вещам, как дорожка, массаж, режим и прочее, — в общем-то безусловно важным, но если прежде ты просто принимал их к сведению и как-то приспосабливался, то теперь они тебе серьезно досаждают.

Второе обстоятельство, благодаря прессе теперь известное всем болельщикам: в день олимпийского финала — 24 июля 1976 года — мой физический биоритм (непосредственно влияющий на координацию движений) проходил через самую тяжелую для организма точку — нулевую. Возникающие при этом ощущения знакомы каждому. Другое дело, что в обыденной жизни этому не придается значения. Ну, вялый, ну, несобранный, может, плохо выспался или погода меняется. Если же предстоит работа на режимах, близких к предельным, когда все силы аккумулируются и фокусируются в одну точку, тут начинается совсем иной счет. Такой, как на серьезной тренировке спортсмена высокого класса. А про соревнование и не говорю.

Так вот, в день олимпийского финала я, попросту говоря, развалился. Как при гриппе. Еще с утра не мог понять, что со мной происходит. Но утром процесс только намечался: я был уверен, что предстартовой разминкой сниму все симптомы. И в полуфинале мне это в какой-то степени удалось. Но едва мы вернулись под трибуны и я расслабился (что просто необходимо: до финального забега оставалось чуть больше часа и нужно было как-то снимать напряжение полуфинальной стометровки), как джин выбрался из бутылки. Что-то во мне распалось. Каждая рука, каждая нога — все отдельно. И не могу собрать, не могу сфокусировать себя в одну точку, словно я какой-нибудь новичок. Если б это был мандраж, я бы справился с собой. Однако это было совсем другое, почти неуправляемое. Сейчас я знаю, что это нужно просто переждать. Но тогда переждать времени не было, а самое главное — я не был к этому готов, оно обрушилось внезапно, застало меня врасплох... Когда выяснилось, что старт задерживают (кто-то позвонил в оргкомитет Олимпиады, что в меня будут стрелять снайперы, и монреальская полиция принимала профилактические меры), я даже был рад этому. Но минуты шли, а состояние не улучшалось. Оставалась слабая надежда, что бег на ходу прорежется сам по себе. Не прорезался...

И третье обстоятельство, уже упоминавшееся здесь: 12 мая, ровно за десять недель до Олимпиады, я порвал мышцы задней поверхности бедра. Вся предварительная подготовка, все точнейшее планирование, весь режим полетов в тартарах. Я был прикован к постели, через неделю кое-как выбрался из нее. О выполнении идеальной (по нашим сегодняшним понятиям) программы не было и речи. Началась штокка дыр...

Оставшееся до Игр в Москве время я намерен посвятить кое-каким экспериментам на себе: есть идеи, которые давно ждут воплощения, я все откладывал это — дальше некуда. Есть идеи совсем свежие; им бы дать отлежаться, да время поджимает.

Куда пойду после Олимпиады-80?

Знаю только одно: останусь возле спорта. Но в каком качестве? Дорог много, у каждой свои достоинства и недостатки. Увы, выбор не от одного меня зависит. Остается утешение, что, как бы ты ни пылился, как бы ни мнил о себе, выбор всегда делает сама жизнь, и этот выбор, как правило, обычно неплох, если тебе хватает мужества в любых обстоятельствах оставаться верным себе, оставаться честным — и перед собой и перед другими. Тогда — раньше или позже — победа тебя найдет.

ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАММА

Начало на стр. 22.

Марсело Марсо». В глазах у меня стало темно. «Так что, голубчик, вы уж постарайтесь!»

В этот момент под окном уже урчала двигателем посольская машина. Меня усадили и повезли в Западный Берлин. Приезжаем в Академию искусств. Президент ее встретил меня, как родного, обнял, весьма пышно представил собравшимся и обрадовал очередной новостью: все билеты на мой сольный концерт, состоящий из двух отделений, распроданы. Не возражаю ли я, если в связи с таким интересом публики будет устроен дополнительный, второй концерт. Я ответил, что не возражаю против второго концерта. Если, конечно, состоится первый...

Тут все заторопились, и меня через служебный вход повели за сцену. Выхожу — и зал встает. Овация. Цветы. «Аркадий Райкин, Советский Союз». Так, думаю я, это аванс. Да еще какой! А авансы надо отрабатывать, иначе станешь банкротом. Раскланиваюсь и ухожу за кулисы. «Когда же мое выступление?» — спрашиваю устроителей. И мне отвечают с истинно немецкой пунктуальностью: «Через 64 часа». Тогда я говорю: «Везите меня в гостиницу, определите в достаточно просторный номер и выделите мне в помощь самого лучшего переводчика, который у вас есть».

Так и сделали. Заказал я в номер огромный жбан крепчайшего кофе, сел в кресло и только тут схватился за голову. Ужас. Стал я думать, что есть в моем репертуаре относящегося к чистой пантомиме, а что может быть выдано за пантомиму, снабженную текстом? Я ведь при всем своем уважении к этому искусству не мим, я на сцене говорю... А главное, что же именно можно показывать такой публике? Дело-то произошло на международном фестивале.

А дальше технология была такая: я произносил русский текст, переводчик переводил мои слова на немецкий язык, а я заучивал перевод. Надо было не просто вызубрить незнакомые фразы, но в совершенстве овладеть ими, научиться произносить их не механически, а со смыслом, научиться играть на немецком. Все 64 часа я не спал — только репетировал в бешеном темпе, понимая, что для выполнения такой задачи и 640 часов было бы мало.

Как я выступал, не помню — все было словно в густом тумане. Помню только, что в проходе между креслами стояла какая-то женщина и низко кланялась мне...

Перед моим выходом ко мне в артистическую зашел Марсель Марсо, чтобы поздороваться и сказать: «Той-той» (что-то вроде нашего «ни пуха, ни пера»). Он очень удивился, что я ему не ответил, а взглянув на мое лицо, кинулся за врачом. Когда появился врач, я немножко пришел в себя и сказал, что мне ничего не нужно. После выступления профессор Юрий Арсеньевич Дмитриев (известнейший искусствовед, редкий специалист по эстраде и цирку), тоже приглашенный на фестиваль, но в конкурсе, на его счастье, не участвовавший, и Марсо пытались рассказать мне, как и что получилось. Марсель даже пробовал, видя, что я слушаю — как бы это выразиться? — с сомнением, показывая мне меня — наверное, у него получалось похоже.

Очень большой артист и мой давний друг, еще со времен его первого приезда в нашу страну. Интересно, что наше знакомство повлияло на судьбу моего сына Кости, который, увидев Марсо, увлекся пантомимой и в результате стал артистом, а теперь хранит как реликвию афишу концерта Марселя с дарственной

надписью, адресованной маленькому Косте.

Свою задачу я, видимо, все-таки выполнил, хотя, как выяснилось, на конкурсе не было ни жюри, ни победителей. Но у меня осталось впечатление, будто я тогда подержался за провод высокого напряжения. Почему меня не испепелило? Не знаю. В Москве ни один человек из тех, кто меня отправлял в эту поездку, даже не спросил: ну как доклад? Какова была цена этой победы, чего стоили забывчивость и легкомыслие какого-то бюрократа, его неуважение не только ко мне, артисту и человеку, но и к заслуженно высокому престижу советского искусства на международной сцене, я это понял только в больнице.

Обывательское представление о том, что артисты, мол, раскатывают по заграницам, смотрят мир, покупают сувениры почем зря и вообще ведут жизнь совершенно привольную, довольно далеко от истины. За рубежом нам приходится много и тяжело работать, там чаще всего бывает гораздо труднее, чем в нашей стране, где мы выступаем перед аудиторией чрезвычайно доброжелательной, неравнодушной, любящей и знающей искусство. В особенности это относится к артистам разговорного жанра.

Хуже всего, когда за несколько месяцев предупреждают о поездке, скажем, в Японию, ты изучаешь язык, не самый, кстати, простой, готовишь специальную программу, а потом за неделю тебе объявляют, что едешь не ты, а другой артист. Или вспомнить хотя бы уже упоминавшийся договор о пяти телепередачах в Англии. Два раза я съездил, а буквально накануне третьего мне сказали: вы уже были в Англии — теперь выступите в другой стране. Да я ничего не имею против, но ведь это же неразумно — без всяких видимых причин обрывать целый продуманный и отрепетированный цикл программ.

Меня никто не принуждает выступать перед чужестранцами на их родном языке. Но зачем тогда, спрашивается, выступать, если люди в зрительном зале не понимают тебя? Зачем им нужен такой артист, искусство которого оставляет их равнодушными? Это, если говорить серьезно, один из краеугольных камней творческого кредо нашего театра: быть понятным народу.

Порою некоторые угрюмые критики, замечая в наших спектаклях стремление к обобщению, к символичности, упрекали нас в «туманных намеках». Нет, отвечали мы и тогда, не туманные, а вполне понятные мысли и чувства вкладываем мы в свои монологи и интермедии. Как-то во время войны по дипломатическим соображениям избегали говорить, а тем более писать о том, что союзники медлят с открытием второго фронта. В спектакле «Кроме шуток», который мы поставили тогда, говорилось о том, что было бы очень хорошо, если бы весь мир жил по одним часам. А то по нашим получается в самый раз, а в Нью-Йорке считают, что еще рано... И зрители прекрасно понимали наши «туманные намеки».

А вот случай второй, о котором я хотел рассказать. Незадолго до очередной поездки в Лондон меня попросили принять участие в декаде русской музыки в одной из наших союзных республик. «Но позвольте, — говорю я, — какое отношение я имею к музыке?» «Это неважно, — отвечают мне, — зато вас там очень ждут». «А как же Лондон? Ведь осталось всего три свободных дня...» «Ничего страшного. Слетаете на декаду, дадите три концерта. Все успеете». Ладно, думаю, раз ждут — надо поехать.

Прямо из аэропорта в столице этой республики приезжаю на концерт. Переодеваюсь, дают звонок, и я иду на сцену. Стою у выхода. Темно. И вдруг вижу три красных огонька — телевидение! Возвращаюсь за кулисы и спрашиваю, что же это такое?! Ничего особенного, отвечают мне, ваш концерт будет передаваться по телевидению. Тут подходят ко мне руководитель телецентра и руководитель филармонии. «Товарищи дорогие! — говорю я в отчаянии. — Разве вы не знаете, что мне предстоит выступать здесь завтра и послезавтра?» — «Как же, как же, — отвечает филармония, — на те концерты все билеты проданы». — «Так. А неужели вам неизвестно, что в таких случаях принято транслировать самый последний спектакль? Ведь после показа по телевидению зрители в зале будут знать весь мой репертуар наперед, и им станет неинтересно. И потом ведь принято в подобных ситуациях заранее согласовывать это с артистом». — «Мы вообще не обязаны предупредить», — отвечает телестудия. — Нигде это не записано. А что до того, который концерт транслировать, то это уж вовсе вас не касается. У нас, если хотите знать, завтра футбол». — «Ну что ж, — говорю я, — тогда я сейчас выступлю, а завтра и послезавтра на сцену не выйду». — «Что вы, что вы! — замахала руками филармония, — это невозможно!» Все это происходит после третьего звонка, когда в зале давно уже нетерпеливо аплодируют, а мне в пору лечь и принять нитроглицерин... После того, как телестудия посоветовалась со своим руководством и оно вняло доводам разума, телекамеры были убраны.

Когда окончился спектакль, я подошел к директору филармонии и спросил, в какую гостиницу мне ехать. «Подождите, — вежливо сказал он мне, — отдохните немножко здесь». «Спасибо, — ответил я в том же тоне, — я уже отдохнул». «Нет, — печально возразил он, — вам все-таки надо подождать пару часов». И он показал рукою в окно. Я взглянул и ужаснулся. Площадь перед концертным залом была заполнена возмущенными людьми. «Что случилось?» — удивился я. «Диктор телевидения по указанию своего руководства объявил в эфир: Аркадий Райкин отказался выступить перед телезрителями».

Назавтра я пережил один из самых трудных вечеров в жизни. Публика меня встретила свистом. Но я выступал, что называется, стиснув зубы. Не уехал я только из уважения к своим друзьям музыкантам и композиторам: глубоко чтимому мною Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, руководителю Ленинградской филармонии Евгению Александровичу Мравинскому и другим участникам декады, которым и без того доставила много неприятностей эта история. Устроители декады с удовлетворением сообщили мне, что уже наутро директор телестудии был освобожден от занимаемой должности, но это не могло изменить мнения обо мне, сложившегося у тысяч телезрителей.

Перед началом третьего концерта я вновь увидел огоньки телекамер. И начал свое выступление с того, что рассказал по прямой трансляции о том, как было дело, объяснил, почему я просил перенести передачу на последний вечер, и заявил, что я не отказывался выступить по телевидению и вообще ничего подобного не произносил... Публика долго аплодировала. Но мне все казалось, что зрители не приветствуют артиста, а пытаются таким образом исправить положение, как бы извиняются за своего земляка...

Подобных случаев в моей биографии больше не было никогда. Думаю, читатели поняли, что жизнь актера не слишком похожа на непрерывный праздник, на длящийся годами карнавал, хотя в событиях ее и участвуют маски. Важно также отметить здесь, что артисту-сатирику нет необходимости отправ-

ляться в длительные творческие экспедиции для отыскания объектов осмеяния.

Одна из программ нашего театра называлась «Люди и манекены» — и в этом названии выразилось достаточно ясно наше отношение к прототипам тех самых персонажей, с которыми мы вот уже почти 40 лет знакомим публику. Надеюсь, что некоторых из них вы запомнили. «Дайте мне справку, что вам нужна справка...» «В Греческом зале, в Греческом зале...» «Я человек простой, фигурно я не умею...» Так вот описанные случаи отразились в кривой моего сердца, возможно, самыми острыми зубцами. Я стараюсь смешить со сцены своих зрителей, но самому мне иногда бывает совсем не до смеха. Справедливо было сказано: «На дне юмора — слезы».

VIII

В Ленинграде при Доме театральных работников существует клуб артистов эстрады, председателем которого меня выбрали. Мы проводим там встречи, отмечаем юбилеи, обсуждаем новые работы. Недавно, скажем, организовали вечер, посвященный 90-летию старейшего нашего конференсье Алексея Григорьевича Алексеева, и он — в его-то годы — приехал к нам из Москвы. Ленинградский театральный музей безотказно и с удовольствием предоставляет нам для прослушивания редкие эстрадные записи: там есть один человек, создавший огромную фонотеку по этому виду искусства, — Александр Евгеньевич Павлов. Любопытно, откуда он берет в наши дни такие редкие вещи, как, например, записи репертуара почти забытой теперь певицы Анастасии Вяльцевой?..

Я вспомнил о нашем клубе не для того, чтобы похвастаться. Для тех, кто не работает на эстраде, нет, наверное, ничего особенно важного в такого рода деятельности. Я говорю об этом к тому, что именно на юбилейных и иных вечерах, посвященных искусству прошлого, я ощущаю порой, какой долгий путь я прошел в сценической работе. Как много изменилось за эти годы, за эти десятилетия. Как выросло само наше искусство.

Мы разговариваем на сцене. Казалось бы, это не так уж и сложно. Разговаривать так, чтобы тебя было слышно за сто метров, это умеет любая торговка на базаре. Но нет, простое словесное взаимодействие — не искусство. Искусство начинается там, где говорят так и говорят то, что дойдет до сознания, до сердца зрителя. Искусство требует огромного, сосредоточенного, если хотите, самоотверженного труда. Музыканту надо играть каждый день, лишь тогда он достигнет такого мастерства, что слушатели его невольно будут испытывать глубокое, почтительное уважение к нему, осозная, что сами так никогда не сумеют. «Разговорнику», как называют наш жанр на эстраде, нужно трудиться не меньше, не стремиться при этом к несколько иному результату. У публики в момент его выступления должно возникнуть ощущение, что все происходит и произносится столь легко и естественно, словно это может каждый сидящий в зале.

Много лет я работал с масками, и, кажется, они нравились, во всяком случае, пока нравились. Но я отказался от такого сорта актерских «подпорок», считая, что желаемого эффекта следует добиваться психологической, а не только внешней трансформацией сценического образа. Можно и нужно доказывать зрителям, что перед ними появился новый персонаж, не используя при этом шляп, усов и бород, накладных лысин, очков. Если роль будет сыграна глубоко и достоверно, актеру поверят при всех условиях, без декораций, без грима.

Конечно, такая работа стоит большего труда. Но и результат стоит, я считаю, большего. Любая наша программа,

любой спектакль, который мы играли в последние годы, был подобен айсбергу. Зритель видел лишь надводную и притом очень небольшую часть материала. Сейчас мы выступаем со спектаклем «Зависит от нас (Дерево жизни)». Так вот, прежде чем выйти с этой программой на публику, мы подготовили совсем другой спектакль, о котором мало кто знает и который по трезвому размышлению вынуждены были отложить в сторону. И начали все сначала...

Сатирическое представление театра миниатюр — это не каноническая пьеса Шекспира (впрочем, когда-то, я уверен, и Шекспира играли импровизационно, применительно к злобе дня), а живой, подвижный, легко изменяющийся организм. Одну и ту же программу мы показываем, допустим, в Москве и в Ленинграде по-разному, а в конце сезона — не так, как в начале. Изюм в день действие неизбежно обрывает новыми и новыми деталями, нюансами, интонациями. Оно естественно обогащается событиями, происходящими в мире, и событиями, происходящими в наших конкретных жизнях. Меняется время, меняемся и мы — меняется спектакль. Мы никогда не снимаем программу оттого, что к ней уже упал интерес, никогда не ждем пустых мест в зале. Но дело не только в естественном для артистов стремлении к успеху. Причина нашей торопливости в замене постановок состоит в том, что, эксплуатируя даже самую удачную работу дольше, чем надо, мы неизбежно отстанем от времени. Начнем плестись в хвосте у жизни. Утратим актуальность.

Вот и еще один ракурс известного тезиса: надо учиться у жизни. В сущности, именно об этом, о разных формах такой учебы, я и говорил здесь все время. Мне могут возразить, что учиться артисту надо у своих старших коллег, талантливых и мудрых актеров, учиться у их произведений. И я не стану спорить. Скажу только, что, на мой взгляд, стоит учиться лишь у тех их творений, что исполнены жизни, биения пульса времени.

Недавно от нас ушел человек, которого, не будучи с ним знакомым, я всегда считал своим главным учителем в этой профессии. Умер Чарли Чаплин. И эта утрата невосполнима не только для искусства, но и для всего человечества. Трудно сказать, что именно делало его великим. Мне кажется, что главное в его таланте — невероятное, уникальное сочетание буффонады, гротеска и сопереживания человеческому горю, сочувствия к его даже самым мелким неприятностям. Чаплин олицетворял собою подлинный демократизм, его творчество в равной мере принадлежало людям всех континентов и всех возрастов, людям любого уровня образования и любого вида труда. Мир, да что там, просто мы с вами становились добрее и глубже после его картин. Он был действительно великим — этот «маленький человек». Он учил нас любить людей... Я много говорю здесь об учебе, но не могу сказать, как происходит этот процесс, почему иногда десятки часов лекций проходят мимо нашего сознания, а случайно брошенная фраза западает в душу. Знаю только, что надо пытаться учиться, надо учиться передавать новым поколениям интеллектуальный и эмоциональный опыт поколений старших. Сделать это гораздо труднее, чем кажется порою моим сверстникам, здесь хороши все средства, кроме скучных. Назидательность, менторский тон, снисходительность в такой ситуации часто приводят к результатам обратным. Я думаю, что по-настоящему научить кого-либо и чему-либо без юмора, без некоторой доли иронии, в том числе и самоиронии, невозможно. Причем это относится не только к искусству, но и, например, к житейским истинам, которые в высокопарном изложении часто вызывают протест у тех, кому отведена роль учеников. Думаю, что и математика лучше усваивается, если ее преподавать с чувством юмора...

Помню, как-то раз ко мне пришла женщина и сказала: «Аркадий Исаакович! У меня есть сын, ему одиннадцать лет. Он мечтает стать актером, намеревается бросить школу и поступить работать в театр, говорит, что хочет устроиться в ТЮЗ. Я не знаю, что делать. А вы его кумир, самый высокий для него авторитет. Умоляю вас — напишите ему письмо!» И я написал довольно длинное послание этому мальчишке. Поскольку его затея меня немножко насмешила, письмо получилось веселым, хотя я и говорил в нем вполне серьезные вещи о том, что настоящим артистом нельзя стать без солидного образования, без самодисциплины, без воспитания в себе выдержки и терпения.

Прошло много лет, и мой адресат стал актером, известным всей стране. Это Александр Калягин.

Помню и другого мальчишку. К нам в театр лет с десяти ходил Гена Хазанов. Он был очень маленького роста, худенький и ужасно переживал это. Когда ему стало восемнадцать, он выглядел на четырнадцать. Это и вообще-то неприятно, а для человека, мечтающего о сцене, — трагедия. И я посоветовал ему однажды, чтобы он поступил в училище циркового искусства, а про себя подумал: в цирке работают люди и меньшего роста... Но при небольшом росте у него оказался большой характер. Геннадий окончил училище и сильно вырос — главным образом творчески. Хазанов по-прежнему часто бывает у нас в театре, показывает мне свои новые работы, советует. Недавно он пригласил меня посмотреть его новый спектакль «Мелочи жизни». И коль скоро он сам сказал мне, что рассматривает этот вечер, как серьезный экзамен, то я с легким сердцем и искренним удовольствием выставил ему «отлично» — правда, не в зачетной, а во вполне обычной книжке, в виде автографа.

Молодежь, во всяком случае, те, с кем мне приходилось сталкиваться, — это интереснейшие люди. Заслуживающие всяческого уважения. И не только потому, что им, как принято выражаться, принадлежит будущее. Нет, юные мужчины и женщины семидесятых годов привлекают меня своими не всегда близкими мне, но бесконечно любопытными убеждениями, своим незаурядным упорством, целеустремленностью, стойкостью в борьбе за свои идеалы. С ними не стоит говорить свысока уже потому, что они открываются всеми гранями души лишь в диалоге на равных. И это хорошо. Особенно, если верить, что и они примут следующее поколение так же. Словом, я не вижу никаких оснований для старческого брюзжания по поводу того, что раньше молодежь была лучше, а трава зеленее, а жизнь веселее. Я смотрю на молодежь и понимаю, что все в порядке. У нас выросли отличные дети и внуки. Так и должно быть всегда.

На прощание я хотел бы сказать своим молодым читателям, что жизнь и вправду необыкновенно, немислимо многообразна. Хотим мы того или нет, она нас не просто учит, но лепит из наших душ и характеров то, чего мы порою и сами не ждем. Это не значит, что позволительно расслабиться и отдаться течению бытия, словно течению реки, — эдак можно и утонуть. Наоборот, я говорю о том, что лучше относиться к этому не так уж долго длящемуся уроку всерьез, с максимальной ответственностью и вниманием, стремиться не «проходить жизнь», как проходят в иных школах литературу, а вникать, впитывать, вгрызаться в этот поток эмоциональной и интеллектуальной информации. И тогда станет возможно каждый день, каждый час, каждую минуту открывать для себя новую тайну, познавать нечто новое и бесконечно интересное в окружающем мире, в знакомых и незнакомых людях, в самих себе.

Записал
Сергей ВИШНЯКОВ.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Александр
БОГУЧАРОВ

«Поэзия мне мстит за прозу...» — это строчка из последних стихов Александра Богучарова. Он был поэт, драматург, прозаик.

Александр Богучаров работал в нашем журнале много лет. Заинтересованно и умно редактировал раздел поэзии, привлекал для сотрудничества известных советских поэтов. Много времени и сил отдавал воспитанию молодой поэтической смены, руководил литобъединением имени Багрицкого.

Александр Богучаров страстно любил жизнь, эта страсть влекла его к встречам с интересными людьми — он много ездил по стране, писал об увиденном и пережитом, на страницах «Смены» нередко появлялись его стихи.

Последние годы Александр Богучаров полностью переключился на творческую работу. Как свойственно ему, не щадя себя много писал. Он успел закончить роман «Завтра будет поздно». У него было много задумок, но тяжёлая болезнь помешала их осуществить.

Александра Богучарова не стало, но память о нём и его творчестве продолжает жить.

Редакция журнала «Смена»

Другу

По железной иду тропе,
Магистраль — вот моя тропа!
Не грусти о моей судьбе,
Состоялась моя судьба!
А со мною — друзья мои,
Сыновья городов, полей.
Отдал я высокой любви
И огонь и желанья дней.
Степь поднял, и дорога есть.
Что ещё? Чтоб дорогой той
Шла грядущей юности честь,
С нашей хваткой, с нашей мечтой.
Знаешь БАМа первый проект?
Менделеев смотрел листы!
А теперь — в двадцать первый век —
Наши бамовские мосты.
Нефть сибирская — по трубе,
С магистралью рядом — труба...
Не грусти о моей судьбе.
Состоялась моя судьба.

Записка

Поэзия мне мстит за прозу!
За то, что я писать забыл,
Как одиночествовал в грозы,
Когда один на свете был.
Но помню вечер давний-давний
И встречу первую в метро,
А позже — дым в Амурских плавнях,
И птицы розовой перо,
И мир незнаемый, но близкий,
И все надежды дней моих...
А ваши странные записки,
Которые дороже книг?
Страницы первых километров,
И комары, и недосуг,
Татарского пролива ветры,
Которые терпели вдруг...
Как вы могли перемениться?
Ведь никогда и ничем —
Нет, я не мог бы ошибиться
В счастливом жребии моем.

Любимой

Любишь?
Прошлого не трогай!
Был я молод. Из-за леса
Ни тропинки, ни дороги —
Сплошной радуги завеса.
Любишь?
Время жизни давней
Осуждать не торопись
И над яром Ярославной
Не оплакивай ты жизнь!
В жизни той была отвага —
Карта Севера моя!
Не наука, не бумага —
Изначальная земля.
И ни окрика, ни крика
Не боялся я ничуть.

Гимнастерочку комбрига
Я натягивал на грудь —
Примерял годов двадцатых
Неутраченную статью,
За погибших в тех, тридцатых,
Я готов был постоять.
Спросишь ты, а что держало?
Что в рассветный час вело?
Не карьера, а держава —
Строек первое тепло.
Любишь? Женщину не надо
Ни судить, ни осуждать!
С полуслова, с полувзгляда
Ей судьбы не загадать!
Ни признанья, ни печати —
Рукописная тетрадь.

Перешиты снова платья,
Куртка старая на вате
Телогреечке под стать.
Любишь?
Прошлого не трогай.
Начинаю я с тобой
Все, что стало бы дорогой,
Обернулось бы судьбой,
Если б раньше повстречались —
В шестьдесят втором году...
Я теперь к тебе иду.
Без вины и без печали
Удаль чувствую свою.
Мы с тобой повстречали
Снег на этом перевале,
У заката на краю.

Песня

Напророч, метель-голубушка —
В сани тотчас упаду...
Високосный год, голубушка,
Вброд, как речку, перейду.

Обожди меня над берегом —
Не бранись и не спеши...
Если ты в меня поверила —
Забреду и в камыши.

Тихо звякают уключины,
Улыбается сынок...
Не гнала ты и не мучила,
Собирая «тормозок».

Вкусен хлеб полнотной выпечки,
Сладок лук, вина глоток...
Я иду, как будто выучил
Весь фарватер назубок!

А волна кипит горячая —
Високосная волна...
Жизнь была у нас не скучная,
Если кончилась она!

Береги Степана! Берегом
Не ходи и не зови...
Ты одна в меня поверила!
С чистой верою живи!

Что во мне успокоилось ныне?
Может, вешняя утрот вода
Разоделась в откованный иней,
Чтоб вкусить изобилие льда!
Я спокоен сегодня, и тайна
Ходом жизни ветвится во мне.
Что поете легко и случайно
Вы об этом искрящемся дне?
Говорила, что счастлива... Это
Обещает такую весну!
И померкнут иные приметы,
А иные и сам прогонию —
Помня ваше нежданное счастье,
Ваше новое слово, скажу:
Не страшны никакие напасти,
Воды вешние хлынут в межу!

В этот момент в диспетчерской Ванкувера Гарри Бёрдек восполнял нехватку воды в своем организме очередным стаканчиком кофе. У Трелливена, кроме микрофона, который он держал в руке, теперь был еще головной радиотелефон, куда он говорил:

— Радиолокаторная? У вас есть какие-нибудь новости?

В другом конце здания диспетчер обзорного радиолокатора, сидя перед большим экраном вместе со своим помощником, отвечал обычным спокойным тоном:

— Пока еще нет.

— Ничего не понимаю, — обратился Трелливен к диспетчеру. — Они уже должны были войти в зону.

Тут вмешался Бёрдек:

— Не забудьте, они же потеряли скорость во время последней пробы.

— Да, верно, — согласился Трелливен.

В радиотелефон он продолжил:

— Радиолокаторная, дайте мне немедленно знать, как только что-нибудь получите. — И обратившись к руководителю полетов: — Я не решаюсь, не зная, где он, направить его на посадку при такой облачности. Попросите ВВС еще об одной радиолокационной проводке... Хорошо, мистер Гримзелл?

Затем он кивнул радисту:

— Дайте мне выход в эфир. Алло, 714-й. Теперь, Джордж, слушайте меня внимательно. Мы еще раз все повторим. Но прежде, чем начнем, я хочу объяснить вам некоторые вещи, которые вы могли забыть, или же просто они имеют отношение только к большим самолетам. Вы слышите меня?

— Можете продолжать, Ванкувер. Мы внимательно слушаем вас.

— Хорошо, 714-й. Перед тем, как идти на посадку, надо кое-что проверить и отрегулировать. Это необходимо сделать в дополнение к тому, чем мы уже с вами занимались. Позже я вам скажу, когда и как вы это будете делать. Сейчас я просто все перечислю. Прежде всего вы должны будете включить гидросистему. Затем проверьте: давление в тормозах должно быть около 1000 фунтов на квадратный дюйм. Может быть, вы что-нибудь помните из этого по нашим полетам на истребителях, но повторение не повредит. Дальше, когда шасси будут выпущены, вы включите топливные насосы и удостоверитесь, достаточно ли давление топлива. Подготовьте систему флюирования винтов. Все поняли? Мы будем проделывать все это постепенно, когда вы пойдете на посадку, так что Джанет сможет вам помочь. Теперь я расскажу вам, где какой регулятор находится. Начинаем...

Джанет и Спейсер нашли каждый из регуляторов, как им было указано.

— Скажи ему, Джанет, что теперь мы их знаем назубок.

— Алло, Ванкувер. С этим теперь все в порядке.

— Хорошо, 714-й. Вы имеете в виду расположение приборов, верно, Джанет? Значит, вам все ясно?

Спейсер решительно взялся за дело, следуя указаниям Трелливена с предельной точностью. Джанет неотрывно следила за скоростью, выпускала закрылки и шасси. Они опять ощутили резкий толчок, когда самолет внезапно стал терять скорость.

На востоке появились первые проблески рассвета. В диспетчерской Трелливен воспользовался паузой, чтобы выпить немного остывшего кофе. Он взял предложенную Бёрдеком сигарету и, затянувшись, с шумным выдохом выпустил дым.

Было видно, что он очень устал.

— Как, по-вашему, обстоят дела? — попытался Бёрдек.

— Все идет, как и должно идти, — ответил Трелливен. — Но времени у нас в обрез. Нужно было бы раз десять потренироваться с этими закрылками и шасси. Если повезет, мы сможем повторить раза три прежде, чем он окажется над нашими головами. Конечно, в том случае, если они не сбьются с курса.

— Вы ведь хотели с ним попробовать заходы на посадку, — вставил руководитель полетов.

— Да, это просто необходимо. Если мы не продадем это раза три, я ничем не поручусь, что все обойдется благополучно. Нужно проверить, как он с этим может справиться. Иначе...

Трелливен приостановился. Бёрдек кинул сигарету на пол и наступил на нее.

— Что иначе? — быстро переспросил он.

Трелливена будто прорвало:

— Надо прямо смотреть в лицо фактам. Этот человек наверху напуган до смерти. И не без основания. А если у него сдадут нервы, то для них лучше всего упасть в море.

— А удар о воду! — воскликнул Бёрдек. — И потом там ведь болотные. А самолет?.. Нет, это равносильно полной катастрофе.

— Это наименьшее зло, — отрезал Трелливен ледяным тоном, глядя прямо в глаза пыхтевшему от волнения агенту авиакомпании. — Если наш приятель разнесет самолет на куски на летном поле, то вам все равно придется распрощаться со своей машиной. К тому же, если он разобьется здесь, в аэропорту, то неизбежен пожар, и тогда вряд ли

Окончание. Начало в №№ 10—14.

посадочная полоса 08

ПОВЕСТЬ

Перевод Марии БОГДАНОВОЙ.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

нам удастся спасти хоть кого-нибудь. Он может даже повредить и наземные сооружения. А если он сядет в море, то, конечно, с самолетом можете распрощаться, но зато у нас будут хоть какие-то шансы спасти пассажиров.

— Свяжитесь с военно-морским управлением, — приказал руководитель полетов своему помощнику. — И с ВВС тоже. Спасательный десант уже предупрежден. Пусть они выйдут в море и ждут распоряжений по радио.

— Конечно, не хотелось бы, чтобы этим кончилось, — сказал Трелливен, поворачиваясь к карте. — Но, может быть, нам удастся их вытащить до того, как самолет уйдет под воду.

Затем он произнес в радиотелефон:

— Радарная, у вас есть что-нибудь?

— Пока ничего, — раздался спокойный, безучастный ответ. — Хотя подождите! Кажется, что-то появляется. Да, капитан! Я его вижу. Он отклонился на 10 миль к югу от курса. Задайте ему курс 265.

— Прекрасно, — сказал Трелливен.

Он кивнул, чтобы ему дали выход в эфир. В это время к нему обратился оператор связи:

— Из ВВС сообщили, что самолет уже виден. Расчетное время прибытия через 38 минут.

— Хорошо, — ответил Трелливен и, взяв микрофон, начал говорить: — Алло, 714-й. Вы уже убрали закрылки и шасси?

— Да, Ванкувер, — откликнулся голос Джанет.

— У вас были на этот раз осложнения? Самолет идет в горизонтальном полете?

— Все в порядке, Ванкувер. Правда, пилот добавляет: пока.

И все услышали нервный смехок девушки.

— Вот и прекрасно, 714-й. Мы вас уже нашли локатором. Вы сблизись с курса на 10 миль к югу. Теперь нужно осторожно взять вправо, отрегулируйте при этом работу двигателя, чтобы не потерять скорость. Нужно лечь на курс 265. Повторяю — 265. Понятно?

— Ясно, Ванкувер.

— Я начинаю приводить все в готовность, — сказал руководитель полетов и позвал своего помощника: — Предупреди на башне. Пусть они поднимут пожарных. — Затем, обратившись к оператору наземной связи, попросил: — Соедините меня с городской полицией.

— А меня потом с Говардом в пресс-центре, — добавил Бёрдек. Трелливену он пояснил: — Мы лучше сами им скажем, что самолет может упасть в воду, прежде чем они начнут придумывать какие-нибудь концовки. Боже! Нет, нельзя! — Он вдруг что-то сообразил. — Если мы допустим возможность падения в воду, это будет значить, что мы сбрасываем со счета больных пассажиров. Нет, мне лучше покончить с собой!

Но Трелливен не успел дослушать Бёрдека: заработал громкоговоритель. При первых же его звуках он моментально взял микрофон.

— Алло, Ванкувер, — позвал голос Джанет. — Мы взяли курс 265, как вы сказали.

— 714-й, все хорошо! — произнес Трелливен с напускной легкостью. — Вы просто молодцы! Давайте продадем все еще раз. Ладно? Напоследок перед тем, как вы окажетесь над аэродромом. Джордж, поэтому постарайся уж все сделать наилучшим образом.

Руководитель полетов тихо, но настойчиво говорил в телефон:

— Да, они будут здесь примерно через полчаса. К этому времени надо все подготовить.

ГЛАВА 10

Спенсер попробовал распрямить затекшие ноги. Все тело ныло, как битое. Слишком много сил ушло на ненужные волнения и усилия. Теперь, когда он расслабился, ему казалось, что он выжат до последней капли. Руки его дрожали, но он не делал из малейшего усилия, чтобы унять дрожь. Он перевел взгляд на приборы с их находящимися в беспрестанном движении стрелками, и у него перед глазами поплыли круги, то вспыхивающие, то вновь затухающие.

Он взглянул на Джанет, с силой заговорить.

— Ну, как прошло на этот раз? — наконец выдал он из

себя. Ему казалось, что он вот-вот свалится на пол. Джанет, видимо, почувствовала, зачем ему нужен был этот вопрос.

— Очень хорошо, — радостно ответила она. — Во всяком случае, мне показалось, что у Трелливена был довольный голос, верно?

— Я почти не слышал его, — сказал Спенсер, поводя головой в разные стороны, чтобы размять шейные мышцы. — Но надеюсь, что уже хватит. Сколько раз мы проделали выпуск шасси и закрылков? Три? Если он скажет, что надо еще раз, я...

— Спокойней, — остановил он себя. — Не надо, чтобы она видела, в каком ты состоянии. Подумай о Трелливене, каково ему. Он, конечно, в безопасности, на земле, но представь, если он увидит, что забыл что-то...

— Вы заметили, солнце уже появилось, — сказала Джанет.

— А как же! — соврал Спенсер, поднимая глаза.

Даже к западу весь облачный покров был тронут розоватым отблеском зари. А над ним, светлея, высились небесный свод.

— Ну, теперь осталось недолго, — проговорил Спенсер. В этот момент в наушниках снова раздался голос с земли:

— Алло, 714-й. Говорит Ванкувер. Вы меня слышите? — 714-й слушает, — ответила Джанет в микрофон.

— Алло, 714-й, — откликнулся ясный, уверенный голос Трелливена. — Раз вы уже передохнули после последней разминки, давайте поспешим дальше. Вы меня хорошо слышите? Проверьте. Пожалуйста. Конеч.

— Передай ему, что я еле отдышался, — сказал Спенсер. — И еще скажи ему, что слышно почти совсем чисто. Джанет передала:

— Слышимость хорошая. Но отдых был слишком коротким.

— Держись, Джордж. Наша тренировка немного понизила скорость самолета, но это ничего, даже к лучшему. К тому времени, как вы долетите, совсем рассветет. Готовьтесь к снижению. Но сначала я бы хотел поговорить с Джанет. Вы меня слышите, Джанет?

— Алло, Ванкувер. Да, я слышу вас.

— Джанет, когда мы начнем посадку, необходимо, чтобы вы приняли меры по обеспечению безопасности пассажиров на случай аварии. Вы поняли меня?

И еще, Джанет. Прямо перед посадкой мы попросим пилота включить сигнал тревоги. Джордж, кнопка сигнала находится справа от сиденья второго пилота и окрашена в красный.

— Ты ее видишь? — спросил, не глядя, Спенсер.

— Да, — ответила Джанет.

— Хорошо. Запомни ее.

— Джанет, — продолжал Трелливен, — это последнее, что ты сделаешь перед посадкой, потому что нужно, чтобы ты вернулась назад к пассажирам.

— Нет, передай ему, нет! — отрезал Спенсер. — Ты мне нужна здесь.

— Алло, Ванкувер, — сказала Джанет. — Я поняла ваши распоряжения, но я нужна пилоту здесь.

Наступила долгая пауза.

— Хорошо, 714-й. Я понимаю ваше положение. Но, прежде чем мы начнем заход на посадку, вы обязаны проследить, чтобы все меры на случай аварии были приняты. Есть кто-нибудь, кому вы могли бы все объяснить и предоставить действовать самостоятельно?

— А как насчет доктора? — предложил Спенсер.

Джанет покачала головой.

— У него и так полно дел.

— Ну, будет еще немного, — резко проговорил Спенсер. — Если мы располагаем хоть каким-то шансом сесть на землю, то ты мне понадобишься здесь.

Джанет поколебалась, затем включила передачу.

— Алло, Ванкувер. Доктор Байард в любом случае должен все время находиться с больными пассажирами. Поэтому я думаю, что он как раз тот человек, который сможет их подготовить к посадке. Кроме того, есть еще один человек ему в помощь. Конеч.

— Да, Джанет, прекрасно. Сейчас прерви со мной связь и объясни доктору все, что нужно. Ни в коем случае не должно быть хоть какого-то промаха.

Джанет сняла наушники и вышла из кресла.

В диспетчерской Ванкувера Трелливен вынул из рта потухшую сигарету и отбросил ее прочь. Он посмотрел на электрические настенные часы, затем на руководителя полетов.

— Сколько у них горючего? — спросил он.

Гримзелл посмотрел в бумаги на столе.

— Если считать по времени полета — еще приблизительно на 90 минут, — сказал он.

— Как же так? — спросил Бёрдек. — И вы рассчитываете, что у вас хватит времени на несколько пробных заходов?

— Да, должно хватить, — сказал Трелливен. — Впервые такой самолет ведет один человек: редкостное соло. Следите за ним как можно тщательней, мистер Гримзелл. Нам необходимо иметь в запасе время, чтобы посадить самолет в море, если я решу на это, как на крайнюю меру.

— Мистер Бёрдек, — позвал его оператор, — ваш президент на проводе.

— Ну, конечно, именно сейчас он должен был появиться! Скажи ему, что я не могу говорить с ним сейчас. Переключи его на нашу контору. Нет, постой. Соедини с ней сначала меня. — Он поднял трубку и принялся нетерпеливо ждать. — Это ты, Дейв? Говорит Гарри. Сюрприз для тебя — старик на проводе. Прoderжи его как можно дольше. Скажи ему, что 714-й уже вошел в режим снижения, а его молитвы ничем не лучше наших. Я позвоню ему сразу же... сразу же, как у меня будет, что сказать. Хотя я думаю, он сам сюда скоро примчится. Ну все, дружище!

Прикрыв рукой телефонную трубку, помощник обратился к руководителю полетов.

— Это Говард. Он говорит, что пресса...

— Дай мне его. — Руководитель полетов схватил телефон. — Послушай, Клиф. Мы больше не отвечаем на посторонние звонки. Дела приняли критический оборот... Да, я знаю. Если у них есть глаза, они все сами увидят.

Он со стуком опустил трубку на рычаг.

— Надо сказать, что этот парень прекрасно справляется, — пробормотал Бёрдек.

— Да, — согласился руководитель полетов. — А эти газетки, чтобы справиться со своей задачей, в свою очередь, не могут не беспокоить нас. Вот так и получается. Но мы не должны отвлекаться.

Трелливен стоял у радиостанции, безотчетно постукивая по краю панели пальцами. Его глаза были прикованы к настенным часам.

— Алло, Ванкувер, — вызвала Джанет. — Я уже отдала все необходимые распоряжения.

— Молодчина, — откликнулся облегченно Трелливен. — Ну, Джордж, — поспешно продолжил он, — время, к сожалению, работает против нас. Надо потарапливаться. Во-первых, установите высотомер на 30.1. Затем сбавьте немного газ, но до тех пор, пока не начнете терять 500 футов высоты в минуту. Сохраняйте скорость постоянной. Тщательно следите за показаниями приборов. Вам предстоит довольно долго пробивать облачность.

Спенсер обхватил рычаги управления двигателями и потянул их назад. Стрелка на указателе вертикальной скорости снижения начала медленно двигаться, затем, вздрогнув, быстро переместилась на 600, но тут же вернулась к 500 и там застыла.

— Вот и облачность, — ответил Спенсер, когда проблески рассвета исчезли в сплошной мгле. — Спроси, на какой она высоте над землей.

Джанет передала его вопрос.

— Облачность расположена на высоте примерно в 2000 футов, — ответил Трелливен, — и вы выйдете из облачности приблизительно в 15 милях от аэропорта.

— Передай ему, — продолжил Спенсер, — что скорость снижения постоянна, 500 футов в минуту.

— Хорошо, 714-й. Теперь, Джордж, перейдем к более сложному заданию. Ни на что не отвлекайся. Постоянно следите за показаниями скорости снижения по вариометру. Но одновременно надо, чтобы вы зафиксировали в памяти расположение и назначение приборов для совершения посадки. Сможете?

Спенсер лишь двинул губами, кивнув в знак согласия.

— Да, Ванкувер, — сказала Джанет. — Мы постараемся.

— Тогда порядок. Если что-то не будет получаться, тут же скажите мне.

— Джордж, заходя на посадку, ты должен сделать следующее. Во-первых, включи гидросистему. Но сейчас просто запоминай, делать ничего не надо. Манометр гидросистемы находится в левом конце приборной доски под тумблером включения автопилота. Нашел?

В ответ раздался голос Джанет:

— Да, пилот помнит это, и мы уже нашли выключатель системы.

— Молодцы, 714-й. Удивительно, как быстро возвращаются старые навыки, верно, Джордж?

Трелливен вынул платок и вытер им затылок.

— Затем вы должны будете выключить противообледенительную систему. Сейчас она включена. Прямо перед вами находится ее указатель. Рядом расположен регулятор расхода. Перед посадкой проверьте, отключили ли вы его. Теперь насчет жалюзи. Они должны быть закрыты на одну треть. Регулятор находится у левого колена Джанет. Там три деления. Вы успеваете за мной?

— Да. Я вас поняла, Ванкувер.

— Ты отрегулируешь их сама, хорошо, Джанет? Рядом, на той же линии, находятся выключатели радиаторов левого и правого бортов. Они должны быть открыты до конца. Затем самое важное: посадочная конфигурация. Мы уже практиковались, но мысленно пройди все это еще раз, начиная с закрылков и кончая выпуском шасси. Когда самолет уже совсем пойдет на посадку, закрылки следует выпустить полностью. Я скажу вам, когда точно. Вам обоим все понятно?

— Передай, что все. Спасибо, — сказал Спенсер.

— Когда начнется посадка и шасси будет выпущено, нужно включить подкачивающие топливные насосы, иначе может случиться так, что в самый ответственный момент поступление горячего окажется недостаточным. Тумблер включения насосов находится справа под углом от автопилота, как раз позади регулятора топливной смеси. Джанет растерянно обвела панель взглядом.

— Где? — прошептала она Спенсеру. Тот внимательно осматривал пульт.

— Вот! — Он ткнул пальцем в маленький выключатель над блоком с регуляторами двигателей.

— Теперь — смесь. Ее надо поставить на автоматическое обогащение. Джордж, помнитесь, беспокоился насчет нее, и он, вероятно, знает, что нужно делать. После этого вы должны подготовить систему флюирования винтов. Не отпускайте выключатели, пока не загорятся зеленые лампочки под каждым из них. Выключатели ты увидишь, Джордж, прямо около своего правого колена. Нашел?

— Пилот говорит, что нашел.

— И, наконец, компрессоры. После того, как будут опущены шасси, они должны быть поставлены на стартовое положение. Четыре их регулятора находятся налево от регуляторов работы двигателей. Ну, вот. Есть вопросы?

— Это все для меня один большой вопрос, — сказал Спенсер. — Никогда нам всего этого не запомнить.

— Алло, Ванкувер, — отозвалась Джанет. — Нам кажется, что мы не сможем все сразу запомнить.

— Спроси его, сколько у нас осталось времени, — сказал Спенсер.

Джанет передала вопрос.

— Я уже говорил, Джордж, что временем ты не ограничен. Только не надо его тратить попусту. Скорей всего, вы будете над аэродромом минут через двенадцать. Но пусть это вас не тревожит. Сколько понадобится практиковаться, столько вы и будете. — Через паузу он добавил: — Диспетчер радиолокатора докладывает, что вам нужно подправить курс. Пожалуйста, подвигните на 5° к 260. Конец.

Трелливен выключил микрофон и обратился к дежурному:

— Как только они окажутся в пределах видимости, мы их скорректируем и проделаем несколько пробных заходов на посадку. Посмотрим, как они справятся.

— У нас уже все подготовлено, — сказал руководитель полетов и приказал помощнику. — Передай по всему аэродрому, пусть будут начеку.

— Алло, Ванкувер, — раздался голос Джанет из усилителя. — Мы взяли курс 260.

— О'кэй, — сказал Трелливен, подтянув одной рукой пояс брюк. — Проверь теперь высоту, пожалуйста.

Через несколько секунд Джанет ответила:

— Мы на высоте 2500 футов.

В наушниках Трелливена раздался голос оператора радарной: 15 миль от аэродрома.

— Все прекрасно, Джордж, — сказал Трелливен. — Вы в 15 милях от аэропорта. Вы не вышли еще из облачности?

Последовала долгая пауза. И вдруг среди треска послышался на полуправде голос Джанет: «...медленно подымаюсь. Мне показалось, я что-то вижу... Я не уверена... Нет, все правильно, я вижу его. Вы видите, мистер Спенсер? Прямо перед нами. Мы видим маяк, Ванкувер».

— Они выбрались! — вскричал Трелливен. — Хорошо, Джордж, — обратился он в микрофон. — Мы сейчас перейдем на вышку, поэтому несколько минут связи не будет. Насчет посадочной полосы мы решим в последний момент, поэтому в любом случае вы будете приземляться против ветра. Но перед этим ты проделаешь несколько пробных заходов, чтобы попрактиковаться перед посадкой.

Через усилитель до них доносились слова Спенсера:

— Я возьму это на себя, Джанет. — Затем последовал неразборчивый обрывок разговора, после чего в эфире снова раздался голос Спенсера, отчеканивающий каждое слово: — Нет, так не пойдет. Ситуация здесь, наверху, не позволяет. Мы идем на посадку сразу же.

— Что! — вскричал Бёрдек. — Это невозможно.

— Не будь дураком, — веско проговорил Трелливен. — Ты должен сделать несколько тренировочных заходов.

— Нет, будет так, как я сказал, — упрямо отозвался Спенсер. Его голос слегка дрожал. — Здесь умирают люди. Умирают! Вы можете понять это? А у меня столько же шансов на успех при первом заходе, сколько и при десятом. Так что я пойду сразу же.

— Ладно, Джордж, — произнес Трелливен в микрофон. — Пусть будет так, как ты требуешь. Ну, удачи! Следите за связью.

Трелливен стянул с головы радиотелефон, отложил его в сторону и обратился к остальным:

— Пошли!

Трое мужчин поспешным шагом вышли из диспетчерской и устремились вниз по коридору. Бёрдек еле поспевал за всеми. Не дожидаясь лифта, они стремглав спустились по лестнице, чуть не сбив с ног служащего, и, не сбавляя шага, добрались до командно-диспетчерской вышки.

Оператор стоял у громадного застекленного пространства окна, всматриваясь через ночной бинокль в светлеее небо.

— Вот он! Трелливен схватил другой бинокль и быстро посмотрел в указанном направлении.

— Прекрасно, — слегка срывающимся голосом проговорил он. — Теперь пора решить насчет посадочной полосы.

— Лучше всего 08, — сказал дежурный диспетчер. — Она самая длинная, и, кроме того, самолет окажется как раз против ветра.

— Диспетчер радиолокатора, — позвал командир. — Прощу вас!

— Да, сэр!

Трелливен направился к боковому столу, где под стеклом находился план аэропорта. Фломастером он стал прокладывать предполагаемый курс самолета.

— Сейчас он находится примерно вот тут. Мы его направим так, чтобы он сделал левый заход и одновременно приступил к снижению на 1000 футов. В это время я начну подготовительную проверку перед посадкой. Затем мы его проведем над морем, и тут плавный разворот назад к аэропорту. Ясно?

— Да, капитан, — ответил оператор.

Трелливен взял радиотелефон и надел его.

— Он подключен к радарной? — спросил он.

— Да, капитан.

Дежурный диспетчер объявил в микрофон:

— Командно-диспетчерский пункт ко всему транспорту, вызванному по тревоге. Посадочная полоса 2—4, 2—4. Бензозаправщики должны занять позицию 1 и 2. Вспомогательный транспорт — позицию 3. Все машины скорой помощи — на позиции 4 и 5. Ни одна машина не должна покидать своего места до тех пор, пока самолет не пройдет мимо. Теперь приступайте.

Потянувшись через весь диспетчерский пульт, Трелливен включил настольный микрофон. Около его локтя завертелись кассеты магнитофона.

— Алло, Джордж Спенсер, — проговорил он твердым, спокойным голосом. — Говорит Поль Трелливен из диспетчерской вышки Ванкувера. Вы меня слышите?

Голос Джанет заполнил комнату:

— Да, капитан. Слышимость четкая и ясная.

В наушниках раздался ровный голос оператора радарной:

— 10 миль. Выходите на курс 253.

— Прекрасно, Джордж. Вы теперь в 10 милях от аэродрома. Возьмите курс 253. Уменьшайте газ и начинайте снижаться на 1000 футов. Джанет, сделай пассажирам объявление о начале снижения. В дальнейшем не давайте подтверждений. Переходите на передачу, только если у вас есть вопросы.

Отнимая поочередно то одну, то другую руку от штурвала, Спенсер разминал затекшие пальцы. Он выдавил из себя слабую улыбку и кивнул Джанет:

— Ну, давай займись своим непосредственным делом. Она взяла микрофон, висевший на стене кабины, и нажала на кнопку:

— Внимание, пожалуйста! Внимание! — Ее голос вдруг сел, но она только крепче сжала микрофон и откашлялась. — Пожалуйста, займите свои места и пристегните ремни. Через несколько минут мы идем на посадку. Спасибо.

— Молодчина! — похвалил ее Спенсер. — Ты говорила так уверенно, будто ничего не случилось, обыкновенная посадка.

Она попыталась улыбнуться.

— Не совсем так.

— Ты же все прекрасно понимаешь, — хмуро проговорил Спенсер. — Я бы хотел, чтобы ты также поняла, что я не стал бы настаивать на немедленной посадке, если бы... У нас нет больше времени. Но я должен быть совершенно уверен, что ты понимаешь, почему я хочу... так или иначе... посадить самолет с первого же захода.

— Да, — сказала она просто. — Я понимаю. — Она пристегнула ремень и положила стиснутые руки на колени.

Скользкая под корпусом самолета, поблескивали далекие огни аэродрома. Они были страшно малы и недостижимы, — похожие на красные и янтарные бусины, случайно рассыпанные каким-то ребенком.

Спенсер почти слышал учащенное биение своего сердца. Казалось, будто весь его организм совершал свои особые приготовления, каким-то образом предугадывая опасность складывающейся ситуации, в которой вся жизнь будет зависеть от минуты или даже секунды.

И вот он слышит свой собственный голос:

— Ну, приступим. Пора, Джанет. Я начинаю снижение. Все... начал...

ГЛАВА 11

Стоя на балконе, опоясывающем башню командно-диспетчерского пункта, Гарри Бёрдек опустил бинокль и отдал его назад дежурному. Пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь просчет в плане Трелливена, он еще раз мысленно его проверил. Самолет пролетит над Ванкувером на высоте ниже двух тысяч футов, постепенно снижаясь на этом длинном подветренном отрезке пути. В это время со Спенсером будет проведена последняя тренировка перед посадкой. Затем последует широкий разворот в сторону аэродрома, это даст пилоту достаточно времени, чтобы отработать скорость снижения и подготовиться к заходу на посадку.

Неплохой замысел, который еще больше выигрывает от того, что все будет происходить при нарастающем свете утра. Но тут Бёрдек вдруг подумал о том, как будут воспринимать происходящее те пассажиры, у которых еще есть силы на волнение. Они увидят, что остров Си-Айленд и сам аэропорт останутся позади и самолет окажется над широкой полосой залива. А в это время их пилот будет завершать последние приготовления. Бёрдек вдруг почувствовал себя так, как если бы он сам находился вместе с пассажирами в самолете. Его внезапно сковало удушающее напряжение, приходящее вместе с ощущением опасности. Он весь содрогнулся. Проникший сквозь мокрую рубашку холодный утренний воздух полоснул его по коже, как острое ножа.

Казалось, мир вокруг затаил дыхание. Время приостановилось, но ненадолго.

— Легли на курс 253, — донесся из усилителя женский голос. — Мы быстро идем на снижение.

— Ветер не изменился? — спросил Трелливен.

— На лучшее мы и не можем рассчитывать: дует под небольшим углом к полосе 08.

Это была самая длинная взлетно-посадочная полоса аэродрома.

— Радиолокаторная, — произнес Трелливен в микрофон, — все время давайте мне знать, слышите ли вы меня в эфире или нет. Нам предстоит не совсем обычная посадка по радио. И если вы заметите, что 714-му грозит какая-то опасность, тут же прервите нас и сообщите.

Бёрдек тронул Трелливена за плечо.

— Капитан, а что, если сделать еще один заход, чтобы продержаться их в воздухе, пока совсем не рассветет и у него не будет...

— Все уже решено, — отрезал Трелливен. — У этого парня и так нервы на пределе.

Бёрдек пожал плечами и отошел. Трелливен продолжил ему вслед уже более спокойным тоном:

— Я понимаю ваше состояние, Гарри. Но поймите и его тоже, каково ему среди всего этого нагромождения приборов и рычагов. Он ведь чувствует себя как на острие бритвы.

— А вдруг он неудачно зайдет на посадку? — вмешался в разговор Гримзелл. — Как тогда быть?

— Скорее всего так и случится, не буду этого отрицать, — мрачно ответил Трелливен. — Если дело окажется безнадежным, я постараюсь его убедить в необходимости иного пути.

Подобно гигантской тяжелой птице, самолет «Импресс»,

спрятанный в ранней утренней дымке, медленно пролетел над западной частью ипподрома Лэндслайн и затем над рекой Фрейзер. Справа уже начали проступать очертания моста, соединявшего большую землю с Си-Айленд.

— Ну, а теперь, Джордж, — сказал Трелливен в микрофон, — поставь регулятор смеси на положение «взлет», то есть в самую верхнюю точку.

Переведя взгляд на свои ручные часы, он стал следить за движением минутной стрелки.

— Когда будешь готов, Джордж, перемести рукоятку регулятора нагревателя на холод. Она находится перед рычагами управления двигателями.

— Как у него с горючим? — хрипло спросил Бёрдек.

— Мы уже проверили, — ответил Гримзелл. — Он сейчас летит на основном крыльевом баке.

В это время Спенсер внимательно проверял показания прибора за прибором. Его лицо было напряженно и сосредоточенно. До него доходили последние наставления Трелливена:

— Следующее, что ты должен сделать, это переключить воздухоочиститель, а компрессоры поставить на низкий режим работы. Ну, давай.

Спенсер недоумоменно обвел глазами полет.

— Регулятор воздухоочистителя расположен под регулятором смеси. Передвинь его в верхнее положение.

— Ты его видишь, Джанет? — встревоженно спросил Спенсер.

— Да, да, вижу, — откликнулась она. — Посмотрите! Прямо под нами аэродром. Видите главную посадочную полосу, самую длинную?

— Надеюсь, она будет для нас достаточно длинной, — процедил сквозь зубы Спенсер, не поднимая головы. Трелливен продолжал с земли:

— Компрессоры регулируются четырьмя рукоятками, расположенными справа от регулятора смеси. Поставьте их тоже в верхнее положение.

— Сделала? — спросил Спенсер.

— Да.

— Молодчина.

Не решаясь оторвать взгляд от пульты, Спенсер все же ощущал, как линия горизонта то уходила вниз, то вновь поднималась. Гул моторов стал неровен.

— Теперь выпусти закрылки на 15°, — инструктировал Трелливен. — Для этого переставь рукоятку на второе деление. Индикатор находится в центре приборной доски. Когда это сделаешь, плавно верни скорость на 140 узлов и снова приведи самолет в горизонтальный полет. Закончив с этим, включи гидросистему слева от автопилота.

Диспетчер радиолокатора прокричал Треллиvenu, стараясь, чтобы тот услышал его через наушники:

— Пусть теперь ляжет на курс 225. Я получил данные высоты полета. Высота колеблется от 900 до 1300 футов.

— Смените курс на 225, — проговорил Трелливен в микрофон. — И следите за высотой... Она слишком прыгает. Держи ее постоянной на 1000 футов.

— Он слишком быстро снижается, — сообщил оператор. — 1000... 900... 800... 700...

— Следи за высотой, — предупреждая произнес Трелливен. — Дай больше газа! Подними нос вверх! Вы должны быть на 1000 футов.

— 550... 450... — продолжал оператор, покрываясь потом, но выдерживая спокойный тон. — Не очень хорошо, капитан. 400... 400... 450... Он поднимается. 500...

Трелливена на мгновение сморило. Он сорвал наушники и метнулся в сторону Бёрдека.

— Он не может вести его, — закричал он. — Это же очевидно!

— Не прерывайте связь, — захлебываясь, проговорил Бёрдек, бросаясь к капитану и хватая его за руку. — Ради бога, продолжайте. Говорите ему, что надо делать.

Трелливен схватил микрофон.

— Спенсер, — проговорил он раздельно. — Вы сейчас не сможете сразу пойти на посадку. Вам придется сделать еще несколько заходов и потренироваться. У вас горючего еще на два часа. Держись, старина! Держись!

Все напряженно ждали, что ответит Спенсер.

— Оставьте это горючее себе. Я иду на посадку. Вы слышите меня? Иду на посадку. В самолете находятся люди, которые могут вот-вот погибнуть, а вы говорите — два часа! Может быть, самолет и зарылся немного носом, но ничего, сейчас я его выправил. Так что давайте продолжать. Сейчас я буду выпускать шасси.

Все в диспетчерской услышали, как он произнес:

— Джанет, выпустить шасси!

— Хорошо, хорошо, Джордж, — тяжело проговорил Трелливен и снова натянул наушники. Он уже овладел собой, но одна щека продолжала еще нервно подергиваться.

Бёрдек подошел к огромному окну, всматриваясь в край неба низко над горизонтом. Он был обложен тяжелыми облаками, и пробивавшийся сквозь них рассвет был мрачен и тускл. Он услышал, как Трелливен объяснил, что нужно делать для разворота на 180° влево, чтобы вернуть самолет назад к аэродрому. Он наставлял Спенсера проделывать это медленно и ровно, в то время как будет произведена последняя проверка. Чеканный и монотонный голос Трелливена создавал невеселый фон для размышлений управляющего агентством «Мэпл Лиф».

— Да, нелегко все это, ох, как нелегко, — сказал он сидевшему поблизости диспетчеру. Тот скорчил ответную гримасу. — Одно может только утешить, — продолжал Бёрдек. — Что бы ни случилось в эти две-три минуты, потом уже не будет такой нервозности.

Он похлопал по карманам брюк в поисках сигарет, но, вспомнив, что их нет, вытер ладонью рот.

— Следи за оборотами двигателя, — говорил в микрофон Трелливен. — Тахометр должен показать 2250 оборотов в минуту.

— 2250, — повторил про себя Спенсер, передвигая рукоятку и внимательно следя за показателем. — Джанет, — позвал он, — зачитывай мне скорость полета.

— 130, — начала она монотонно, — 125... 120... 125... 130...

В диспетчерской башне Трелливен внимательно слушал раздававшийся в наушниках ровный голос из радиолокаторной:

— Высота все еще колеблется.

— Джордж, — сказал Трелливен в микрофон, — верни скорость к 120 узлам. Повторяю, скорость 120. — Он взглянул на ручные часы. — Прodelай это мягко, без рывков.

— Продолжает терять высоту, — сообщил оператор радиолокаторной. — 800 футов... 750... 700...

— Высота! — выкрикнул Трелливен. — Вы теряете высоту. Выравнивайтесь, выравнивайтесь! Вы должны держаться примерно 1000 футов.

— Давай... давай! — проскрежетал сквозь стиснутые зубы Спенсер, вытягивая изо всех сил штурвал. — Что за старая кляча! Она не слушается. Она совсем не слушается.

— 125... 130... 130... Скорость установилась на 130.

— Высота подбрасывается к 900 футам, — передал оператор. — Теперь 950... 1000 футов. Сохраняется на 1000 футов.

Трелливен обратился к диспетчеру на вышке:

— Дело идет к концу. Выключите все сигнальные огни на полосах, за исключением 08. — Затем он заговорил в микрофон: — Выходи на курс между 074 и 080. Следите за скоростью и высотой полета. Держитесь на высоте 1000 футов до тех пор, пока я вам не скажу.

Одна за другой погасли линии прожекторов, наполнив запрятанных в траву по бокам взлетно-посадочных полос. Только на полосе 08 они продолжали гореть, окаймляя самый длинный асфальтовый пробег аэродрома.

— Когда у тебя будет все готово, выходи из разворота, — сказал Трелливен, — и выравнивайся на посадочную полосу, которую увидишь прямо впереди себя. Сейчас идет дождь, поэтому тебе надо включить стеклоочистители. Кнопка находится направо от места второго пилота. Она ясно помечена.

— Найди, Джанет, — попросил Спенсер.

— Минутку... Да, нашла.

Огни посадочной полосы, сверкающие бриллиантовыми головками в серо-голубой дымке рассвета, казались невероятно близкими. Спенсер оторвал руку от штурвала и потер глаза, слезившись от сильного напряжения.

— Скорректируй направление, — наставлял Трелливен. — Выравнивайся уверенно и плавно на той же высоте. Понял, Джордж? Теперь слушай очень внимательно. Расчитай так, чтобы коснуться земли тогда, когда будешь над третьей посадочной полосой. Там сейчас боковой ветер слева. Так что будь готов к этому и слегка поддай руль вправо. Если приземляться будешь слишком быстро, используй аварийные тормоза. Включишь их, дернув за красную рукоятку прямо перед тобой. Если этого будет мало, нажми на все четыре включателя зажигания, которые находятся прямо у тебя над головой.

— Видишь их? — спросил Спенсер у стюардессы.

— Да.

— Если мне понадобится их отключить, надо будет сделать это очень быстро. Так что, как только я дам знак, не мешай.

В горле у Спенсера было сухо и колко, будто он наглотался песка.

— Хорошо, — ответила Джанет шепотом.

Он стиснул руки, чтобы унять в них дрожь.

— Во всяком случае, теперь уже недолго. Как насчет сигнала тревоги?

— Не беспокойтесь, я не забыла. Включу его перед самой посадкой.

— Следи за этой треклятой скоростью. Как она?

— 120... 115... 120...

— Начинать снижение, — сказал оператор радиолокаторной. — 400 футов в минуту. Пусть проверят шасси и закрылки. Курс прежний.

— Теперь, Джордж, — продолжал Трелливен, — выпусти полностью закрылки. Снизь скорость до 115, выправи тангаж и начни снижаться до 400 футов в минуту. Закрылки выпусти полностью, скорость 115, снижение 400 футов в минуту. Курс прежний.

Затем он повернулся к Гримзеллу:

— На поле все в порядке?

Дежурный кивнул:

— Да, как никогда.

— Джанет, выпусти полностью закрылки, — приказал Спенсер. Она оттянула рукоятку до конца вниз. — Зачитывай скорость и высоту полета.

— 1000 футов... скорость 130... 800 футов, скорость 120... 700 футов, скорость 105. Мы снижаемся слишком быстро!

— Держи высоту! — закричал Трелливен. — Вы теряете ее слишком быстро.

Глаза разъедал пот. Спенсера почти лихорадило от напряжения. Никакие ухищрения не помогали, чтобы согласовать скорость самолета и стремительное приближение посадочной полосы. Каждую секунду она становилась все ближе и ближе. И Спенсер ощущал это с тошнотворным ужасом. Самолет мотало из стороны в сторону, гул двигателей то нарастал, то вновь стихал.

Бёрдек закричал на балконе вышки:

— Да посмотрите же! Он потерял управление!

Продолжая наблюдать через бинокль за приближающимся самолетом, Трелливен закричал в микрофон:

— Выравнивайся! Ты слишком быстро снижаешься. И, ради бога, следи, чтобы самолет не свалился. Выравнивайся, говорю тебе.

— Он понял вас, — сказал Гримзелл.

— Вверх, еще немного вверх, — настойчиво выговаривал Трелливен. — Если еще не включили сигнал тревоги в салоне, сделайте это немедленно. У пассажиров должны быть сиденья подняты, головы вниз.

Как только раздался высокий и резкий вой сирены, Байард с предельной силой закричал:

— Все вниз! Держитесь как можно крепче!

Согнувшись в три погибели в своих креслах, Джо и Газел Гриер, страстные болельщики футбола, с тихой и святой заботой обхватили друг друга руками. Неловкий в своих торопливых движениях Чилдер пытался притянуть к себе жену, затем поспешно сам перекинулся к ней в кресло, прижав ее безжизненное тело как можно плотнее к креслу. Откуда-то из середины салона доносились слова молитвы, искаженные несдержанными всхлипываниями молящегося, а из дальнего конца вдруг раздалось восклицание одного из четверки выживших:

— Боже, помоги нам!

— Молчать! — рявкнул Пейдодна. — Берегите дыхание!

В башне Гримзелл говорил в микрофон:

— Всем пожарным и спасательным машинам оставаться на местах, пока самолет не остановится. Он может внезапно изменить направление.

Трелливен сорвал с головы радиотелефон. Держа микрофон в одной руке, бинокль в другой, он вскопчил на ноги.

— Сохраняй высоту, — наставлял он, — пока не будешь совсем близко над полосой. Сбавляй скорость мягко... Ну, давай! Кажется, все нормально...

— Проклятый дождь, — выругался Спенсер. — Я почти ничего не вижу.

Под ними была трава — это он еще мог разглядеть. Впереди, казалось, уже виднелись неясные очертания посадочной полосы.

— Следи за скоростью, — предупреждая продолжал Трелливен. — У тебя нос задирается вверх.

Сзади раздался общий вскрик нескольких голосов. — Выровняй самолет прежде, чем коснешься земли, и приготовься к ветру слева... Хорошо... Пора кончать уже...

Самолет пронесся над началом посадочной полосы.

— Ну вот! — воскликнул Трелливен. — Вы идете слишком быстро, Спенсер. Выправьте нос! Давайте вверх! Сбавь газ совсем! Сдерживай, сдерживай! Не так быстро! Приготовься к боковому ветру. Сбавляй ход! Сбавляй!

На высоте нескольких футов от поверхности посадочной полосы Спенсер мягкими движениями штурвала пытался определить расстояние от бетонной дорожки до шасси. У него горло свело от ужаса, когда он понял, насколько выше находилась кабина пилотов в этом самолете, чем в тех, на которых он летал, и это делало бессмысленными все его расчеты.

Казалось, шасси неслись целую вечность над посадочной полосой, прежде чем, тряхнув самолет, они коснулись земли. Раздался резкий визг резины, из-под шасси пошел дым. Самолет опять поднялся в воздух. Но потом мощные шины еще раз приняли на себя удар, на мгновение давая самолету точку опоры на бетонном покрытии.

Последовал третий толчок, затем еще и еще один. Стиснув зубы и во всю ругаясь, Спенсер почти вдавил штурвал в приборную доску. Все кошмарные видения, представлявшие ему в течение последних нескольких часов, стали устрашающей, парализующей реальностью. Серый поток бетона то резко вздымался вверх, то уходил вниз, то вновь вздымался. Затем каким-то образом вдруг успокоился. Самолет совершил посадку. Спенсер расслабил ноги и отпустил ножной тормоз, но тут же со всей силой нажал на него снова. Раздался пронзительный скрежет, но скорость ничуть не уменьшилась. Краем глаза он увидел, что они уже проехали больше двух третей посадочной полосы. Ему теперь ни за что не удастся остановить самолет вовремя.

— У тебя слишком большая скорость! — зорил Трелливен. — Включай аварийные тормоза! Дерни за красную рукоятку!

Спенсер с отчаянием рванул рукоятку. Затем он снова отжал от себя штурвал, нажимая изо всех сил на педали тормозов. Мускулы, казалось, разрывались от напряжения, в то время как самолет пытался вывернуться из скользящей силы тормозов. Колеса приостановились, заблокировались и снова свободно понеслись по дорожке.

— Выключи двигатели! — закричал Спенсер. В секунду

29 ПОБЕДИТЕЛИ

рука Джанет взлетела вверх и ударила по кнопкам. Шум моторов исчез.

Спенсер, застыв от ужаса, уставился вперед. Сумолющими двигателями самолет продолжал нестись так же быстро, как и прежде. Земля за стеклом слитась в неразличимый мутный поток. В конце полосы был уже виден знак поворота. В какую-то долю секунды он смог даже рассмотреть красные бока пожарной машины и шофера, буквально выпавшего из нее, чтобы поскорее убраться прочь.

Голос Трелливена с силой ударил ему в барабанные перепонки:

— Поддай круто влево! Заворачивай влево. Руль резко влево!

Спенсер нашел левой ногой педаль руля направления и со всей силой налег на нее. Резко свернув с дорожки, самолет сошел с полосы на землю, раскачиваясь гигантскими дугами к боку на бок. Откинувшись в правый угол кресла, Спенсер вцепился в штурвал, пытаясь удержать самолет. Внезапно какой-то разрыв сорвал воздух. Возникла ослепительная вспышка. Сорвало шасси. Самолет вмязался брюхом в землю. Удар приподнял Спенсера в воздух, и он почувствовал жгучую боль от врезавшегося в тело предохранительного ремня.

— Голову вниз! — кричал он. — Мы сейчас разобьемся.

Оставшая за собой уродливая борозда, самолет, как краб, продолжал ползти по инерции. С металлическим скрежетом он пересек другую посадочную полосу, вырывая по пути сигнальные огни и поднимая в воздух фонтаны земли.

Спенсер молит о конце. Не ощущая крови, выступившей в углу рта, он, как беспомощный рыбки в неуправляемой взбесившейся колеснице, ждал неизбежной гибели, всепоглощающего удара, от которого все вокруг распадется на огненные обломки, а затем поглотится темнотой.

И вдруг движение прекратилось. Но Спенсеру казалось, что он все еще ощущает сумасшедшие рыбки ползущего по полю самолета. Хотя глаза говорили ему другое: самолет был недвижим. Несколько секунд не раздавалось ни звука. С трудом разгребнувшись за наклонным пультом, Спенсер взглянул на Джанет. Та сидела, зажав голову в колени, и тихо плакала.

Позади них в пассажирском салоне раздавался шепот и шорох людей, ощутивших вдруг себя снова живыми. Кто-то рассмеялся коротким истеричным смехом. И это, казалось, послужило толчком для остальных. Заговоривших тут же разом громко и возбужденно.

Спенсер услышал, как Байард обратился к пассажирам:

— Кто-нибудь ранен?

Голоса в салоне слились в неопределенный гул. Спенсер закрыл глаза. Его всего трясло.

— Надо бы открыть аварийные двери, — слышался простуженный голос ланкаширца. — Пусть все останутся на своих местах.

Из двери, с шумом распахнувшейся в кабину пилотов, раздался возглас Байарда:

— Прекрасная работа. Спенсер! Вы-то живы оба?

— Ничего прекрасного, я же сошел с полосы, — с нескрываемым презрением к самому себе пробормотал он. — Какая там прекрасная: с таким жутким разворотом на рулежке!

— Чуть! Вы проделали все великолепно! — возразил Байард. — У нас там лишь царапины и легкий испуг. Теперь надо бы взглянуть на командира и помощника. Их, наверное, тоже изрядно поматало.

— Доктор! — В горле у Спенсера совсем пересохло. — Мы успели?

— В общем-то да. Теперь все зависит от больницы. А вы уже сделали свое дело.

Спенсер хотел было вылезти из кресла, но тут он уловил какой-то потрескивающий шум. Он вдруг словно окатился горячей волной ужаса. Но он тотчас понял, что шум доносился из наушников, висевших на панели. Спенсер опустил обратно на сиденье и поднес их к уху.

— Джордж Спенсер! — вызывал оттуда голос Трелливена. — Джордж Спенсер! Где вы?

Снаружи с нарастающей силой раздавался вой сирен пожарных машин и скорой помощи. А из салона до Спенсера доходили голоса суетящихся пассажиров.

— Да, я здесь, — откликнулся он в микрофон.

Голос Трелливена звучал на фоне возбужденных возгласов и смеха:

— Джордж, это была, наверное, самая шумная посадка за всю историю аэродрома. Так что и не просите взять вас пилотом. Правда, тут некоторые хотели бы пожать вам руку и угостить, когда все уляжется.

Джанет подняла голову и улыбнулась дрожащими губами.

— Видели бы свое лицо, — сказала она. — Оно все почернело.

Спенсер не знал, что ответить. Не нашлось ни спасительной шутки, ни слов благодарности. Он лишь ощущал, что до тошноты измотан и обессилен. Но он все же улыбнулся в ответ и, дотянувшись до руки Джанет, крепко сжал ее.

Письмо старшего тренера сборной СССР по хоккею Виктора Васильевича Тихонова «Сборная СССР: какой она будет?», опубликованное в девятнадцатом номере «Смены» за прошлый год, вызвало живой отклик читателей. Попытку предугадать имена двадцати хоккеистов, которые будут выступать на чемпионате мира, предприняли многие любители этой популярнейшей игры. И хотя сроки отправления писем в редакцию были продлены до 20 апреля (по почтовому штемпелю, фиксирующему срок отправки ответа), точный состав нашей команды, уезжающей в Прагу, не назвал ни один из тысячи восьмисот помощников тренеров сборной Советского Союза.

Были письма краткие, были подробные, авторы которых старательно перечисляли все достоинства предлагаемых ими кандидатов. Были предложения сохранить наигранные в ходе чемпионата страны звенья, были предложения новаторские, рекомендуемые нашим тренерам самые неожиданные сочетания игроков. Например, читатель В. Мороз из города Красноводска предлагал в одну тройку включить Валерию Харламова, Александра Волчкова и Хельмута Балдериса, а в другую — сразу трех центрфорвардов: Владимира Петрова, Виктора Жлуктова и Александра Мальцева.

Но как бы ни были поклонники хоккея далеки друг от друга в своих суждениях об оптимальном составе главной команды страны, все они сходились в одном — в искренних пожеланиях успеха советским хоккеистам. Заслуженный мастер спорта Лидия Стрельникова, в частности, написала: «В конкурсе, несомненно, кто-то правильно предугадает состав сборной, но пусть он будет сильнейшим и в Праге, не только на бумаге».

Двадцать имен названы не были ни в одном письме. Большую часть любителей хоккея «подвел» Сергей Бабинов. Неожиданная травма вывела его из числа претендентов на поездку в Прагу. Многие болельщики голосовали и за Владимира Шадрина, однако тренеры отдали предпочтение Сергею Макарову, и, видимо, поклонники нашей сборной согласны теперь, что Виктор Тихонов и его помощник Владимир Юрзинов не ошиблись в молодом нападающем.

Двадцать девять авторов писем верно назвали по девятнадцать игроков из тех двадцати, которые спустя три недели стали чемпионами мира.

Редакция путем жеребьевки определила 5 читателей, которые получат ключики с автографами победителей чемпионата мира по хоккею: О. А. Зотин из Красноярск, Александр Яволинский из Риги, Александр Самарин из Горького, Алексей Логунов из Перми (он пишет, что ему 20 лет, Алексей работает на заводе и играет в хоккей за цеховую команду) и С. Коштыанц из Москвы.

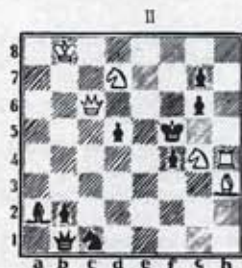
Фотографии сборной с автографами хоккеистов будут направлены Наилу Валиахметову, студенту Казанского университета, Алексею Рубашенко из города Кольчугино, Владимирской области, Василию Гуменюку из Череповца, инженеру-смотрителю из Норильска В. Самбурскому, Николаю Белоконову из Славянска, Донецкой области, В. Баслакову из Пскова, В. Зайцеву из Анжеро-Судженска, Кемеровской области, младшему научному сотруднику Евгению Конкину из города Сосновый Бор, Ленинградской области, Игорю Саркисову из Армавира и Анатолию Смолину из Сычевки, Смоленской области.

Редакция благодарит всех читателей, принявших участие в конкурсе.

21 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНИ ТРЕТИЙ ТУР

Мат в три хода (3 очка)

Мат в три хода (3 очка)

Мат в три хода (3 очка)

Ход черных. Какая комбинация ведет их к победе? (3 очка.)

Ответ на каждое из трех заданий присылайте на отдельной открытке. Не забывайте разборчиво указывать свою фамилию и инициалы, а также обратный адрес. Слева вверху лицевой стороны почтовой карточки проставьте, пожалуйста, пометку «Шахматный конкурс «Смены», третий тур». Письма на этот тур отправляются в нашу редакцию с 1 по 15 сентября 1978 года.

НОВЫЙ УСПЕХ ДОЛМАТОВА

В нынешнем году наша страна на личном первенстве мира среди юношей будет представлена не одним, а двумя шахматистами. Это исключение из строгих правил стало возможным потому, что в последнем таком состязании титул чемпиона завоевал студент МГУ Артур Юсупов. К нему теперь присоединится другой юный москвич, тоже студент университета, Сергей Долматов. Если Артур как чемпион получил персональную «путевку» на новый турнир, то Сергей добился почетного права выступать от СССР во всемирном юношеском первенстве своей убедительной победой на нелегком всесоюзном отборочном соревновании в Сочи.

Приводим два фрагмента из партий сочинского турнира, характеризующие энергичную и целеустремленную игру победителя.

Такое положение возникло после 24-го хода черных в партии Долматова (у него были белые

фигуры) с мастером из Красноярск Львом Псахисом. Быстро двинув ладьи по вертикали на королевском фланге, белые осуществили изящную комбинацию.

25. Лf1—f2! Крf8—g7 26. Лe1—f1 Лh8—f8 27. Лf2—f6! Кd7—f6 28. Лf1—f6 Лb8—d8.

Вторая белая ладья неуживима, ибо угрожает банальная коневая «вилка».

29. Лf6—f2 Фc7—c5 30. Фh3—g3 Лd8—d4 31. h2—h3 f7—f6 32. Кph1—h2 Cb5—c6 33. Кd2—f3 Лd4—c4 34. b3—c4 Фc5—c4 35. Кf3—h4 g6—g5 36. Kh4—f5—Kpg7—h7 37. Фg3—d3 Фc4—c5 38. Лf2—d2 Лf8—f7 39. Кc3—d5 a6—a5 40. c2—c4, и черные сложили «оружие».

Здесь перед вами позиция, создавшаяся после 20-го хода белых во встрече Долматова (в этой партии он играл черными) против сверстника из Киева Бориса Табокова. Искусно маневрируя, черные вносят разлад во взаимодействие неприятельских фигур.

20. ...f7—f6! 21. Ke5—c4 Фb6—b3 22. Фf3—e2 Ce8—b5! 23. Ce3—h6 Лc8—c6 24. Ла1—c1 Ce7—f8 25. Ch6—f8 Kpg8—f8 26. Kc4—e5.

Не видно, как белым избавиться от «мертвой» связки их коня, и поэтому они идут на тактические ухищрения.

26. ... Кd5—f4 27. Фе2—d1 Фb3—d5! 28. Фd1—g4 f6—e5 29. Cd3—b5 Фd5—b5 30. Лc1—c6 b7—c6 31. Фg4—g5 Kf4—e2+ 32. Kpg1—h1 Ke2—g3+! 33. h2—g3 Фb5—f1— 34. Kph1—h2 Лd8—e8, и белые капитулировали.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

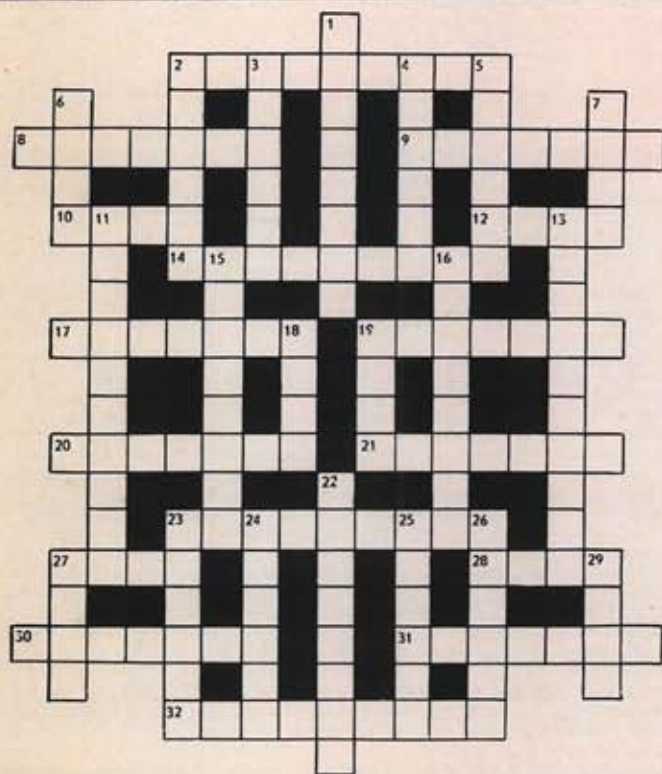
Сдано в набор 19.06.78. Подписано к печати 13.07.78. А 09090. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11, 55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 1764. Заказ № 2407. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Слова
Геннадия СЕРЕБРЯКОВА.
Музыка
Вадима СЕРЕЖНИКОВА.

Скоро, скоро белый иней
Серебром засыплет сад...
Над Россией, над Россией
Гуси-лебеди летят.

Только знаю—не забудет
Мое сердце ничего,
И что было и что будет—
Все вмещается в него.

Вот забилось с новой силой
Тихой грусти невпопад...
Над Россиею, над Россиею
Гуси-лебеди летят.

Составил В. ШАТРОВ,
Москва

По вертикали:

1. Живописец венецианской школы.
2. Музыкальный инструмент, распространённый на Кубе.
3. Бегун на длинные дистанции.
4. Испанский парный танец.
5. Певца и композитора, лауреат конкурса артистов эстрады.
6. Музыкальное произведение в четком ритме.
7. Страна, на территории которой организован XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.
11. Город в Индии.
13. Страна, в которой состоялась IX Олимпийские игры.
15. Спортивное гребное судно.
16. Командная спортивная игра.
18. Государство на Аравийском полуострове.
19. Представитель коренного населения республики в составе Югославии.
22. Представительница коренного населения Америки.
23. Духовой инструмент.
24. Панист, лауреат Ленинской премии.
25. Автор текста «Гимна демократической молодежи мира».
26. Современный кубинский

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 14

По горизонтали:

3. «Тонадиля». 6. Гильен. 7. Гитара. 11. «Юмури». 12. Прага. 13. Кауто. 15. Гирао. 17. Сафра. 18. Гимнастка. 19. «Эрнани». 22. Картая. 25. Трепел. 26. Гавана. 27. Конкурс. 28. Марти. 29. Томас.

По вертикали:

1. Индеец. 2. Ольгин. 4. Трибуна. 5. Варшава. 8. Жюри. 9. Дружба. 10. Лавр. 13. Кармен. 14. Одетта. 16. Орган. 17. Старт. 19. Эредиа. 20. Арлекин. 21. Испания. 22. Картули. 23. Регистр. 24. Ямйка.

НЕБО ЗОВЕТ.
Фото Анатолия РЯБКО
(Краснодар).

САЯНЫ.
Фото Порфирия
ВЛАДИМИРОВА
(Калужская обл.).

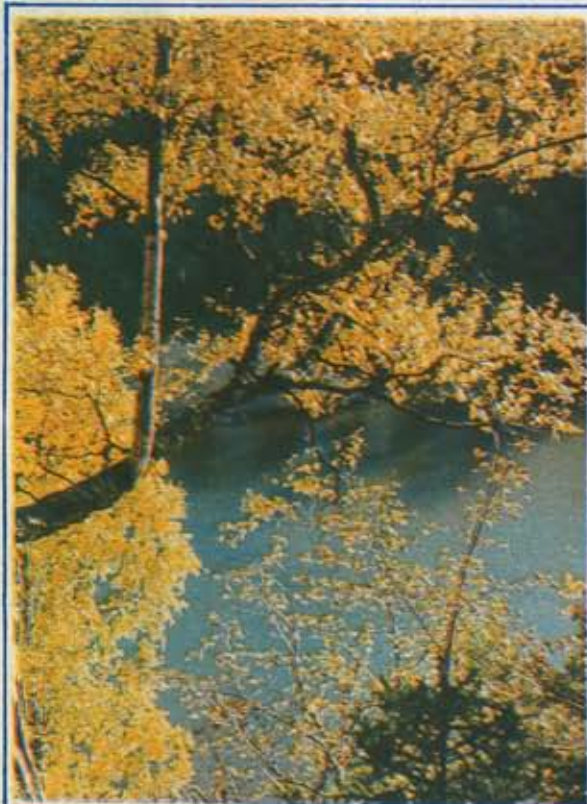

СТРОЙКА.
Фото Алексея МАСЛОВА
(Москва).

Фотоконкурс
«Смены»,
посвященный
60-летию
Ленинского
комсомола

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

ОСЕНЬ.
Фото Юрия КУЧЕРУКА
(Рига).

**ПОЧТИ В ЦЕНТРЕ
НЕВЕЛЬСКА.**
Фото Владимира
МАТЫСИКА
(Сахалинская обл.).

Редакция ждет
от читателей новых
конкурсных
фотографий,
которые принимаются
до 1 октября
1978 года.

